МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ВОРОНЕЖСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

ВОРОНЕЖ 1988

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ВОРОНЕЖСКИЙ ОРДЕНА "ЗНАК ПОЧЕТА" ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Межвузовский сборник научных трудов

БИБЛИОТЕКА
Таганрогского
краеведческого музея
№

ИЗ КНИГ
к.и.н., доцента
МАМОНТОВА В. И.

Воронеж 1988

Печатается по решению
зонального редакционно-
издательского совета
при ВГПИ

Исследование памятников археологии Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. - Воронеж: ВГПИ, 1988. - 165 с.

Сборник научных работ сотрудников Воронежского, Липецкого, Куйбышевского пединститутов, Воронежского университета, а также археологов Москвы и Белгородской области знакомит с материалами новых археологических памятников европейской территории нашей страны. На их основе дается оценка конкретным историческим явлениям древности как в области социально-экономической, так и в области идеологической и политической. Особое внимание в статьях сборника уделяется современным методическим приемам анализа археологических источников, что способствует более успешным реконструкциям процесса исторического развития древних обществ. Все это, а также публикация ярких (а в ряде случаев и уникальных) археологических материалов, найдет практическое применение при разработке вузовских учебных курсов, спецсеминаров и практических занятий.

Сборник будет полезен также в работе учителей, краеведов и учащихся общеобразовательных школ.

Редакционная коллегия: проф. А.Т.Синюк (отв. редактор), доц. И.Б.Васильев, доц. А.З.Винников, доц. В.М.Пирогов, асс. В.И.Погорелов (отв.секретарь).

Рецензенты: проф. В.П.Загоровский (ВГУ), проф. С.Г.Басин (КГПИ).

(С) Воронежский ордена "Знак Почета" государственный педагогический институт, 1988

А.Н.Бессуднов
(Липецкий пединститут)

КОЛОСКОВО IУ - МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ПООСКОЛЬЯ

В 1985 году автором открыто поселение Колосково IУ на пойменной песчаной дюне левого берега реки Оскол в I,0 км западнее с.Колосково Валуйского района Белгородской области. Подъемный материал распространялся на площади 70х50 м (параллельно руслу реки) с заметной локализацией в наиболее возвышенной части дюны. Высота дюны над уровнем реки 5 м. Обращает на себя внимание морфологическая однородность и массовость кремневого материала. Всего на площади поселения было собрано I9 орудий, 3 пирамидальных нуклеуса и I7I отщеп. Сырьем служил высококачественный меловой кремень местного происхождения, имеющий голубоватый налет патины.

Тогда же был заложен раскоп площадью 60 м^2. Мощность культурного слоя на памятнике не превышает 45 см. На всей глубине он представлен светло-серой однородной супесью. Распределяемость находок по штыкам неравномерна (Рис.2 I,2). В первом штыке плотность их гораздо выше, чем во втором (856 и 53I единиц соответственно). Несмотря на разрушенность культурного слоя планиграфическое разнесение кремневого материала показывает, что он тяготеет к хозяйственным ямам (рис.2, I,2). В среднем же плотность находок в слое составляет 23,I единицы на I м^2. Поскольку культурный слой перемешан вследствие глубокой распашки, анализировать материал обоих штыков целесообразнее вместе. Из I385 кремневых находок - 985 отщепов (7I%). Из этого числа - I68 (I2,5%) чешуйчатых отщепов (до I см) и 36 (2,2%) отщепов, имеющих следы забитости. Найдено также I59 (II,4%) призматических пластин, не имеющих следов вторичной обработки и 55 (4%) нуклеусов и нуклевидных обломков (табл.I).

Таблица I

Материалы поселения Колосково IУ

Продукты первичного расщепления кремня	Количество единиц	Доля в процентах
Отщепы	985	7I
Из них: чешуйки	I68	I2.5

продолжение

Продукты первичного расщепления кремня	Количество единиц	Доля в процентах
отщепы со следами забитости	36	2,2
Призматические пластины	I59	II,4
Нуклеусы	55	4
Всего:	II99	85,4

Доля орудий в общей массе кремневого материала из культурного слоя составляет I4,6%.

Таблица 2

Соотношение типов орудий с поселения Колосково IУ

Типы орудий	Количество единиц	Доля в процентах
Скобели	67	35,7
Резцы	60	3I,9
Скребки	2I	II,I
Вкладыши	2I	II,I
Ножи	I3	6,9
Ретушеры	2	I,I
Провертки	2	I,I
Рубящие орудия	2	I,I
Всего:	I88	I00

В процессе раскопок было выявлено I0 ям. По количеству находок особенно выделяется яма I (I4I единица кремня); яма 4 (I22 единицы); яма 2 (67 единиц); яма 9 (63 единицы). Всего в ямах найдено 485 находок из кремня. Ценность ям на этом памятнике состоит в том, что они дают закрытые комплексы кремнеобрабатывающей индустрии. Статистическая раскладка материала ям и сравнение его с таблицами по культурному слою показала в целом аналогичность соотношения отходов и основных типов орудий (таблицы 3 и 4).

Таблица 3

Соотношение продуктов первичного расщепления кремня из ям поселения Колосково IУ

Продукты первичного расщепления кремня	Количество единиц	Доля в процентах
Отщепы	355	73,2
Из них:		
чешуйки	31	6,4
отщепы со следами забитости	26	5,4
Призматические пластины	65	13,4
Нуклеусы	19	4
Всего:	439	90,6

Таблица 4

Соотношение типов орудий из ям поселения Колосково IУ

Типы орудий	Количество единиц	Доля орудий в процентах
Резцы	16	34,8
Скобели	15	32,7
Скребки	11	23,9
Вкладыши	2	4,3
Ножи	2	4,3
Ретушеры	-	-
Всего:	46	100

Хотя для слоя общий процент орудий несколько выше (14,6%), чем для ям (9,4%), но, вероятнее всего, это обусловлено как количественной неравноценностью сравниваемых коллекций (в первом случае 188 единиц, во втором - 46), так и сравнительно малой пока серией отдельных орудий.

Обращает на себя внимание преобладание отщеповой индустрии над пластинчатой. Примечательно и то, что основная масса орудий (112 из 180 для слоя и 29 из 46 для ям) сделана на сколах,

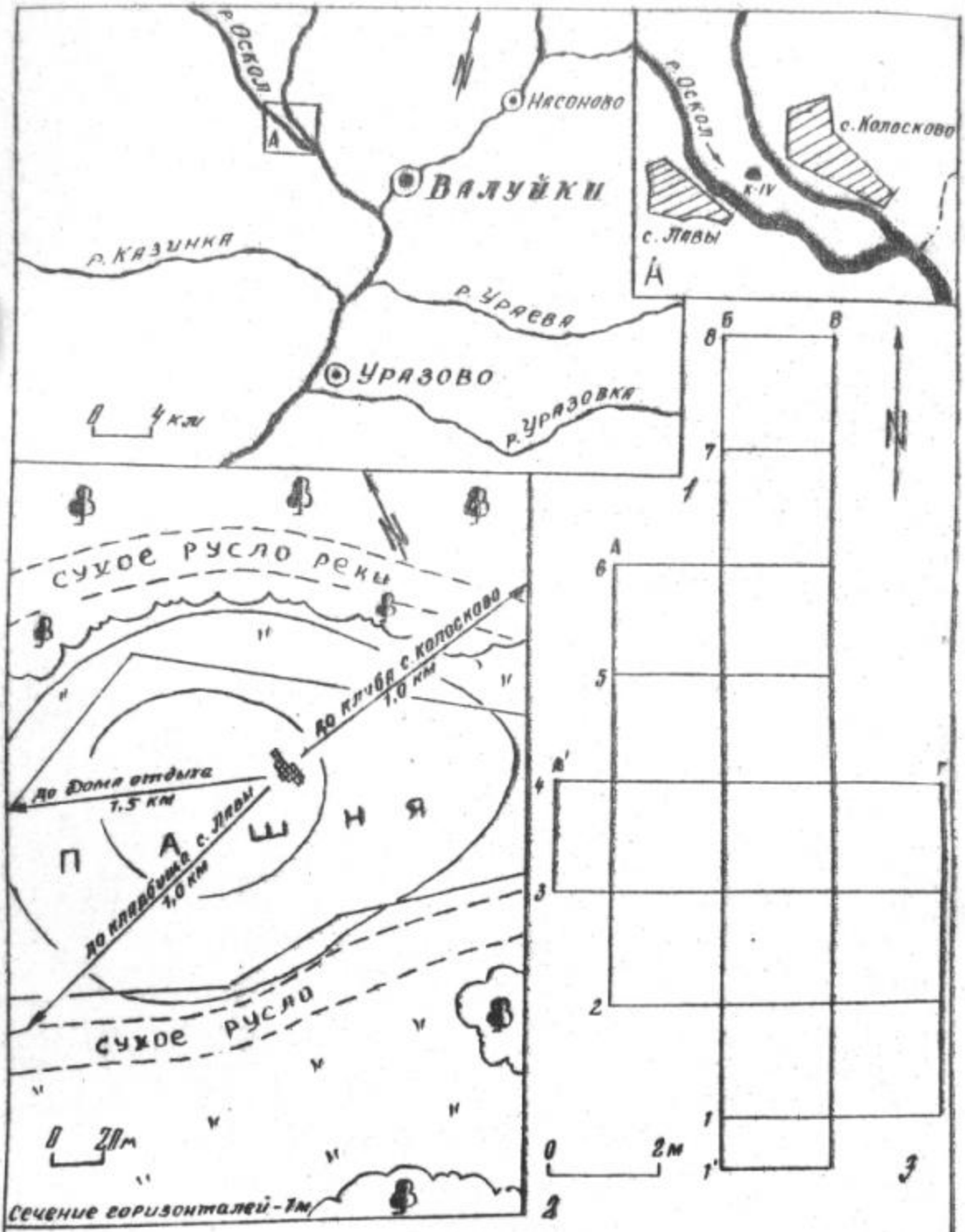


Рис. 1

Поселение Колоскова IV

1 – карта района, прилегающего к поселению; 2 – план поселения; 3 – план раскопа

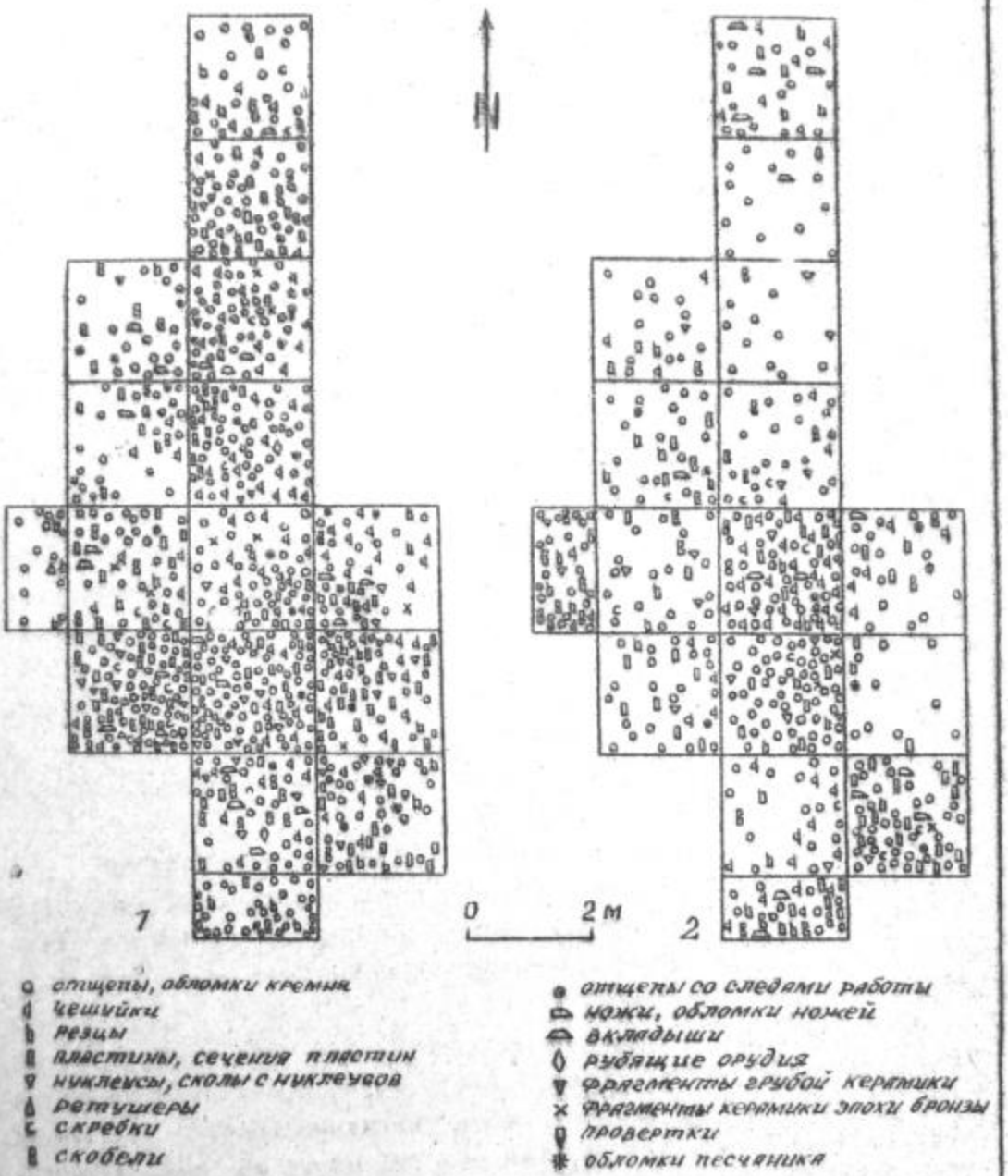


Рис. 2

Поселение Колосково IV. Планиграфия находок

1 – шпык 1; 2 – шпык 2

отщепах, аморфных обломках. Пластинчатая индустрия также характерна для этого памятника, но несколько в меньшей степени, чем отщеповая. В соответствии с этим мы и рассмотрим основные типы орудий на отщепах, а затем на пластинах. За основу анализа взят технико-типологический признак с опорой на датированный материал близлежащих памятников [I, с.I47-I68; 2, с.88-92; 3, с.I70-I76].

Нуклеусы для производства отщепов, как правило, аморфны и лишь некоторые экземпляры имеют четко выраженную ударную площадку и подклиновидную форму (рис.3, I,2).

Самой большой серией на отщепах представлены выемчатые орудия (скобели) (рис.3, 3-6). Здесь следует обратить внимание на торцевые скобели, которые представлены единичными экземплярами (рис.3, 3,4). Скоблевидная выемка во всех случаях оформлена мелкофасеточной крутой ретушью.

Все резцы на отщепах относятся к типу угловых с коротким резцовым сколом. Одно орудие имеет трехступенчатый резцовый скол (рис.3, 7). Три резца слегка ретушированы по кромке рабочего края (рис.3, I0). Встречаются также микроорудия этого типа (рис.3, 9).

Скребки на отщепах представляют очень разнообразную серию. Здесь есть и грубо обработанные орудия на аморфных кусках кремня (рис. 3, I5-I7), скребки на пластинчатых отщепах (рис.3, I4) и микроскребки (рис.3, I2,I3).

Имеется одна креневая проколка, которая изготовлена на ребристом отщепе. Рабочий край ее слегка ретуширован (рис.3,20).

Большую серию составляют отщепы со следами работы или ретуши (рис.3, I8,I9,22,23). Вполне возможно, что они могли использоваться как вкладыши.

Для производства пластин выделяется три типа нуклеусов: пирамидальные ортогнатные (рис.4, I), призматические двуплощадочные, уплощенные (рис.4, 2) и карандашевидные (рис,4, 3). Характерным для них является то, что все они имеют круговое использование. Негативы пластин, скалываемые с них, как правило, небольших размеров, параллельно ограненные (рис.4, 4-6).

Серия скобелей представлена двумя типами орудий: с выемкой, оформленной с брюшка (рис.4, I0) и со стороны спинки (рис.4, 8,9,II). Но и в том, и другом случаях выемка оформлена на боку пластины. Иногда их бывает две и больше (рис.4, 8).

Резцы также все боковые (рис.4, I2-I5). В отличие от резцов

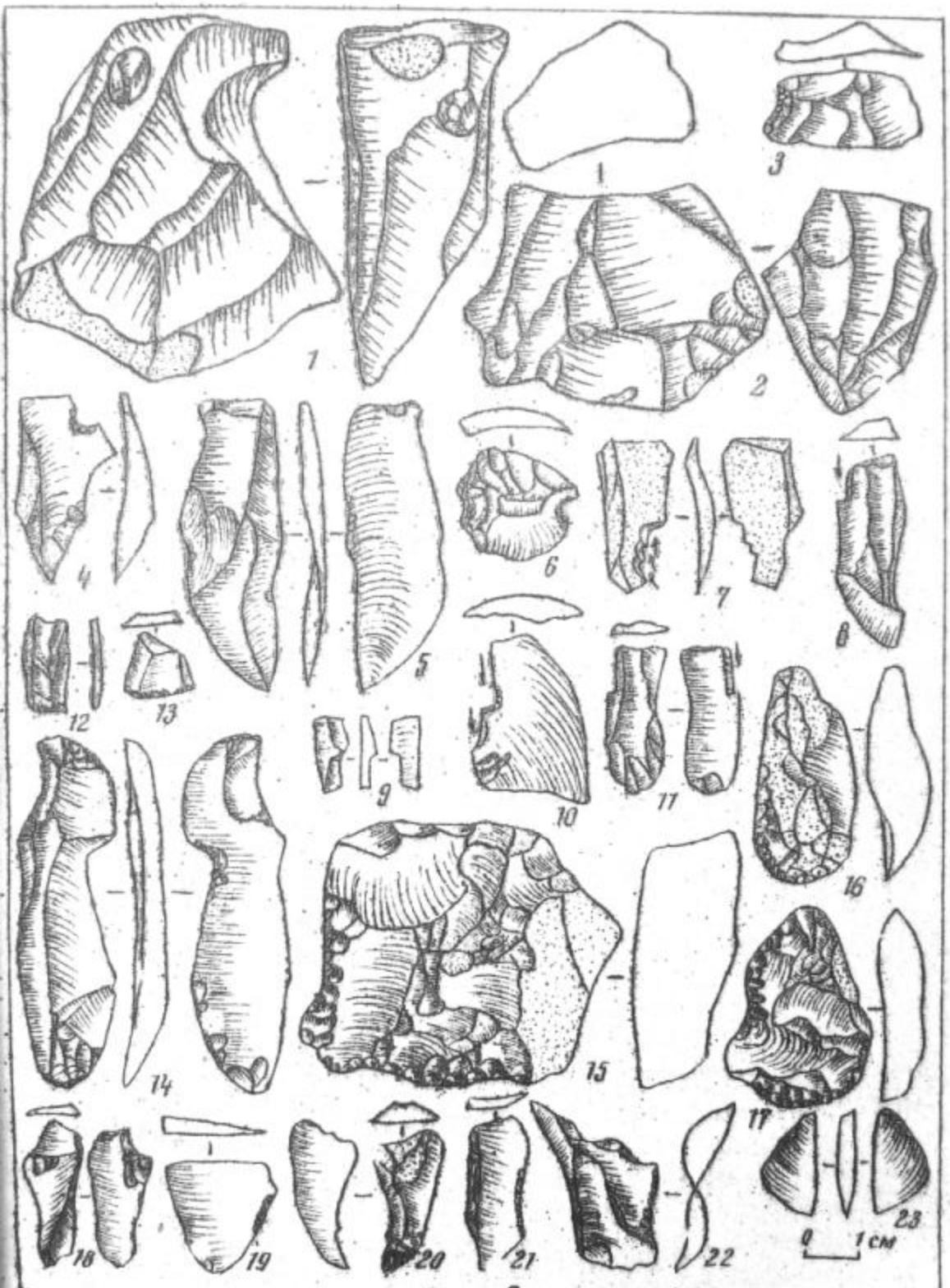


Рис. 3

Поселение Колоски во IV

Продукция отщеповой индустрии

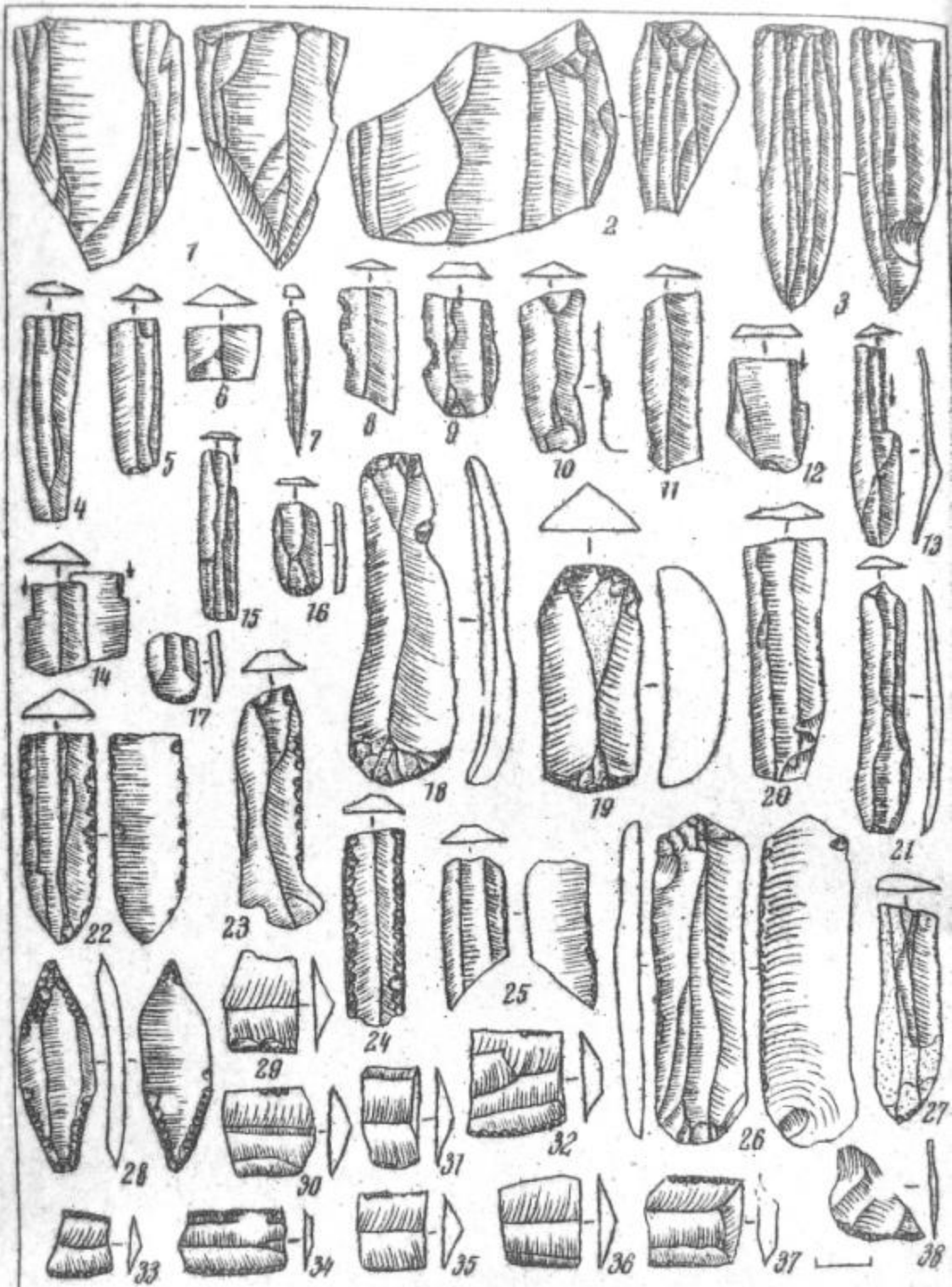


Рис. 4

Поселение Колосково IV

Продукция пластинчатой индустрии

на отщепах, они имеют более длинный резцовый скол (рис.4, 13), но в то же время не встречено ни одного орудия с многоступенчатым резцовым скалыванием.

Скребки на пластинах относятся к типу концевых, которые можно подразделить на два подтипа: концевые на высоких пластинах (рис.4, 18) и концевые на микропластинах (микроскребки) (рис.4, 17,18). Не исключено, что микроорудия скребкового типа как на отщепах, так и на пластинах могли служить в качестве вкладышей. Есть двойной скребок с противоположными рабочими краями (рис.4, 19).

Ножи на пластинах, как правило, имеют ретушь со стороны спинки. Примерно у половины из них ретушь имеется и на брюшке (рис.4, 22,25,26). Один нож оформлен со стороны спинки крутой притупляющей ретушью (рис.4, 24). Кроме того, в коллекции есть ножевидные пластины, имеющие слабую нерегулярную ретушь, образовавшуюся в процессе работы (рис.4, 20,21,23). Этот факт позволяет предположить, что такие пластины использовались в качестве ножей без дополнительной обработки.

На поселении встречен иволистный наконечник стрелы с выделенным черешком овидерского типа (рис.4, 28).

Вкладышевые орудия представлены сечением призматических пластин (рис.4, 30-38). У основной массы из них имеется притупляющая ретушь на одном крае (рис.4, 29,31,36,38) или двух (рис.4, 30,32,33-35,37). Характерная особенность - отсутствие трапеций и сегментов.

В коллекции также имеется небольшое количество комбинированных орудий, не составляющих устойчивой серии. Необходимо отметить, что несколько чаще комбинируются скобель и скребок.

Учитывая близкое сходство кремневого материала Колосково IУ и Храпово IУ [2], можно в предварительном плане говорить о том, что Колосково IУ относится к эпохе раннего мезолита. Вопрос об отнесении этого памятника к определенной культуре пока что во многом остается открытым, чему мешает целый ряд объективных причин. Во-первых, мезолит в Поосколье, да и вообще в Подонье, практически не изучался; во-вторых, это связано с характером памятника, который, судя по соотношению отходов и готовых орудий, был прежде всего мастерской по первичной обработке кремня. В-третьих, необходимо учитывать тот факт, что среднее Поосколье изобилует открытыми месторождениями высококачественного кремня, служащего сырьем для этнических группировок

соседних территорий в древности, а поэтому данный регион был местом взаимодействия и взаимовлияния целого ряда синхронных культур.

Морфологически кремневый материал Колосково IУ наиболее близок к материалу памятников побельско-смячкинского типа, тяготеющего в свою очередь к микро-макролитическому инвентарю Полесско-лесостепной мезолитической области Украины [3, с.176].

Для Колосково IУ макролитичность характерна только для скребков и рубящих орудий, что, вероятнее всего, было обусловлено не пережиточностью палеолитических традиций в кремнеобрабатывающей индустрии [2, с.92], а хозяйственной необходимостью.

Интересен факт нахождения на поселении стрелки свидерского типа. Вообще подобные орудия не являются единичными как для нашей территории, так и для близлежащих памятников на территории Украины. Поэтому здесь вполне возможно говорить не о свидерской традиции, а о единой постсвидерской основе, сыгравшей, как известно, немалую роль в формировании мезолита Восточной Европы [4, с.42].

Литература:

I. Пряхин А.Д., Синюк А.Т., Денисенко Г.Ф. Шелаевские дюнные стоянки на Среднем Осколе // Из истории Воронежского края.- Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1969. - Вып. 3. - С.147-168.

2. Крижевская Л.Я. Храпово 4 - памятник каменного века правобережья р.Оскол // КСИА. - 1981. - № 165. - С.88-92.

3. Телегин Д.Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. - Киев: Наукова Думка, 1985. - 183 с.

4. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. - М.: Наука, 1983. - 295 с.

А.Т.Синюк
(Воронежский пединститут)

О ПОНЯТИИ "ЭНЕОЛИТ" ДЛЯ ЛЕССОСТЕПИ ДНЕПРО-ДОНО-ВОЛЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

На современном уровне развития археологии становится очевидней необходимость выработки единого представления о содержании основных археологических понятий, без чего теряется возможность четкого сопоставления однопорядковых категорий [1,с.7]. К числу таких понятий относится и "энеолит", в оценке которого имеются значительные расхождения не только по критериям содержания, но и по своему таксономическому статусу в рамках археологической периодизации. Следует, однако, заметить, что работа в этом плане чрезвычайно сложна и предварительно требует выявления определяющих признаков для материалов конкретных природно-географических регионов.

Не ставя перед собой задачи детального освещения историографии данного вопроса, коснемся только наиболее важных, на наш взгляд, точек зрения, появившихся в литературе за последнее время. Это позволит конкретнее обосновать свою позицию к понятию "энеолит" для лесостепи Днепро-Доно-Волжского междуречья*.

В одной из работ, посвященных проблемам периодизации эпохи раннего металла на территории СССР [2, с.53-82], Е.Н.Черных убедительно обосновывает связь каждого из периодов с последовательно сменявшимися время крупными этапами развития древней металлургии. С первым из них, где особую роль играла Балкано-Карпатская металлургическая провинция (БКМП), связывается энеолит как самостоятельный археологический период, предшествующий бронзовому веку. Автор отмечает такие ведущие признаки энеолита, как появление кованых и отлитых в открытых формах изделий из меди без искусственных примесей; распространение в пределах БКМП наряду с мелкими изделиями (шилья, проколки, ножи и т.д.) трех основных видов тяжелого медного оружия и орудий труда: крестообразных втульчатых топоров-тесел (или топоров-мотыг),

---

* Опорным районом наших изысканий является бассейн донского лесостепья. Но, как показывают сравнительные данные, общими проявлениями характеризуются и источники более широкого лесостепного региона.

топоров-молотков и массивных тесел-долот. С началом же бронзового века связывается возникновение Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) и распространение "пяти практически обязательных видов орудий и оружия: втульчатых топоров, черенковых ножей и кинжалов, долот с упорсм, шильев с упором и плоских тесел" [2, с.61]. Подавляющее большинство этих видов изготовлялись уже из бронзы, а не из меди.

Весьма важным нам представляется вывод исследователя о том, что "формирование и распад металлургических провинций, как правило, совпадал с наиболее существенными историко-культурными событиями на обширнейших пространствах: консолидации огромных культурно-исторических общностей и культур; возникновение могучих культурных и производственных центров, переориентация культурных и экономических связей больших этнических групп: ступени технического прогресса, а порой и регресса, и т.д." [2,с.81-82]. Сказанное достаточно определенно характеризует позицию исследователя, предполагающую место энеолита как самостоятельного археологического периода, и конкретизирует его содержание.

Близкой позиции придерживается и Н.В.Рындина [3, с.74-86]. Анализируя исторические сдвиги, происшедшие в связи с использованием палеометаллов, она со всей определенностью высказывается за выделение в истории первобытного общества двух самостоятельных хозяйственно-технических этапов: энеолита и бронзового века*. Ею, правда, выдвигаются иные критерии выделения энеолита. Начало его сопряжено с открытием упрочняющего характера ковки меди, что произошло до изобретения бронзы, но уже после освоения литья и металлургического плавления меди из руды: "с энеолитом наиболее естественно связывать культуры, которым присуще широкое внедрение металла в производство, и прежде всего появление орудий и оружия ударного действия" [3, с.80]. В связи с этим еще неолитическими должны считаться те культуры, "в инвентаре которых на фоне господства кремневой индустрии зафиксировано спорадическое появление меди в форме украшений и колюще-режущих орудий" [3, с.80]. В разграничении энеолита и бронзового века, таким образом, оказывается массовое освоение изделий из искусственных сплавов, т.е. и здесь в

---

* Нет сомнения, что в данном случае имеется ввиду археологическая периодизация.

основу классификационного членения палеометаллических культур положен металлургический показатель.

Нужно, правда, отметить, что Е.Н.Черных и Н.В.Рындина заметно расходятся относительно критериев для определения начала энеолита. Е.Н.Черных придерживается более широких рамок этого определения, включая в энеолит такие культуры, в которых фиксируется местное производство медных изделий всеми способами до появления искусственных сплавов, при этом справедливо учитывая воздействие со стороны того или иного очага металлургии и металлообработки. Заметим, что, наряду с орудиями ударного действия, Е.Н.Черных соподчиняет своей классификации и типологию медных изделий другого рода (ножи, шилья), что нам представляется весьма логичным.

Н.В.Рындина предельно сужает металлургический показатель, относя, как уже говорилось, к неолитической эпохе и те культуры, в которых фиксируется металлургическое производство, но нет медных орудий ударного действия. В результате даже такая металлоносная культура, как среднестоговская, только условно причисляется ею к энеолитическим [3, с.81]. С другой стороны, строго опираясь только на один металлургический признак, Н.В. Рындина (вслед за Е.Н.Черных) относит к энеолитическим фатьяновскую и абашевскую культуры, сосуществовавшие с культурами бронзового века в пределах одной территории (в лесостепном Подонье, в частности, абашевская культура даже пережила местную катакомбную культуру).

Но, как известно, суть любой периодизации применительно к конкретно ограниченному региону заключается прежде всего в установлении хронологической последовательности, иначе она теряет смысл. Думается, что справедливо обосновав важность металлургического признака, названные исследователи, и прежде всего Н.В.Рындина, затем его абсолютизировали.

Отметим, что позицию Н.В.Рындиной полностью поддержал Н.Я.Мерперт [4; 5; 6], она в известной степени нашла отражение в оценке понятия "энеолит" у В.М.Массона [7]. Эти исследователи солидарны прежде всего в признании энеолита как самостоятельной и важной эпохи, а также в отрицании принадлежности к энеолиту культур, в которых применялась медь или даже открыта ее плавка, но до появления орудий и оружия ударного действия [5, с.13], или же без широкого использования медных изделий, приводящих, как правило, к деградации кремневой

индустрии, обеднению наборов каменных орудий [7, с.7]. Видимо, это положение должно учитываться тогда, когда речь идет о малоазийских культурах УШ-УП тысячелетий до н.э., где появление древнейших медных изделий на первых порах действительно не меняло общего характера неолита. В.М.Массон в своей оценке понятия "энеолит" проявляет некоторую осторожность (вполне оправданную, на наш взгляд), говоря, во-первых, о большой роли металла в развитии технологии в хозяйстве древних обществ в целом, а, во-вторых, об узости источников информации, поскольку археологи чаще сталкиваются лишь с определенной выборкой древних изделий и "при раскопках могил это будут в первую очередь украшения; крупные металлические изделия неизменно шли в переплавку и лишь в редких случаях попадали в состав культурного слоя, обычно представляющего собой по существу бытовой мусор [7, с.6].

С появлением новой технологии литья решающим и определяющим фактором стало резкое повышение производительности изготовления орудий труда, а не производительность самих орудий [8, с.41]. Есть также мнение, что операция по ковке и, главным образом, применение литейного способа в изготовлении металлических изделий сопряжены со сложным специальным оборудованием и организацией нового технологического процесса, и должны рассматриваться как глубокий переворот в производстве в целом [9, с.83]. Н.Я.Мерперт тоже склонен считать, что "каков бы ни был собственный металлургический потенциал, появление меди везде оказало определенное воздействие на жизнь общества" [4, с.5].

Разделяя данное мнение, мы вместе с тем считаем, что в лесостепные районы Восточной Европы медные изделия стали проникать значительно позднее времени их возникновения как типов вообще и уже под влиянием сложившегося энеолита, в частности, под влиянием культур Балкано-Карпатской металлургической провинции [5, с.18-19]. А вместе с этими изделиями (хотя и простейших видов, но далеко не первыми для энеолита южных областей) нашли реальное воплощение идеи и заимствования, характерные именно для энеолитической эпохи. Добавим, что лесостепной регион с нарастанием подвижности скотоводческих племен очень скоро стал объектом внедрения этих племен при весьма сложных взаимоотношениях с исконным инокультурным и иноэтничным населением.

Принимая во внимание сказанное, можно считать, что начало энеолита в лесостепном регионе определяется не только наличием развитых типов медных изделий, но и таким комплексом

археологических признаков [4, с.4; 7, с.7; 10, с.102, 109; 11, с.3], которые материализуют явления, связанные с использованием меди: переоценку видов труда и самих изделий, появление новых культовых представлений и ритуалов, культурных переориентаций, новых форм межплеменных и межэтничных контактов и т.д. Практически нередко именно такого рода комплекс археологических признаков указывает на энеолитический характер памятника даже в случае отсутствия на нем самих медных изделий. Можно исследовать, к примеру, десяток однотипных памятников и лишь в одном обнаружить следы металлургического производства. Иногда же счастливая находка становится основанием для переоценки содержания археологической культуры (например, роль Карбунского клада для трипольской культуры).

Логично заключить (даже при безусловном учете проявлений стадиального характера), что как по своему облику, так и по сумме эти признаки различны для каждой из ландшафтно-климатической зон, для районов, где проживали племена, отличавшиеся спецификой экономики и культуры [5, с.20].

Если для определения энеолитической принадлежности ряда археологических культур южных областей СССР (анаусской, трипольской), учитывая оптимальные, с точки зрения географической специфики, условия для внедрения в практику их носителей мотыжного земледелия, рассматриваются такие признаки, как распространение расписной посуды, мелкой глиняной антропоморфной пластики, глинобитной архитектуры, мотыг, зернотерок, медных изделий и т.д., то большинство названных признаков, тем более в сумме, мы уже не встретим на широких степных, а также и лесостепных пространствах Евразии. Здесь требуются поиски иных археологических критериев. Для степи и лесостепи Днепро-Донского Волжского междуречья и Заволжской территории в настоящее время уже начинает вырисовываться комплекс археологических признаков, позволяющих выделить раннюю стадию энеолита. К их числу относятся: глиняная посуда с характерным воротничковым оформлением верха, с округлыми и плоскими днищами, с волнистым прочерченным орнаментом; наличие коллективных могильников с вытянутыми погребениями с украшениями из раковин, костяных зооморфных пластин, с каменными навершиями булав "второго мариупольского типа" - признаками, характеризующими могильники мариупольского типа; жертвенники с останками лошадей (Съезжинский могильник в Заволжье), сопровождение погребений частями туш лошади

ИЗ КНИГ
к.и.н., доцента
МАМОНТОВА В. И.

(Черкасская стоянка на Среднем Дону), кости лошади среди фаунистических остатков в культурных слоях памятников (стоянки бассейна Дона); ножи на крупных ножевидных пластинах; первые изделия из меди и золота (Никольский могильник в Надпорожье) и ряд других признаков [12, с.15-39]. Следует заметить, что для многих памятников названные признаки далеко не всегда встречаются в сумме, однако в любом случае оказываются достаточно специфичными (и прежде всего - воротничковая керамика), что и послужило основанием для выделения мариупольской культурно-исторической области, куда входит ряд археологических культур: азово-днепровская, нижнедонская, прикаспийская, самарская. Археологические признаки этих культур отражают, прежде всего, иную (в отличие от раннеземледельческих культур Юга) экономическую базу населения, а именно - скотоводческую. Есть основание считать, что в скотоводческом хозяйстве племен мариупольской культурно-исторической области получило приоритет коневодческое направление. В конечном счете различный хозяйственный уклад был продиктован возможностями природно-географических условий каждой из конкретных территорий. В связи с имеющимися наблюдениями не исключено, что наиболее четкое оформление коневодство получило в районах лесостепной зоны Восточной Европы.

Хотелось бы обратить внимание и на следующее. В.М.Массон справедливо связывает противоречия и неувязки в понятии "энеолит" с двумя подходами к нему: формально-семантическим и содержательным. Однако противоречия вызываются не самим существованием двух названных подходов, а тем, что эти подходы прямо противопоставляются друг другу без учета реальных возможностей каждого из них. И вряд ли оправданно считать первый подход менее перспективным [7, с.5]. Именно этот, так называемый формально-семантический (а точнее - археологический) подход оказывается единственно эффективным при установлении границ археологических эпох. Глубоко правы те исследователи, которые говорят о необходимости связывать археологическую классификацию с материалом орудий и технологическим принципом [5, с.11], "которые являлись основными в археологической периодизации, начиная с момента ее возникновения" [4, с.4]. Характерно, что В.М.Массоном к понятию "неолит" избран именно этот подход [13], с чем мы полностью солидарны.

Содержательный же подход необходим при определении

исторического содержания эпохи, но содержание это раскрывается через комплекс археологических признаков [7, с.7]. При этом последние не могут подменяться перечислением исторических явлений, относящихся уже к следующему уровню научного познания. В этом отношении археологические эпохи всегда будут выступать и как звенья археологической систематики, и более того, вряд ли могут быть полностью отождествлены с историческими эпохами [7, с.7]. Действительно, если отбросить археологические критерии энеолита, то показатель любого исторического аспекта выйдет за границы данного археологического периода. Это касается и сферы экономики, и семейно-брачных отношений, и социальной структуры обществ, и т.д., сходные формы которых можно фиксировать от неолита до железного века включительно.

В настоящее время уже имеется опыт археологического определения содержания энеолитической эпохи для конкретных территорий, в том числе и для лесной зоны [14; 15; 16].

На юге СССР, где еще в неолите возникли древнейшие раннеземледельческие очаги, улавливается органическая преемственность археологических признаков эпох неолита, энеолита и даже бронзы. Для тех областей, где формировался преимущественно скотоводческий уклад хозяйства (степная и лесостепная зоны), такая преемственность далеко не всегда обнаруживается, что, как мы уже говорили, было связано с нарастанием подвижности скотоводческих племен и внедрением их на соседние территории. Поэтому нами не ставится вопрос о местном, лесостепном (междуречье Днепра, Дона и Волги) базисе для формирования металлургического производства в энеолитическое время. Здесь скорее всего он отсутствовал. Как правило, местные неолитические культуры или подвергались активной ассимиляции со стороны пришлых культур, или вытеснялись ими, или же на какое-то время устанавливался симбиоз при сохранении каждой из них своих культурных признаков. Последний случай как раз очень хорошо отражен материалами лесостепной зоны. В частности, на ряде многослойных памятников из бассейна Дона (стоянки Черкасская, Копанищенская I и др.) стратиграфически фиксируется "переслойное" размещение групп материалов: сначала залегают материалы среднедонской неолитической культуры, над ними - материалы нижнедонской энеолитической культуры с воротничковыми сосудами; еще выше - вновь материалы среднедонской культуры [17, с.48-54]. Такие же "противоречия" возникают и тогда, когда дело касается

случаев бесспорной синхронизации культур с медными и культур с бронзовыми изделиями в лесостепной зоне. О соотношении абашевской и катакомбной культур в донской лесостепи мы уже упоминали. Добавим, что здесь намечается выделение еще одной группы материалов (иванобугорского типа) [12, с.68-70], сохраняющих энеолитический облик, но хронологически одновременных местным памятникам древнеямной культуры эпохи ранней бронзы. Как же в таких случаях сохранить логику археологической периодизации, если речь идет о конкретно ограниченном регионе?

Думается, что здесь будет оправданным ввод в исследовательский обиход таких терминов, как "пережиточно неолитическая" и "пережиточно энеолитическая" культуры, "пережиточный неолит" и "пережиточный энеолит". Термин "пережиточный неолит" А.А.Формозов использует более широко, считая пережиточно-неолитическими культурами все культуры Севера со времени появления металлоносных культур Юга [18]. Этому пониманию термина следуют и некоторые другие исследователи [19, с.37], в то время, как Н.Н.Гурина решительно возражает против применения его вообще [1, с.10]. Признавая позицию Н.Н.Гуриной во многом справедливой, мы применяем этот термин, как и термин "пережиточный энеолит", исключительно к тем районам, где фиксируется "наложение" неолита и энеолита, энеолита и бронзы. При этом "переживание" комплекса традиций предшествующих эпох нами понимается с позиции их устойчивости, связанной с производственной целесообразностью, но не деградации культур в целом. При исследованиях должны учитываться и случаи появления на стыке культур смешанных групп материалов, и иногда контактные зоны могут выступать как относительно устойчивые образования. В таких случаях таксономическая их оценка зависит от выбора исследователя.

Конкретизируем сказанное выше. Практически не исключены случаи спорадического проникновения извне медных изделий в материалы неолитических культур. Если эти изделия не подкреплены появлением других сопутствующих и органически взаимообусловленных признаков, которые характеризуют археологическую специфику металлоносного района, откуда пришли медные изделия, а в самих местных культурах не фиксируется изменений традиционных устоев, то такие культуры рассматриваются нами в рамках неолитической эпохи [17, с.8, 9]. Здесь мы в известной степени расходимся с М.Е.Фосс, считавшей такие культуры уже энеолитическими [20, с.34].

Но иногда удается установить проникновение на конкретную территорию групп населения с культурой энеолитического облика (нередко при отсутствии медных изделий, но с признаками, общими металлоносным памятникам - аналогам) и их сосуществование с местными неолитическими племенами. Если в таких случаях не происходит быстрой и полной ассимиляции на новой основе, т.е. местная культура не включила необходимый комплекс новых признаков, то к ней может быть применен термин "пережиточно неолитическая" культура. В соответствии с данной позицией и энеолитические культуры, если они не испытали сильного влияния со стороны культур, имеющих признаки эпохи бронзы, нами называются "пережиточно энеолитическими".

Еще раз обращаем внимание на то, что эти термины более всего применимы для разработки периодизации археологических эпох и культур лесостепного региона, а потому являются достаточно специфическими.

Фиксируемое параллельное бытование инородных племен с разными культурными традициями (выросшими главным образом из разных экономических укладов) вытекает в конечном счете из превосходящей сопредельные географические зоны экологической емкости лесостепи.

Таким образом, если проблема унификации важнейших археологических понятий - дело будущего, то составной ее частью служит анализ этих понятий в применении к конкретным регионам, где должны учитываться как общие закономерности, так и территориально-хронологическая и экологическая специфика. Для Восточноевропейской лесостепи энеолит нами понимается как самостоятельная эпоха в системе археологической периодизации, начинающаяся с распространением культур, характеризуемых таким комплексом археологических признаков, которые обусловлены навыками изготовления первых медных изделий и распространением скотоводческого хозяйства, включая коневодство.

В абсолютных датах лесостепной энеолит занимает время примерно от середины IУ до середины П тыс. до н.э. При этом, начиная со второй половины Ш тыс., с появлением в данном регионе памятников, отмеченных признаками эпохи ранней бронзы, энеолитические культуры переходят в свою пережиточную стадию существования.

Литература:

I. Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // МИА. - 1973. - Вып.172. - С.7-22.

2. Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. - 1978. - № 4.- С.53-83.

3. Рындина Н.В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестник МГУ. - Серия История.- 1978. - № 6. - С.74-86.

4. Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. - Куйбышев: Изд-во Куйб. пед.ин-та, 1980. - Т.235. - С.3-27.

5. Мерперт Н.Я. К вопросу о термине "энеолит" и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. - Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1981. - С.4-21.

6. Мерперт Н.Я. Энеолит юга СССР и евразийские степи // Энеолит СССР. - М.: Наука, 1982. - С.321-332.

7. Массон В.М. Введение. Постановка вопроса. Понятие "энеолит" // Энеолит СССР. - М.: Наука, 1982. - С.5-9.

8. Массон В.М. Основные направления культурно-исторического процесса // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. - М.: Наука, 1981. - С.35-49.

9. Сайко Э.В., Терехова Н.Н. Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. - М.: Наука, 1981. - С.72-122.

10. Черных Е.Н. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы // Археология и естественные науки. - М.: Наука, 1965. - С.24-41.

11. Ковалева В.Т. Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку // Автореф.канд.дисс. - М., 1979.

12. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-европейской лесостепи. - Куйбышев: Изд-во Куйбышев.пед.ин-та, 1985. - 118 с.

13. Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Понятие неолит и вопросы хронологии неолита Средней Азии // КСИА. - 1978. - Вып.153. - С.103-109.

14. Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. - М.: Наука, 1980. - 219 с.

15. Халиков А.Х. Энеолитическая эпоха в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы // Волго-Уральская степь и лесостепь

в эпоху раннего металла. - Куйбышев: Изд-во Куйбышевского пед. ин-та, 1982. - Т.263. - С.24-28.

16. Смирнов А.С. Лесное Подесенье в эпоху раннего металла (см. настоящий сборник: с.23-39).

17. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. - 180 с.

18. Формозов А.А. Этнокультурные области на европейской территории СССР в каменном веке. - М.: Наука, 1959. - 143 с.

19. Даниленко В.Н. Неолит Украины. - Киев: Наукова Думка, 1969. - 238 с.

20. Фосс М.Е. О терминах "неолит", "бронза", "культура" // КСИИМК. - 1949. - Вып.XXIX. - С.34-40.

А.С.Смирнов
(Институт археологии АН СССР)

ЛЕСНОЕ ПОДЕСЕНЬЕ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Верхнее и Среднее Подесенье вместе с верхнеокским бассейном являются наиболее южными районами лесной зоны. Граница леса и лесостепи, существенно не изменившаяся со времени неолита [1, с.362; 2, с.119; 3, с.41-45], проходит через Киев, верховья деснинских левобережных притоков и далее по течению реки Оки к Калуге [4, с.209-271].

В эпоху развитого и позднего неолита здесь существовала деснинская культура, входящая в обширную этнокультурную общность ямочно-гребенчатой керамики лесной полосы Европейской части СССР. Длительное время конец неолитической культуры Подесенья связывался исключительно с продвижением в этот регион среднеднепровской культуры эпохи ранней бронзы, принесшей керамику со шнуровой орнаментацией [5, с.28]. К настоящему моменту в бассейне р.Десны выявлен ряд поселений с инвентарем, сочетающим неолитические черты с элементами, свойственными эпохе раннего металла, а также достаточно мощный пласт материалов энеолитических культур. Это говорит о том, что переход от неолита к бронзовому веку в южной части лесной зоны представляет собой сложный диалектический процесс, занимавший длительный период времени.

В материальной культуре финала неолита-энеолита описываемого региона прослежены две основные линии развития. Первая

характеризует облик культуры населения лесной зоны. Она представлена наиболее поздним пережиточно-неолитическим этапом существования деснинской культуры, а также "боровичским" типом памятников, сочетающим неолитические черты с традициями эпохи раннего металла. Вторая линия связана с проникновением южных, собственно энеолитических культур мариупольской и хвалынско-среднестоговской культурно-исторических областей.

Памятники, отражающие эти традиции, не образуют географически локализованных районов распространения, а свидетельствуют скорее о чересполосном существовании.

Наиболее ранние энеолитические материалы южного облика в бассейне лесного Подесенья относятся к нижнедонской культуре, выделенной А.Т.Синюком на материалах Среднего Дона и отнесенной к кругу памятников мариупольской культурно-исторической области.

На Десне керамика нижнедонской культуры встречена главным образом на памятниках, географически близких лесостепи (Жерено Ш, Холм, Боровицкие стоянки), хотя отмечена и на Верхней Десне (Витховка), и на Верхней Оке (Красное X). Наиболее многочисленные коллекции происходят со стоянок Жерено Ш и Холм. К этому же кругу памятников относится и основная масса материалов известного Лисогубовского поселения [6, с.21-22; 7, с.118] на р.Сейм, интерпретируемых В.И.Неприной как ранненеолитические [8].

Сосуды выполнены из плотного теста с примесью песка, кровавика, украшены отступающим накольчатым и гребенчатым штампом, различными насечками и вдавлениями, штампом-качалкой (рис.I). Оттиски часто компонуются в геометрические зоны, нередко ограниченные ямками или прочерченными линиями. Под венчиком обычно наносился ряд ямок или жемчужин, иногда взаимосочетающихся. Горшки орнаментировались не по всей поверхности. Графически восстановленные сосуды - остродонные, вытянутых пропорций со слегка раздутым туловом и суженной верхней частью. Венчики - округлые, прямые или несколько отогнутые наружу.

Деснинские материалы в рамках нижнедонской культуры обладают рядом особенностей. Во-первых, отсутствует воротничковое оформление верха сосудов, являющееся одной из ярких черт керамики нижнедонского типа. Не обнаружено и плоских днищ, отмеченных в материалах поселений на Среднем Дону

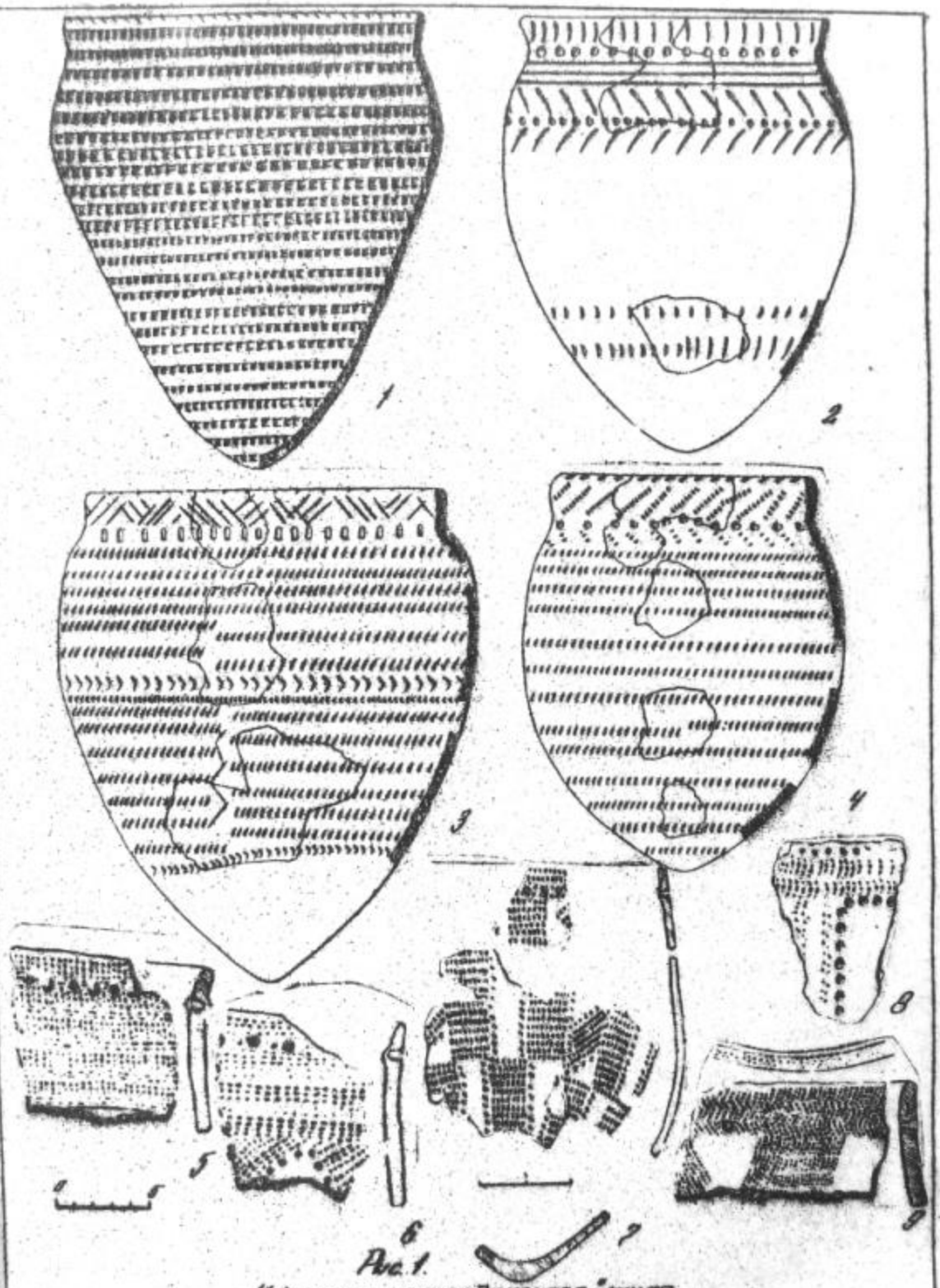


Рис. 1.
Керамика „нитнеданского" типа.
1-Краснае X; 2-Витховка III; 3-Пионерская;
4-Алиссевичи; 5-9-стоянка Хохли.

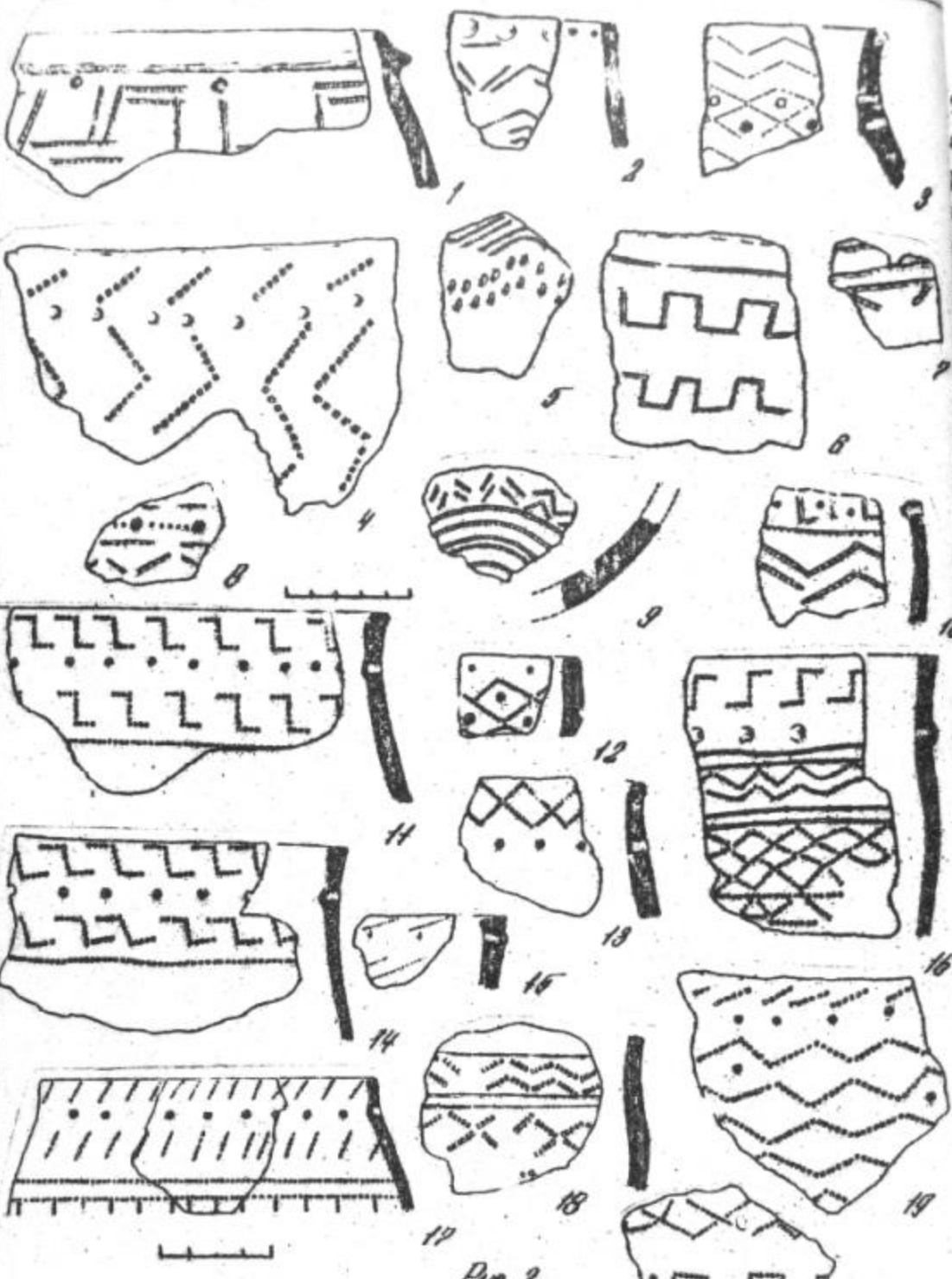


Рис. 2

Керамика „боровичского" типа.

1-10 - мыс Очкинский; 11 - Голосок; 12 - Пионерская; 13 - оз. Орлик; 14, 17 - Боровичи VI; 15; 18, 19 - Холм; 20 - Грини.

[9, с.17]. На Десне в составе формовочных масс не применялась ракушечная примесь. Определенное своеобразие прослеживается в орнаментальных приемах. Это главным образом сказывается почти на полном отсутствии оттисков длинного гребенчатого штампа (столь характерного для степных и лесостепных энеолитических культур), прочерченных волнистых линий и иных элементов [9, с.17]. Имеющиеся на деснинской керамике гребенчатые оттиски короткие, обычно нанесены густо в отступающей манере и скорее представляют один из вариантов накольчато-отступающего орнамента.

Подобные обстоятельства согласуются с наблюдениями И.Б.Васильева и А.Н.Гея, выделяющими внутри мариупольской культурно-исторической области два крупных варианта. Для первого, охватывающего памятники Поднепровья и Приазовья, характерно использование неорганических примесей в тесте и накольчатая орнаментация, а для второго, включающего Подонье и Поволжье - преобладание ракушечной примеси, гребенчатый и штампованный характер орнаментации [10, с.30; 11, с.39, рис.1].

На Среднем Дону нижнедонская культура не имеет генетических корней в местном неолите. Ее появление объясняется результатом миграции с более южных территорий, в том числе из области Нижнего Дона [9, с.17]. Подобное заключение справедливо и для лесного Подесенья. Облик описанной керамики, характер ее украшения, возрождение традиций накольчато-отступающей орнаментации невозможно объяснить с точки зрения автохтонного ее происхождения из местного ямочно-гребенчатого неолита. Показательно, что на Десне отмечены некоторые элементы узора, например, штамп-качалка, имеющийся на сосудах собственно нижнедонских памятников [12, с.12, рис.5-1] и отсутствующий в Среднем Подонье. Это служит дополнительным аргументом в пользу южного происхождения и подтверждает пришлый характер нижнедонской культуры в Среднем Подонье.

Определенные орнаментальные мотивы, встречающиеся на керамике энеолитических нижнедонских памятников Подесенья и Верхнего Поочья, близки синхронным материалам Среднего Поднепровья, например, некоторым сосудам из верхнего слоя поселения Вишенки, залегающим совместно с воротничковой керамикой [13, с.11, рис.2-3].

Датировка нижнедонской культуры на Десне определяется временем ее существования на Среднем Дону - второй половиной

IУ - рубежом IУ-Ш тыс. до н.э. [I4, с.266]. Ее носители соседствовали с лесным неолитическим населением деснинской культуры, хотя и не оказали существенного влияния на облик последней. Тем не менее это позволяет включить южные районы лесного Подесенья в территорию распространения мариупольской культурно-исторической области, ее Днепровско-Приазовского варианта.

Этап развитого энеолита в бассейне Десны связан с распространением репинской культуры хвалынско-среднестоговской культурно-исторической области. Большинство материалов этого времени происходит из бассейна Верхней Десны и Оки. В первую очередь имеются в виду находки со стоянок Пионерская и Витковка Ш на Десне, Елисеевичи на Верхней Судости, а также Красное X в Верхнем Поочье, где найдены или восстановлены целые формы.

На стоянке Пионерская обнаружен развал сосуда с округлыми плечиками и высокой желобчатой шейкой, выполненный из плотного теста с примесью песка и незначительными включениями органики (рис.I ,3). Внешняя поверхность хорошо заглажена, изнутри видны следы полосчатого сглаживания, выполненного прутьями или пучком травы. Сосуд украшен диагональными и горизонтальными рядами отступающих насечек в сочетании с неправильными ямками по шейке. Наиболее близкие параллели этот сосуд находит в материалах репинского комплекса Черкасской стоянки на Среднем Дону [I5, с.I24, рис.I8 - 5,I0]. Отсутствие в орнаментации сосуда оттисков шнура, использование накольчатых элементов позволяет отнести его к первому этапу репинской культуры, возможно к его концу, о чем свидетельствует желобчатый венчик. В абсолютных датах - это конец первой половины-середина Ш тысячелетия до н.э. [I6, с.I0, I7].

Сходный по форме и близкий по орнаментации сосуд происходит из окрестностей с.Елисеевичи на р.Судости*. Это остродонный горшок с цилиндрическим, слегка желобчатым венчиком и округлыми плечиками (рис I -4). Венчик украшен нарезным орнаментом, напоминающим взаимопроникающие треугольники. Вся поверхность покрыта горизонтальными рядами широких отступающих оттисков. Дополнительным элементом служит вертикальный зигзаг выполненный нарезными линиями. Сосуд изготовлен из плотного отмученного теста с хорошо заглаженной поверхностью, слегка

* Сборы А.Н.Гея. Хранятся в ГИМ, оп.I878 № 445.

ангобирован. Если форма и орнамент характерны для раннего этапа репинской культуры, то технологические признаки ближе к приемам позднего этапа и, как правило, использовались при изготовлении сосудов со шнуровым орнаментом.

К этому же времени относится остродонный сосуд вытянутых пропорций с высокой, слегка расширяющейся шейкой со стоянки Красное X в Верхнем Поочье (рис. I ,I). Украшен по всей поверхности горизонтальными рядами широкой отступающей лопаточки, скорее даже щепы. Выполнен из теста с примесью песка и органики, изнутри покрыт полосчатым сглаживанием. Отсутствие каких-либо развитых черт не оставляет сомнения в его датировке в пределах первого этапа репинской культуры. Это же подтверждают данные спорово-пыльцевого анализа, на основании которого слои, вмещающие развал сосуда, датируются первой половиной Ш тысячелетия до н.э.*.

Поздний этап существования репинской культуры в Подесенье представлен материалами стоянки Витховка Ш. Один из сосудов удалось восстановить графически. Это вытянутый горшок с округлыми покатыми плечиками и высокой расширяющейся шейкой (рис. I, 2). Изготовлен из плотного, хорошо отмученного теста с примесью песка и незначительными добавками органики. Внешняя поверхность заглажена и ангобирована, внутренняя покрыта гребенчатыми расчесами. Орнаментирован крупными насечками в сочетании с аморфными ямками и шнуровыми оттисками по верху плечиков. На стоянке имеются фрагменты от других горшков с высокими желобчатыми венчиками, украшенными шнуровым орнаментом. Сосуды этого типа датируются второй половиной Ш тыс. до н.э.

Таким образом, репинская культура на Десне существовала практически на всем протяжении Ш тыс. до н.э., обладая, однако, целым рядом особенностей. Все описанные выше сосуды изготовлены из теста без каких-либо следов ракушечной примеси, столь характерной для материалов Дона. Главную роль играли неорганические отощители. В орнаментальных мотивах преобладают наколчато-отступающие приемы при весьма ограниченном использовании гребенчатых элементов. На Десне практически отсутствует типичный для Репина Хутора "жемчужный" орнамент.

Большинство этих черт сближает репинские материалы Подесенья с описанными выше коллекциями нижнедонской культуры этого

* Анализ произведен В.С.Гуновой на географическом факультете МГУ.

региона, где проявились особенности Днепро-Азовского варианта мариупольской культурно-исторической области [II, с.39]. Учитывая, что главным слагаемым репинской культуры в настоящее время считается нижнедонская культура [9, с.19], мы видим явную преемственность традиций в материалах Десны. Причем, и это особенно показательно, с сохранением характерных признаков локального варианта.

Определенные особенности имеются и в формах сосудов. На Десне они более вытянутых пропорций. Желобчатое оформление венчика не получило широкого распространения, часты цилиндрические шейки. На поздних этапах появляется отогнутый венчик. Профили горшков приближаются к *S*-видному.

В целом по своей форме деснинские сосуды напоминают горшки дереивского этапа среднестоговской культуры [I7, с.6I], горшки типа Михайловки П [I8]. Особенно показателен в этом отношении сосуд со стоянки Витховка Ш. По своей форме он ближе всего к яйцевидным горшкам среднего слоя Михайловского поселения [I8, с.82-88, рис.У-УШ]. Факты сочетания репинских черт и традиций Михайловского поселения отмечены для ряда подкурганных погребений степного Днепровского левобережья [I9, с.50, рис.2-4].

Нам представляется, что описанные памятники обладают достаточным своеобразием и в сочетании с днепровскими материалами могут быть выделены в западный вариант репинской культуры. Для него характерны конкретные технологические и орнаментальные признаки (отсутствие раковинной примеси, преобладание накольчато-отступающего орнамента и др., продолжающие традиции раннеэнеолитического населения этого региона) и своеобразная форма сосудов, в которой сказалось воздействие среднестоговской культуры и культуры типа Михайловки.

Территорией формирования репинской культуры и ее существования на раннем этапе считается Среднее Подонье. Продвижение на иные территории связывается со вторым (поздним) этапом [I6, с.I8]. Однако, учитывая присутствие материалов нижнедонской культуры в Среднем Поднепровье и Подесенье, а также раннерепинских материалов, сохраняющих характерные локальные особенности предшествующего ("нижнедонского") периода, представляется возможным расширить регион формирования репинской культуры на запад от Среднего Дона, где складывался своеобразный вариант.

Помимо материалов позднего этапа репинской культуры на Десне отмечены синхронные находки керамики иванобугорского типа, выделенного А.Т.Синюком на Среднем Дону и отнесенного ко второй половине Ш тыс. до н.э. [9, с.22]. Иванобугорские материалы встречены на стоянке Витковка-49 и Витковка Ш. Они представлены сосудами с суженной верхней частью, горшками S-видного профиля и с высоким, слегка желобчатым венчиком. Украшены оттисками гребенчатого штампа различной формы, шнуровыми отпечатками, часто в виде луновидных или Т-образных оттисков. Деснинская керамика этого круга напоминает не собственно материалы вытянутых погребений кургана "Иванов Бугор", а скорее иванобугорские сосуды Черкасской стоянки [15, с.125, рис.21, 4,14]. Определенное сходство в орнаментации прослеживается с горшками среднего (Пб) слоя Михайловки П [20, с.80, рис.49, I]. Появление у некоторых сосудов высокой, слегка раздутой цилиндрической шейки можно расценивать как восприятие традиций, характерных для керамики среднеднепровской культуры.

Таким образом, появление и развитие энеолитических культур лесного Подесенья связано с инфильтрацией на эту территорию во второй половине IУ тыс. до н.э. носителей нижнедонской энеолитической культуры и сменившими их затем родственными племенами репинской культуры. И первые, и вторые обладали известным локальным своеобразием. Помимо прочего репинская культура на заключительном этапе испытала влияние продвинувшейся сюда среднеднепровской культуры эпохи ранней бронзы. Не избежало этого воздействия и существовавшее здесь совместно с репинским население, оставившее материалы иванобугорского типа.

Проникновение носителей южных энеолитических традиций в пределы лесной зоны не оказало на позднеолитическое население заметного влияния. По всей видимости уровень развития степных энеолитических племен не позволил в чуждой для них экологической среде проявить существенное воздействие на лесные племена.

В период перехода к эпохе раннего металла развитие собственно деснинской неолитической культуры на финальном этапе своего развития происходило как по пути трансформации автохтонных традиций, так и по пути восприятия инокультурных.

Уже в позднем неолите, синхронном степному и лесостепному раннему энеолиту, в керамическом инвентаре ряда памятников прослеживается сочетание неолитических и энеолитических традиций. В материалах стоянок Пионерская, Мыс Очкинский и других

встречается орнамент в виде пальцевых защипов по шейке сосудов, прием в дальнейшем широко употребляемый в поселениях пережиточного энеолита иванобугорского типа, происхождение которого связывается с носителями ромбоямочной керамики [9, с.22]. Иванобугорские же традиции предвосхищают ромбические плоские неглубокие отпечатки с рубчатым дном, ромбические вдавления с перекрестьем внутри [21, рис.3-17] и тому подобные элементы орнамента, часто встречаемые в позднеолитических памятниках Десны и Верхней Оки.

В материалах стоянки Белынец на неолитических по форме и технологии сосудах имеются утолщения и налепные валики, сближающие их с южной воротничковой керамикой. В ряде случаев сходство проявляется и в способе выделения воротничка - путем глубокого желобка снизу. Сам же орнамент сохраняет традиционно неолитический облик.

До эпохи раннего металла доживает традиционный для Десны ромбоямочный орнамент, о чем свидетельствует присутствие на сосудах с подобным узором оттисков шнура. То же можно сказать и о широко распространенном в неолите Десны "лапчатом" штампе. Типично неолитические оттиски этого типа встречены на сосудах с высокой желобчатой шейкой.

Все это доказывает хронологический параллелизм наиболее поздних материалов деснинской неолитической культуры с ее традициями ямочной орнаментации степных и лесостепных культур раннего и развитого энеолита, т.е. пережиточно-неолитический характер этих материалов.

Памятники пережиточного неолита существовали вплоть до момента продвижения в Среднее и Верхнее Подесенье племен среднеднепровской культуры в конце III тыс. до н.э., прервавших автохтонную линию развития. Местное население было частично ассимилировано, частично вытеснено. Скорее всего на восток, где в верховьях Дона и далее к Волге дл тельное время, вплоть до рубежа II тыс. до н.э., прослеживаются реминисценции памятников деснинского ти а [22, рис.6; 23, с.66-73; 24, с.137-151; 25, с.24-88; 14, с.256].

Помимо поселений пережиточного неолита на Десне в это время складывается своеобразный "боровичский" культурно-хронологический тип памятников, синтезировавший признаки неолита и раннего металла. Подобные материалы впервые обнаружены М.В.Воеводским на эпонимном памятнике [26, с.24].

Наиболее крупные коллекции материалов "боровичского" типа происходят с поселений Мыс Очкинский и Боровичи. Они встречены также на стоянках Голосок, Черепеньки, Пионерская, Холм и ряде других (рис 2).

Керамика "боровичского" типа представлена средне- и толстостенными сосудами S-видной формы. Встречены придонные части от круглодонных сосудов (рис.2, IC). И.Г.Розенфельдт упоминает о находке на стоянке Мыс Очкинский уплощенных донъев [27, с.138]. Формовочные массы, как правило, традиционно неолитические: с примесью песка, дресвы, часто органики и иногда - кровавика. Поверхность нередко носит следы гребенчатого сглаживания, что также характерно для неолитических сосудов. Верх венчика обычно срезан прямо, но часто несколько уплощен и иногда даже принимает Г-образную форму (рис.2). Орнамент практически повсеместно наносился гребенчатым штампом, как крупно-, так и мелкозубым, часто располагаясь лишь в верхней части сосудов, покрывая обычно и обрез венчика. Гребенчатыми оттисками выполнялись различные геометрические узоры, подчиненные горизонтальной зональности - зигзаги, меандры, ряды ромбов. Широко распространен орнамент в виде поясков "уточек" (рис.2, I-3). Как правило, сложные фигуры ("уточки", ромбы и т.п.) выполнялись оттисками крупнозубого короткого штампа. Мелкозубый штамп - длинный и формирует более простые по композиции узоры.

Не вызывает сомнения, что "боровичский" тип - образование, связанное с северным лесным миром. Это прослеживается в преобладающих технологических и орнаментальных приемах. Так, изображения типа "уточек" - элемент традиционно присущий лесному неолитическому населению [28, с.44]. Следует отметить, что изображения как самих "уточек", так и их орнаментального обрамления, композиции узоров, близких "боровичским", характерны не столько для собственно неолитических племен лесной полосы, сколько для племен эпохи раннего металла. Весьма близкие в орнаментально-композиционном плане сосуды встречены на стоянке Усть-Рыбежна II [28, рис.II, 4,5], которые Н.Н.Гурина отличает от типично-неолитических ямочно-гребенчатых или гребенчатых сосудов и синхронизирует с раннетекстильными [28, с.44]. Сходные по форме и орнаментике сосуды известны на стоянке Илекса из раскопок А.Я.Брюсова [29, рис.9; 30, рис.I, I-3], которые он рассматривал в одном комплексе с с тчатой керамикой [29, с.29]. С.В.Ошибкина также относит их к эпохе раннего металла, говоря о слиянии

неолитических традиций и традиций культуры боевых топоров [30, с.50]. Близка "боровичской" галичская керамика Верхнего Поволжья [31, рис.35; 32, таб.28].

Хронологическая близость "боровичской" керамики раннетекстильной подтверждается и материалами Десны. В слое стоянки Мыс Очкинский было обнаружено несколько фрагментов с отпечатками плетения или грубой ткани. Они принадлежат круглодонному сосуду с высокой шейкой. По шейке и плечикам нанесены пояски мелких треугольных ямок. Тулово сосуда покрыто крупной сеткой с разбросанными по ней крупными ямками [27, с.140]. Показательно, что в последние годы на Верхней Волге получены данные о связи культуры ранней сетчатой керамики с поздним этапом ямочно-гребенчатого неолита [33, с.270].

Керамика "боровичского" типа имеет ряд сходных черт с волосовскими материалами, что, по всей видимости, является стадиальным моментом для лесных памятников. Следует указать на толстостенность, присутствие значительного количества органической примеси, часто на общую грубость керамики. В морфологии сосудов это проявляется в утолщенных и Г-образных венчиках, украшенных по верхнему обрезу. В орнаменте сходство с волосовским проявляется в преобладании крупнозубого гребенчатого штампа, часто создающего геометрические композиции.

Деснинской неолитической культуре присущи традиции использования ямочного узора. Выше уже отмечалось употребление ромбоямочного и лапчатого штампов вплоть до момента появления традиций шнуровой орнаментации. Гребенчатый штамп, который в ее среде представляется заимствованным, получил распространение лишь на поздних этапах. Керамика же "боровичского" типа украшена практически повсеместно гребенчатыми оттисками с явно выраженным стремлением к геометризации узора, что не свойственно деснинской культуре.

Учитывая эти обстоятельства, а также и то, что наиболее близкие аналогии "боровичской" керамике известны в глубине лесной зоны - на Верхней Волге и далее, вплоть до Прибалтики, нам представляется, что памятники "боровичского" типа - явление на Десне в значительной степени привнесенное, связанное своим происхождением с кругом северных лесных культур. Но, вместе с тем, и черт, свойственных деснинской керамике - частое применение ямочных вдавлений (как дополнительного элемента орнамента), ромбические мотивы в узоре и т.п.

При всем "лесном" облике керамики боровичского типа следует отметить ряд орнаментальных элементов и приемов, характерных для лесостепных энеолитических культур. На некоторых сосудах горизонтальные ленты орнамента, выполненные гребенчатыми оттисками, ограничены прочерченными линиями (рис.2, 2,8). Подобный прием оформления узора характерен для керамики нижнедонской культуры и отмечается на энеолитических памятниках Подонья и Поднепровья. Боровичская керамика, украшенная оттисками мелкозубой гребенки, элементами орнамента и рядом композиционных черт, напоминает "черкасский" тип керамики Среднего Подонья, сложившийся в результате метисации неолитического и пришлого энеолитического населения.

Период существования памятников боровичского типа - Ш тыс. до н.э. Нижнюю границу определяют материалы стоянки Голосок, где на воротничковой керамике присутствует геометрический гребенчатый орнамент (рис.2, I). Существование мариупольской воротничковой керамики в ближайших к Десне регионах определяется второй половиной IУ - рубежом IУ-Штыс. до н.э. На Среднем Дону метисная воротничковая керамика черкасского типа доживает до момента появления репинской культуры [34, с.87], оформировавшейся на рубеже IУ-Ш тыс. до н.э. [16, с.17]. По всей видимости, рубежом IУ-Ш тыс. до н.э. - началом Ш тыс. до н.э. следует датировать и воротничковую керамику стоянки Голосок. Не противоречат этой дате и отмеченные выше элементы узора нижнедонской культуры на боровичской керамике.

Население, оставившее памятники боровичского типа, проживало в момент распространения на этой территории традиций шнуровой орнаментации и частично ее восприняло (рис.2, 4,5). Появление подобного приема украшения сосудов на Десне следует связывать с памятниками позднего этапа репинской культуры, нижняя граница которой относится к середине Ш тыс. до н.э. [16, с.17].

Культурный слой стоянки Мыс Очкинский, давший одну из наиболее обширных коллекций боровичской керамики, прорезает погребения [27, с.130-133,140, рис.44, 45] грунтового могильника второго этапа среднеднепровской культуры [5, с.33], что и определяет верхнюю хронологическую границу концом Ш тыс. до н.э.

По всей видимости боровичский тип памятников представляет собой часть обширной этнокультурной области лесной зоны эпохи раннего металла. Выше приводились аналогии на достаточно широком регионе центра и севера Европейской части. Типологически

близкая керамика имеется и восточнее, например, "флажковая" керамика Нижнего и Среднего Прикамья [35, с.189-191; 36, с.7]. Хронология памятников говорит о том, что эта, пока гипотетическая, культурная область существовала параллельно волосовской. Показательно, что на стоянках Русско-Азибейской Ш, Игинской, Золотая Падь П слои с "флажковой" керамикой перерезаются жилищами с керамикой развитого и позднего волосовско-гаринско-борского типа [36, с.7]. Вероятно, часть памятников этого типа приняла участие в формировании позднякозской культуры.

В заключение необходимо сказать несколько слов о кремневом инвентаре. Напоминая в целом кремневые комплексы волосовской культуры, он не обладает выраженным культурно-хронологическим своеобразием. В материалах пережиточного неолита, боровицких памятников, а также поселений энеолитических культур продолжает существовать орудийный набор, присутствовавший уже в позднеолитических стоянках. Целый ряд характерных для них орудий доживает до эпохи бронзового века. На это обстоятельство в свое время указывал М.В.Воеводский [37, с.93]. Кремневая индустрия представляется наиболее консервативной и традиционной частью материальной культуры Подесенья.

Таким образом, в энеолитическое и раннебронзовое время в лесном Подесенье существовали следующие группы населения. Во-первых, носители собственно деснинской неолитической культуры, о доживании которых до второй половины Ш тыс. до н.э. говорит керамика с ромбическим и лапчатым орнаментом, сочетающаяся с оттисками шнура. В начале Ш тыс. до н.э. под воздействием пришедших с севера групп населения формируется группа памятников боровичского типа, сочетающая черты эпохи неолита и раннего металла, продолжающая свое существование и во второй половине Ш тыс. до н.э. Эти две группы населения принадлежат к кругу лесных племен.

В то же время уже во второй половине IУ тыс. до н.э. в бассейн Десны проникают носители раннеэнеолитической нижнедонской культуры, которые в Ш тыс. до н.э. сменяются племенами репинской культуры развитого энеолита. Менее полно прослеживается присутствие пережиточно-энеолитических памятников иваново-бугорского типа.

Кардинальным образом этнокультурную картину в этом регионе изменило продвижение в конце Ш тыс. до н.э. среднеднепровских племен эпохи ранней бронзы. Сталкиваясь с предствителями

аборигенных лесных культур и репинскими племенами, пришельцы быстро занимают господствующее положение. Вытеснив и ассимилировав местное население, новые жители - носитель культуры боевых топоров - на длительное время стали определять генеральную линию развития деснинского региона.

Литература:

I. Нейштадт М.И. История лесов и палеография СССР в голоцене. - М.: Наука, 1957. - 156 с.

2. Хотинский Н.А. Трансконтинентальная корреляция этапов истории растительности и климата северной Евразии в голоцене // Проблемы палинолсгии. - М.: Наука, 1973. - С. 32-48.

3. Гричук В.П. Опыт реконструкции некоторых элементов климата Северного полушария в атлантический период голоцена // Голоцен. - М.: Наука, 1969. - С. 18-31.

4. Лесостепь и степь Русской равнины. - М.: Наука, 1956. - 212 с.

5. Артеменко И.И. Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и в эпоху бронзы // Автореферат докт.дисс. - М., 1977.

6. Смирнов А.С. Исследование неолита Верхней и Средней Десны // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. - Киев: Наукова Думка, 1981. - С. 3-37.

7. Смирнов А.С. Неолитические стоянки Жеренских озер //СА.- 1982. - № 3. - С.103-122.

8. Неприна В.И. Лисогубовское поселение раннего и развитого неолита в лесной полосе Левобережной Украины // Материалы каменного века на территории Украины. - Киев: Наукова Думка, 1984. - С.107-124.

9. Синюк А.Т. История населения Донской лесостепи в У-П тыс. до н.э. Автореферат докт.дисс. М., 1985.

10. Васильев И.Б. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы. - Куйбышев: Изд-во Куйбышевского пединта, 1980. - С.27-53.

11. Гей А.Н. Переход от неолита к бронзовому веку в степной полосе Северного Причерноморья. Рукопись канд.дисс. Научный архив ИА АН СССР. - Р-2 № 2343.

12. Гей А.Н. Самсоновское поселение // Древности Дона. М.: Наука, 1983. - С.7-35.

13. Телегин Д.Я., Титова Е.Н., Каптсина Т.М. Вишенки - неолитическое поселение на Днепре // Археология и палеография

Русской равнины. - М.: Наука, 1984. - С.5-13.

14. Синюк А.Т. История населения Донской лесостепи в V-II тыс. до н.э. Рукопись докт.дисс. Научный архив ИА АН СССР, Р-2 № 2350.

15. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. - Куйбышев: Изд-во Куйбышевского педин-та, 1984. - С.102-130.

16. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. - 1981. - № 4. - С.8-21.

17. Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. - Київ: Наукова Думка, 1973. - 169 с.

18. Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. - Київ: Наукова Думка, 1962. - 76 с.

19. Ковалева И.Ф., Марина З.Г. Раннеямные погребения "репинского" типа в курганах степного левобережья Днепра // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. - Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ун-та, 1976. - Вып.2. - С.42-64.

20. Даниленко В.И. Энеолит Украины. - Киев: Наукова Думка, 1974. - 176 с.

21. Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. - 1984. - № 3. - С.105-122.

22. Фосс М.Е. Поселение на дюне Озименки // КСИИМК. - 1959. - Вып.75. - С. 4-17.

23. Степанов П.Д. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне р.Мокши // КСИИМК. - 1955. - Вып.59. - С.66-74.

24. Попова Т.Б. Эпоха бронзы на Тамбовщине // СА. - 1961. - № 3. - С. 137-152.

25. Шитов В.Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Тр. МНИИЯЛИЗ. - Вып.52. - С. 15-24.

26. Воеводский М.В. Памятники каменного века на Десне // КСИИМК. - 1949. - Вып.XXVI. - С. 22-27.

27. Розенфельдт И.Г. Стоянка Мыс Очкинский // КСИИМК. - 1950. - Вып.XXXI. - С. 130-141.

28. Гурина Н.Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. - 1972. - Вып.131. - С. 36-46.

29. Брюсов А.Я. Северная археологическая экспедиция // КСИИМК. - 1949. Вып.XXVI. - С. 27-34.

30. Ошибкина С.В. Об изображении птиц на керамике эпохи бронзы в восточном Прионежье // КСИА. - 1980. - Вып.161. - С.46-52.

31. Гаврилова И.В. Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения // КСИА. - 1973. - Вып.131. - С.70-77.

32. Гаврилова И.В. Неолитические поселения Костромского Поволжья // МИА. - 1973. - № 172. - С.130-138.

33. Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. 25 лет (1959-1983гг.) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии Наук СССР // СА. - 1983. - № 4. - С.267-271.

34. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. - 180 с.

35. Бадер О.Н. Турбинское время в Прикамье // МИА. - 1960. - № 99. - 198 с.

36. Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимодействие энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. - Куйбышев: Изд-во Куйбышевского педин-та, 1982. - Т.263. - С.3-24.

37. Воеводский М.В. Деснинская археологическая экспедиция // КСИИМК. - 1946. - Вып.XIII. - С.22-27.

И.Б.Васильев, П.Ф.Кузнецов
(Куйбышевский пединститут)

ПОЛТАВКИНСКИЕ МОГИЛЬНИКИ У С.КРАСНОСАМАРСКОЕ В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАВОЛЖЬЕ

В последние годы резко возрос фонд источников по средневолжской полтавкинской культуре. Здесь исследованы как рядовые полтавкинские памятники, так и крупные курганы полтавкинской знати (I Утевский и другие могильники), представляющие особый интерес для изучения проблем социальной истории населения эпохи бронзы Поволжья. Такие памятники исследованы археологической экспедицией Куйбышевского педагогического института в 1977 году у с.Красносамарское на реке Самаре, левом притоке реки Волги. Предварительная публикация полученных материалов дана в статье одного из авторов [1]. Данная работа посвящена полной публикации всех полученных материалов и их культурной интерпретации.

Красносамарский I курганный могильник расположен в 2,5 км к северо-западу от села Красносамарское Кинельского района Куйбышевской области, на невысокой террасе правого берега реки Самары, в 3-3,5 км от реки (рис.I, I). Он состоит из 4-х курганов.

Возможно, ранее в могильнике было большее количество курганов, которые полностью разрушены многолетней пахотой. На поле видны слабые повышения и светлые пятна, которые, видимо, являются разрушенными курганами.

Курган № I - наиболее крупный в могильнике (рис.I). Он имеет овальную форму, длину по линии север-юг - 84 м, ширину по линии восток-запад - 74 м, высоту - 3 м от подножья. Северный склон кургана более крутой, а южный - более пологий, что характерно для большинства курганов ямно-полтавкинского времени Среднего Поволжья. В этих районах преобладают южные ветры, под действием которых, видимо, изменяется конфигурация насыпи. К северу от кургана находилась небольшая ложбина глубиной около 0,3-0,4 м от современной поверхности и диаметром около 60 м, которая образовалась в результате выбирания отсюда земли для возведения кургана.

Насыпь кургана состояла из темно-серого гумуса. Никаких поздних досыпок не зафиксировано. Толщина погребенной почвы - 0,4 м. В центральной части кургана на уровне древней поверхности обнаружено пятно могильного выброса из основного в кургане погребения № 4. Толщина его до 40 см, диаметр около I0 м. В I метре к востоку от центра кургана, на глубине I,I м от нулевой точки в насыпи кургана обнаружено савроматское погребение № I. Здесь же, в центре кургана, на глубине 2,0 м от нулевой точки обнаружено погребение № 2 (рис.4, 3). Очертания могильной ямы не прослеживались. Плохо сохранившийся скелет взрослого человека (видимо мужчины) лежал на правом боку, головой на юг, в очень сильно скорченном положении. Ноги и руки погребенного прижаты к груди, видимо, он был связан. Костяк не окрашен, но комки ярко-красной краски найдены на щиколотках. Здесь же, на ступнях, лежало медное четырехгранное шило с деревянной рукоятью, а на нем - костяное орудие, сделанное из лопатки крупного животного (Рис.6, 3,4). Костяное изделие напоминает тупики - орудия для обработки кожи срубной культуры.

Там же, в центре кургана, к северу от погребения № 2, обнаружено погребение № 3. На глубине I,54 м от нулевой точки в насыпи кургана находилось несколько костей плохо сохранившегося скелета человека. Кости черепа и сильно стертые зубы лежали в северной части погребения. Положение погребенного не определяется. Под костями обнаружен бурый тлен какого-то органического вещества и зола. В центральной части погребения, между костей,

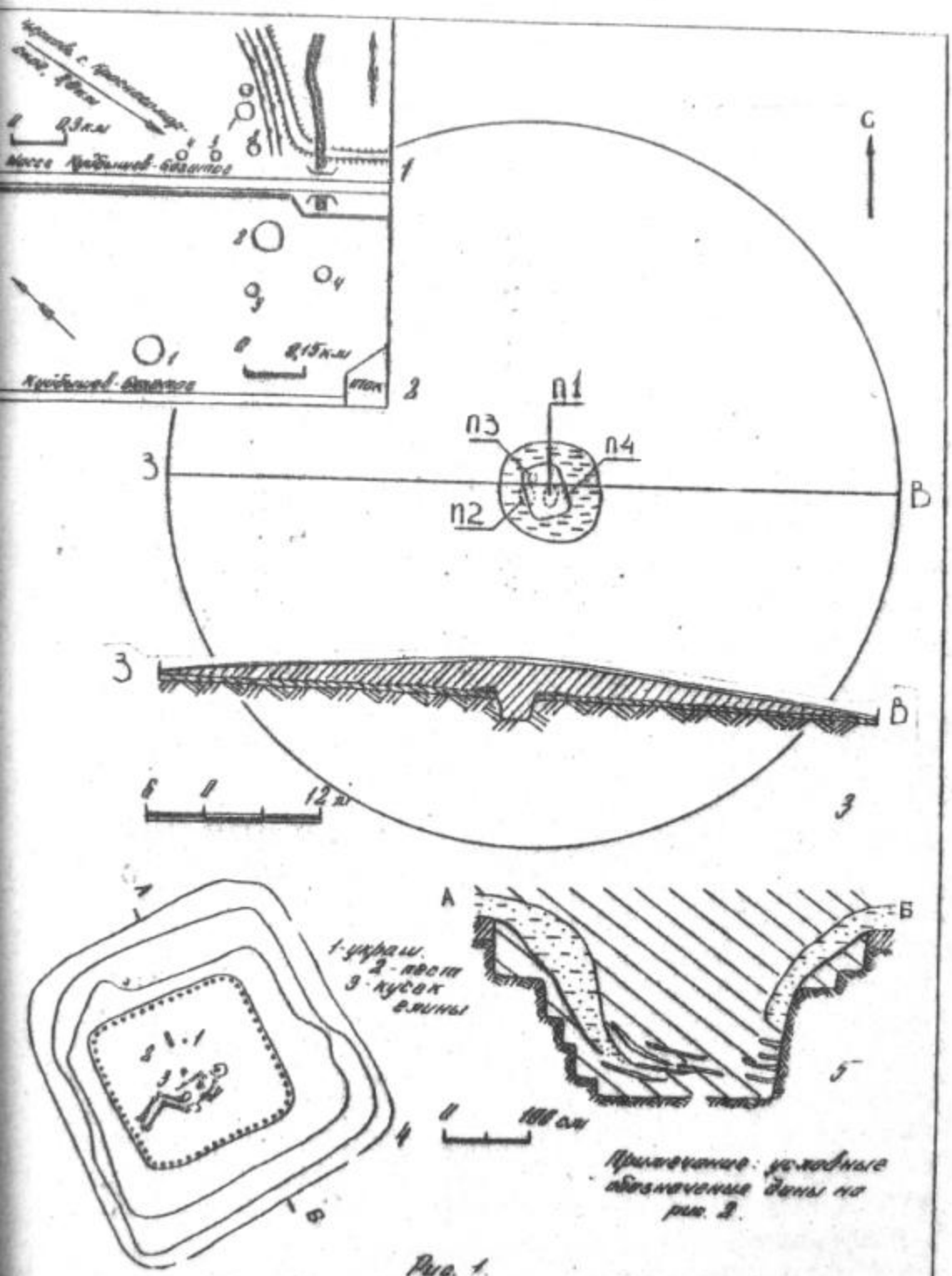


Рис. 1.

Могильники у с. Красносамарское.

1 - план Красносамарского I могильника, 2 - план Красносамарского II могильника, 3 - план и профиль кургана № 1 Красносамарского I могильника; 4, 5 - план и профиль погребения 4.

найден кремневый двустороннеобработанный наконечник кремня лис-товидной формы (Рис.6, 2).

В центральной части кургана обнаружено основное погребение № 4 (рис.I). Могильная яма имела в плане прямоугольную форму. Размеры ее по линии запад-восток - 4,5 м, по линии север-юг - 5,4 м. На глубине 0,6-0,8 м от поверхности погребенной почвы имелась ступенька шириной от 0,8 м до 0,4-0,3 м. В северной стенке ямы вырезаны еще 3 ступеньки высотой 0,3-0,5 м и шириной 0,2-0,3 м. На южной стенке имелась одна ступенька шириной 0,4-0,5 м. Общая глубина могильной ямы 2,45 м от древней поверхности. На профиле могилы хорошо видны следы затекшего в яму выкида желтой глины, под ним - следы сгоревшего органического вещества камыша или тростника. Над самым дном ямы, на глубине I,9-2,25 м от древней поверхности обнаружены прослойки глины мощностью 0,05-0,07 м, напоминающие ленточные отложения. Стенки по дну могилы со всех четырех сторон были обиты колышками на расстоянии I-2 см друг от друга. Диаметр ямок от колышков 3-4 см, глубина в материке I0-I5 см. На дне ямы лежал скелет крупного взрослого человека на спине, чуть завалившись вправо. Ноги его слабо согнуты, руки вытянуты вдоль туловища, левая кисть лежит на тазе. Ориентировка костяка северо-восточная. Череп и кости ног погребенного окрашены охрой. В 60 см вправо от костяка лежал крупный каменный пест (Рис.6, 6). Рядом с ним - плохо сохранившееся изделие из кожи с медными гвоздиками (Рис.6, 5). У правого локтя найдена глиняная лепешка "сердцевидной" формы размерами I5xI3 с

Курган № 2 находился в I00 м к югу от кургана № I. Диаметр его 40 м, высота I,2 м от уровня современной поверхности. Стратиграфия кургана следующая: 0-0,25 м - пахотный слой; 0,25-I,25 м - серый гумус (насыпь); I,25-I,6 м - серый перемешанный грязунами гумус (погребенная почва); ниже I,6 м - желтая глина (материк).

В центре, на глубине I,0 м от нулевой точки, обнаружена линза могильного выкида, окружавшего погребение (рис.2). Диаметр ее I0,5 см, толщина у края погребения - 25 см. Под могильным выкидом тонкая прослойка какого-то органического вещества. Могильная яма находилась в центральной части кургана и была немного смещена к юго-западу, имела прямоугольную форму. Размеры на уровне древней поверхности по линии ЗВ - 4,4 м; по линии СЮ - 3,6 м (рис.2). Ориентировка ямы по линии ВЗ. Глубина от уровня древней поверхности - 2,5 м. На глубине 0,6 м от древней

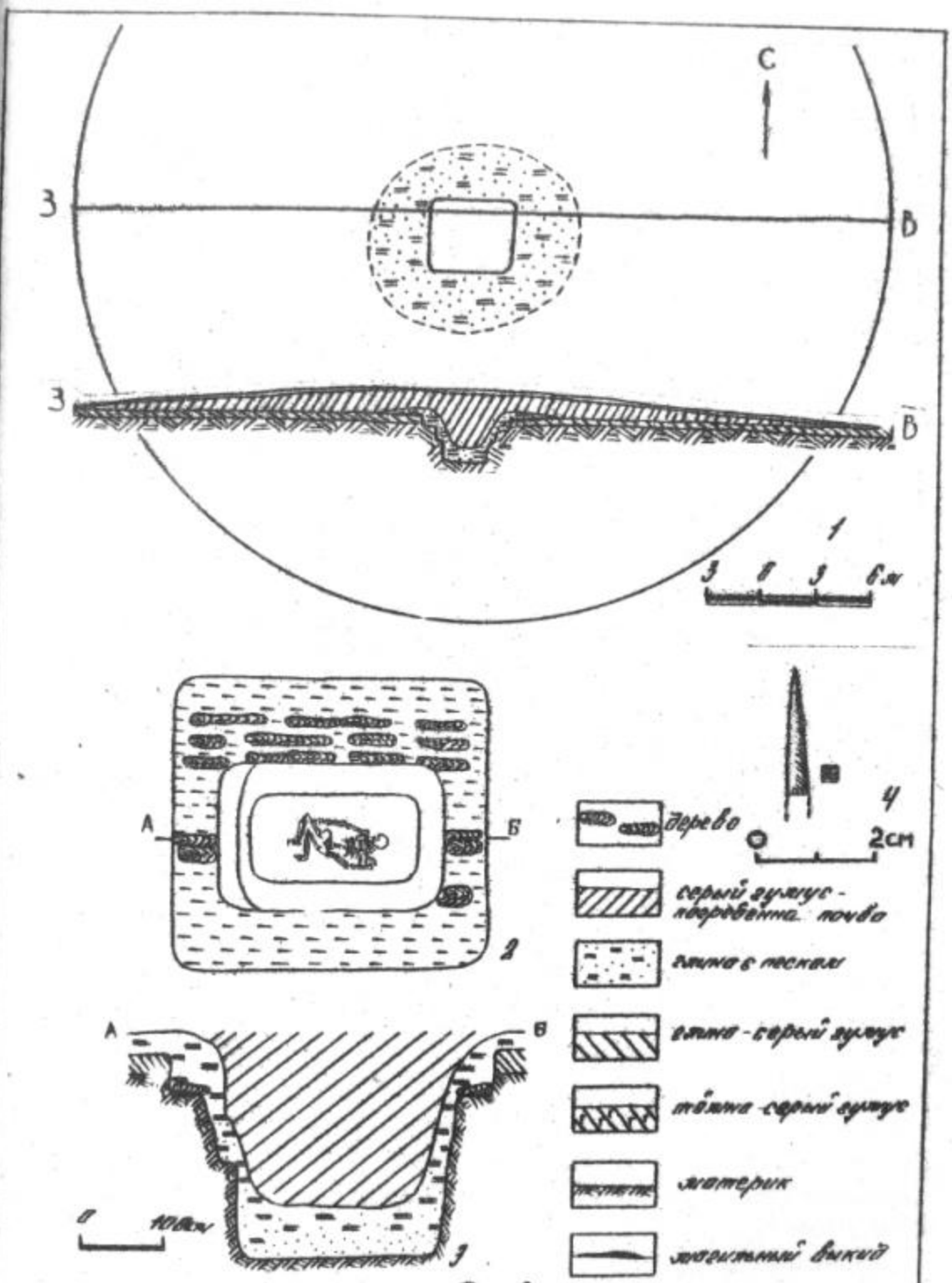


Рис. 2

Краснозаламорский I могильник.

1 - план и профиль кургана 2; 3,3 - план и профиль погребения кургана 2; 4 - обломок медного шила из погребения

поверхности вдоль стенок имелись ступеньки. С южной стороны ее ширина 85 см, северной - 105 см, с восточной и западной - по 60 см, т.е. размеры ямы уменьшились по линии ВЗ до 3,15 м, по линии СЮ до 2,0 м. На всей ступеньке имелась прослойка какого-органического вещества - камыша или травы. Не было ее лишь у северной и южной стенок могилы. На подстилке у западной и восточной стенок сохранились концы перекрывающих могилу бревен. Хорошо сохранились бревна диаметром до 15 см вдоль северной стенки могилы. Особенно толстые бревна (диаметром до 20 см) перекрыва погребение по центру. На западной стенке могилы на глубине 1,3 находилась еще одна ступенька. Остальные стенки наклонно шли к дну погребения, размеры которого на глубине 2,5 м сократились до 2,4х1,5 м. На ступеньках были обнаружены следы сплывшего выкида. Ниже в погребение глина спускалась тонкими лентами шириной 15-20 см. На стенках ямы прослеживались тонкие прослойки органического вещества - камышовых или тростниковых циновок. На дне могилы на спине лежал скелет очень крупного человека пожилого возраста, ориентированный головой на восток. Ноги его сильно согнуты в коленях вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая немного согнута в локте, кисть ее лежит на тазе. Костяк окрашен охрой, интенсивность окраски средняя. Под костяком прослеживалась прослойка истлевшего органического вещества, видимо белой коры (березы). Сверху они посыпаны тонким слоем охры. На тазе, между пальцами левой руки, обнаружено квадратное в сечении медное шило, толщиной 3 мм, длиной 2,2 см (сохранилось не полностью) (рис. 2,4).

Курган № 3 находился в 15 м к западу от кургана № 2. Его диаметр 24 м, высота 0,5 м от уровня современной поверхности, имел следующую стратиграфию: 0-0,25 м - пахотный слой; 0,25-0,6 м - темно-серый гумус (насыпь); 0,6-0,95 м - серый гумус (погребенная почва); ниже 0,95 м - желтая материковая глина.

В центральной части кургана, немного смещенная к юго-западу, находилась линза могильного выкида из основного погребения № I. Она имела овальную форму, размеры 8х6 м, толщину до 27 см у края могилы (рис.3).

Основное погребение № I смещено к ЮЗ от центра на 1,5 м (рис. 4 I). Могильная яма имела прямоугольную форму, длину 2,45 м, ширину 2 7 м, глубину 1,05 м от уровня древней поверхности. Ориентирована она по линии ЮЗ-СВ. Стенки могилы - вертикальные. На дне ямы на спине лежал костяк взрослого очень

крупного человека, видимо, мужчины. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая слабо согнута в локте, кисть лежит на левом бедре. Скелет пропитан охрой, более интенсивно череп. Инвентаря при погребенном не было.

Погребение № 2 (рис. 5) находилось в юго-западной части кургана, на расстоянии 7 м от центра. Могильная яма имела прямоугольную форму, длину I,5 м, ширину I,I м, глубину 0,55 м от уровня древней поверхности, 0,2 м от уровня материка. Ориентирована она по линии СЗ-ЮВ. На дне ямы на правом боку лежал костяк с сильно согнутыми ногами. Руки его под прямым углом согнуты в локтях и лежат параллельно бедрам. Ориентировка костяка - ЮВ. В I5 см от черепа на дне могилы найден обломок придонной части сосуда серого цвета с примесью шамота и толченой раковины в глине.

Погребение № 3 находилось в восточной части кургана в 7,2 м от центра. Могила имела длину I м, ширину в изголовье костяка 0,7 м, в ногах 0,6 м, глубину 0,45 м от уровня древней поверхности и 0,I м от материка. На дне найдены лежащие в беспорядке кости скелета. Судя по сохранившим анатомический порядок костям предплечья и голени, погребенный лежал на левом боку в скорченном положении, головой на север. У лица стоял горшок с примесью шамота в глине. Орнамент, нанесенный по верхней части сосуда, состоит из зубчатых заштрихованных треугольников вершинами вверх.

Погребение № 4 находилось в северной части кургана, на расстоянии 7 м от центра. Могильная яма размерами I,0x0,6x0,I м (от уровня материка). Костяк лежал на левом боку в скорченном состоянии, головой на СВ. У лица стоял глиняный неорнаментированный сосуд баночной формы. Диаметр венчика - I0,5 см, дна - 8,5 см, высота - 9 см.

Погребение № 5 находилось в северо-восточной части насыпи в 7,7 м от центра. Могильная яма имела следующие размеры: длину - I,4 м, ширину в ногах - 0,93 м, в изголовье - 0,75 м, глубину - 0,45 м от уровня древней поверхности и 0,I м от уровня материка. На дне ямы в скорченном положении на левом боку лежал костяк взрослого человека, ориентированный головой на СЗ. У рук стоял сосуд горшковидной формы с примесью шамота в глине. Диаметр венчика - I4 см, дна - 9 см, тулова - I4,3 см. Орнаментирован по плечикам заштрихованными треугольниками вершинами вверх, выполненными зубчатым штампом. В сосуде у колен погребенного находились кусочки шлака.

Курган № 4 находился в I30 м к западу от кургана № 3. Диаметр

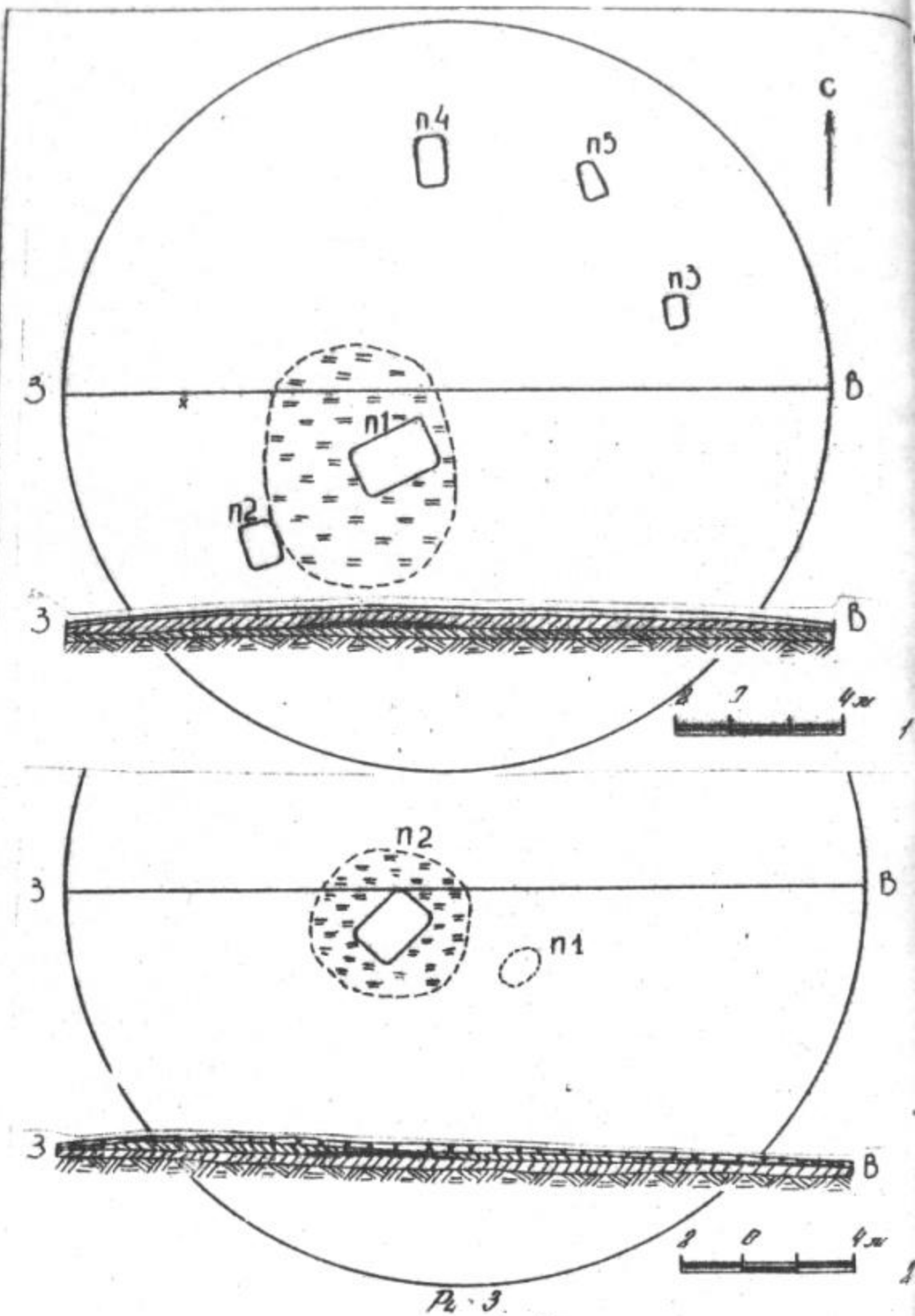


Рис. 3.

Красносамарский I могильник

1- план и профиль кургана 3; 2- план и профиль кургана 4.

его 24 м, высота 0,35 м от поверхности (рис.3). Имел следующую стратиграфию: 0-0,25 м - пахота; 0,25-0,45 м - темно-серый гумус (насыпь кургана); 0,4-0,8 м - серый гумус (погребенная почва); ниже 0,8 м - желтая глина.

В центральной части кургана, смещенная к юго-западу, находилась линза могильного выкида из основного погребения № 2. Размеры ее 4,5х4,5 м, толщина до 15 см. В 2,5 м от центра обнаружено впускное погребение № I. Очертания могильной ямы не фиксировались. Сохранилась лишь нижняя часть костяка, судя по которой погребенный лежал на левом боку, головой на СВ, в скорченном положении, руки перед грудью.

В I,3 м к ЮЗ от центра обнаружено в кургане основное погребение № 2 (рис.4, 2). Могильная яма прямоугольной формы, в длину 2,I м, ширина 1,4 м, глубина I,0 м от уровня погребенной почвы и 0,65 м от уровня материка. В погребении обнаружен костяк крупного человека, лежащего на спине с подогнутыми ногами, коленями вправо. Кисти рук лежали на животе. Под костями обнаружены прослойки охры и органического вещества, возможно травы. Первоначально дно могильной ямы было посыпано слоем охры, затем застелено травой. Костяк слабо окрашен охрой, несколько более интенсивно череп и ноги. В I8 см от левого плеча находился глиняный сосуд. Сосуд слабо профилированный, горшковидной формы с примесью толченой раковины в глине (рис. 6). Диаметр венчика - I7,5 см, дна - I0,5 см, высота сосуда - I7 см. На шейке имеется валик шириной около 0,5 см, толщиной около 0,3 см. Верхняя часть сосуда (до валика) орнаментирована наклонными отпечатками штампа с узкими зубцами. Валик орнаментирован отпечатками того же штампа с наклоном в другую сторону. Ниже валика все тулово украшено шагающей гребенкой, выполненной, видимо, тем же штампом.

Анализ основных погребений всех четырех курганов позволяет отнести их к средневолжской полтавкинской культуре. Погребения № 2 и № 3 в кургане № I и погребение № 2 в кургане № 3 относятся к полтавкинским. Впускные погребения №№ 3, 4, 5 в кургане № 3, судя по положению костяков, ориентировке и инвентарю, оставлены срубными племенами. Впускное погребение № I в кургане № I является савроматским.

Красносамарский II курганный могильник. Расположен в I,5 км к востоку от Красносамарского I могильника на II высокой террасе реки Самары. В могильнике 4 кургана (рис.I, 2). Исследован курган № I. Его диаметр 70 м, высота 2,5 м (рис.4). Курган имеет

следующую стратиграфию: 0-0,25 м - пахотный слой; 0,25-0,3 м темно-серый гумус (насыпь кургана); 0,3-0,35 м - серый гумус гребенная почва).

В центре кургана на глубине 3,0 м от нулевой точки кольцо желтой глины диаметром 45 м, шириной до 5 м; высотой до 0,5 м. Кольцо опоясывает могильную яму. Погребение № I прямоугольной формы ориентировано по линии ВЗ (рис. 4). Длина ямы - 4,2 м, ширина - 3,9 м. Общая глубина 2,55 м от уровня древней поверхности и 2,2 м от уровня материка. Вдоль ее стенок на расстоянии до 60 см по горизонтали от краев ямы находился песок (в северной части ямы) и глина (в южной части). Северная стенка ямы была несколько нарушена. На глубине 0,8 м от уровня древней поверхности вдоль стенок прослеживается ступенька шириной 0,4-0,3 м. Ниже стенки могилы наклонно спускались ко дну могилы, и на уровне дна яма имела длину по линии ВЗ - I,7 м, ширину по линии СЮ - I,2 м. Вся ступенька была заполнена песком и глиной. Центральная часть могильной ямы была заполнена гумусом, под ним - узкие ленты песка и глины. Ко дну могильной ямы песок становился все чище и на глубине 2,4-2,45 м он стал почти стерильным. Погребенный был засыпан чистым песком. Стенки могилы были обложены темным слоем травы и камыша, от которых сохранились углистые полосы. Таких прослоек обнаружено несколько. Стенки ямы оббиты вертикальными колышками диаметром 3-6 см, углубленными в дно ямы на I5-20 см. Судя по прослойкам, процесс погребения можно восстановить следующим образом. Дно ямы первоначально было застелено тонкой органической подстилкой (трава, камыш). Затем она была посыпана охрой (мощность прослойки до 5 мм) и на нее положили погребенного. Затем его опять посыпали охрой, укрыли камышом и подожгли. Когда погребальный костер разгорелся, его засыпали и потушили песком. Успел сгореть только камыш, одежда и, видимо, частично обуглился сам погребенный, кости обожжены не были. Хорошо сохранившийся костяк погребенного лежал на правом боку. Ноги слабо согнуты в коленях. Таз почти полностью развернут в положении "на спине". Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть лежала на тазе. Между костями ног, у таза, лежало несколько кусков охры. Охрой пропитан весь костяк, более интенсивно череп и ступни погребенного. Инвентарь в погребении отсутствовал. Ориентировка погребенного восточная с небольшим отклонением к северу.

В юго-западном секторе кургана, в II м от центра, обнаружено впускное абашевское погребение [2, с.89].

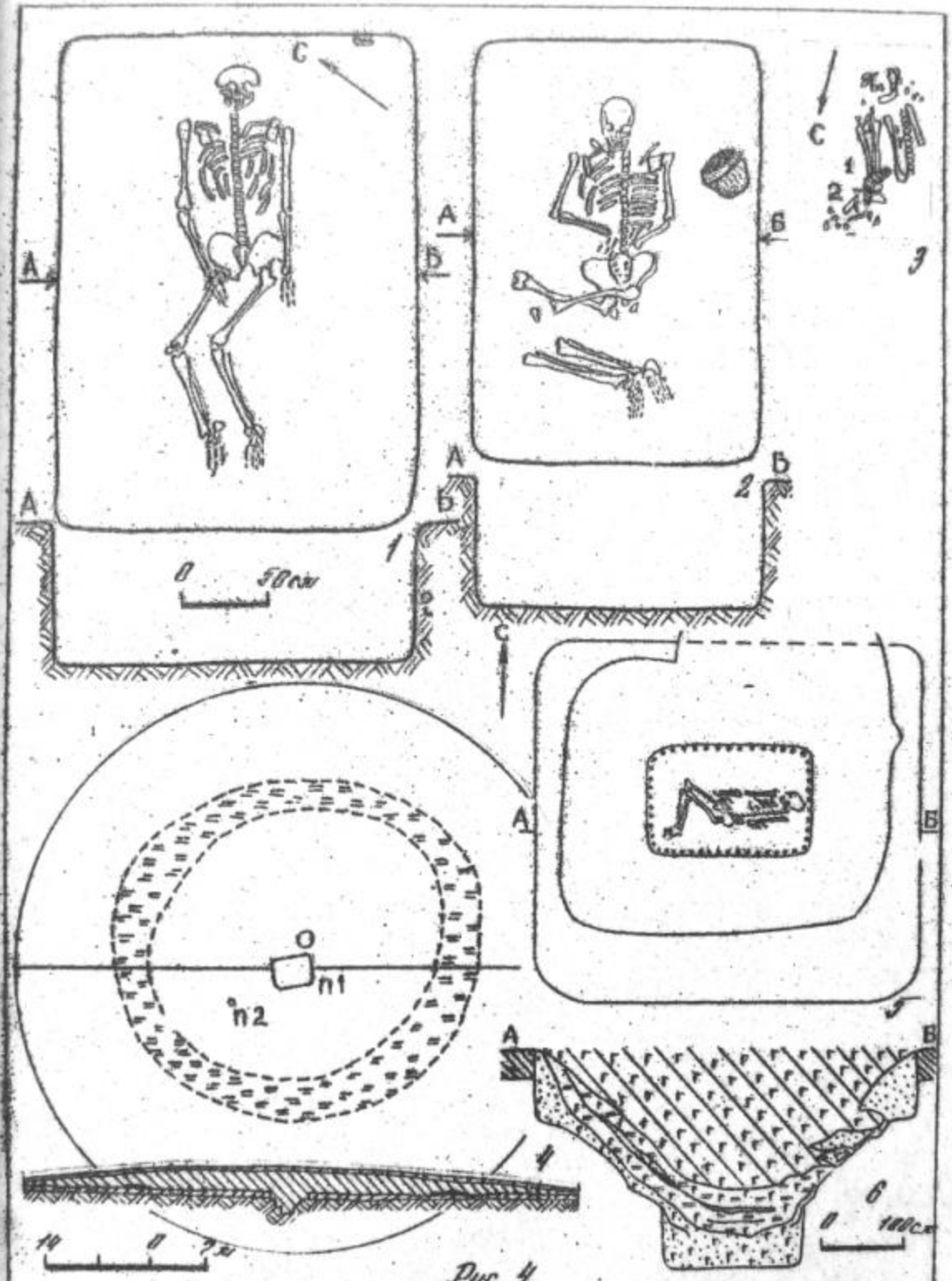


Рис. 4

Красносамарский I могильник. 1 - погребение 1 кургана 3; 2 - погребение 2 кургана 4; 3 - погребение 2 кургана 1; 4 - план и профиль кургана 1 Красноск. II м-ка; 5,6 - погр. 2 Красносамарского II м-ка.

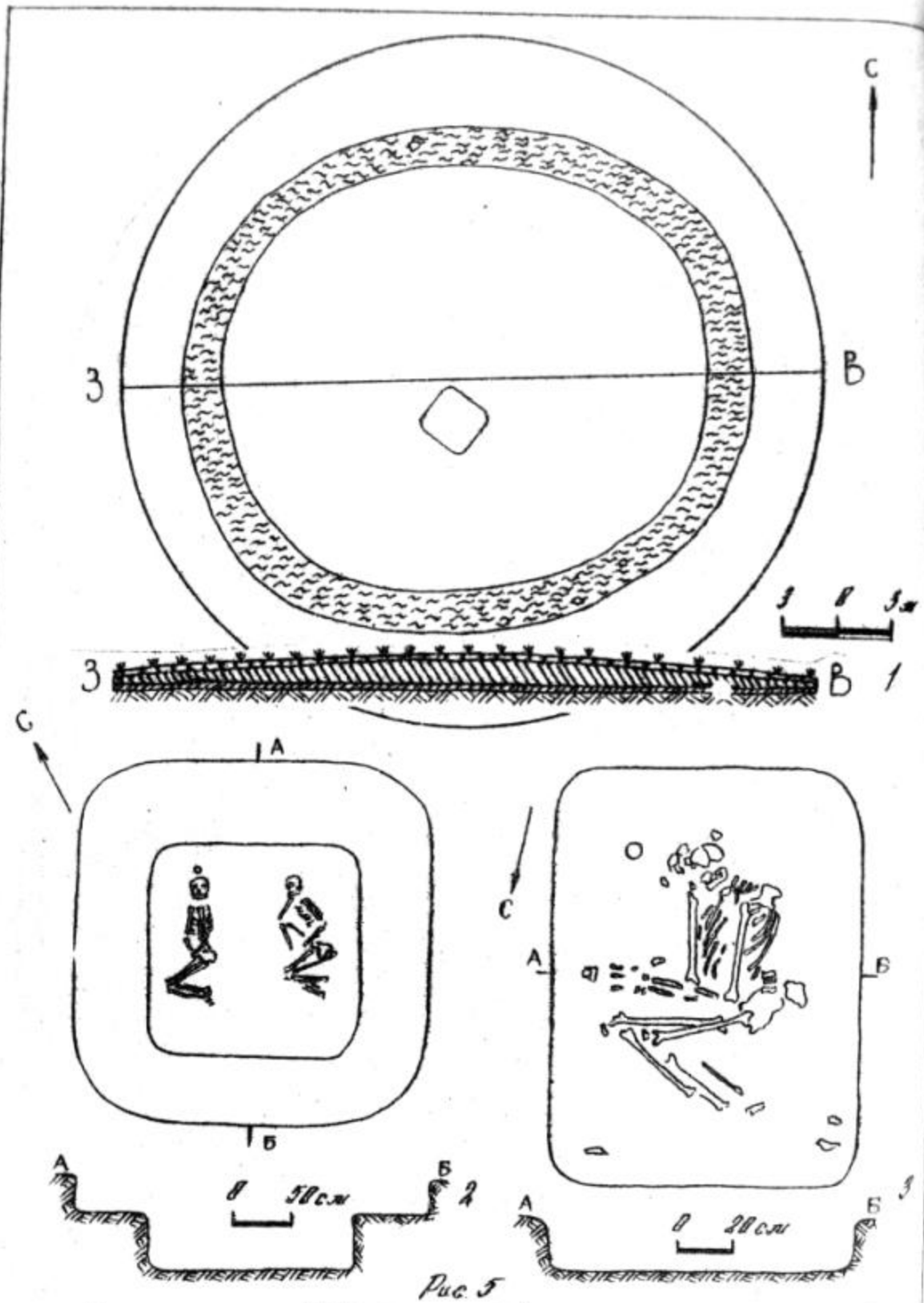


Рис. 5

Красносамарский III эловильник. 1 - план и профиль кургана 1; 2 - план и профиль погребения 1; 3 - план и профиль погребения 2 кургана 3 Красносамарского I эловильника.

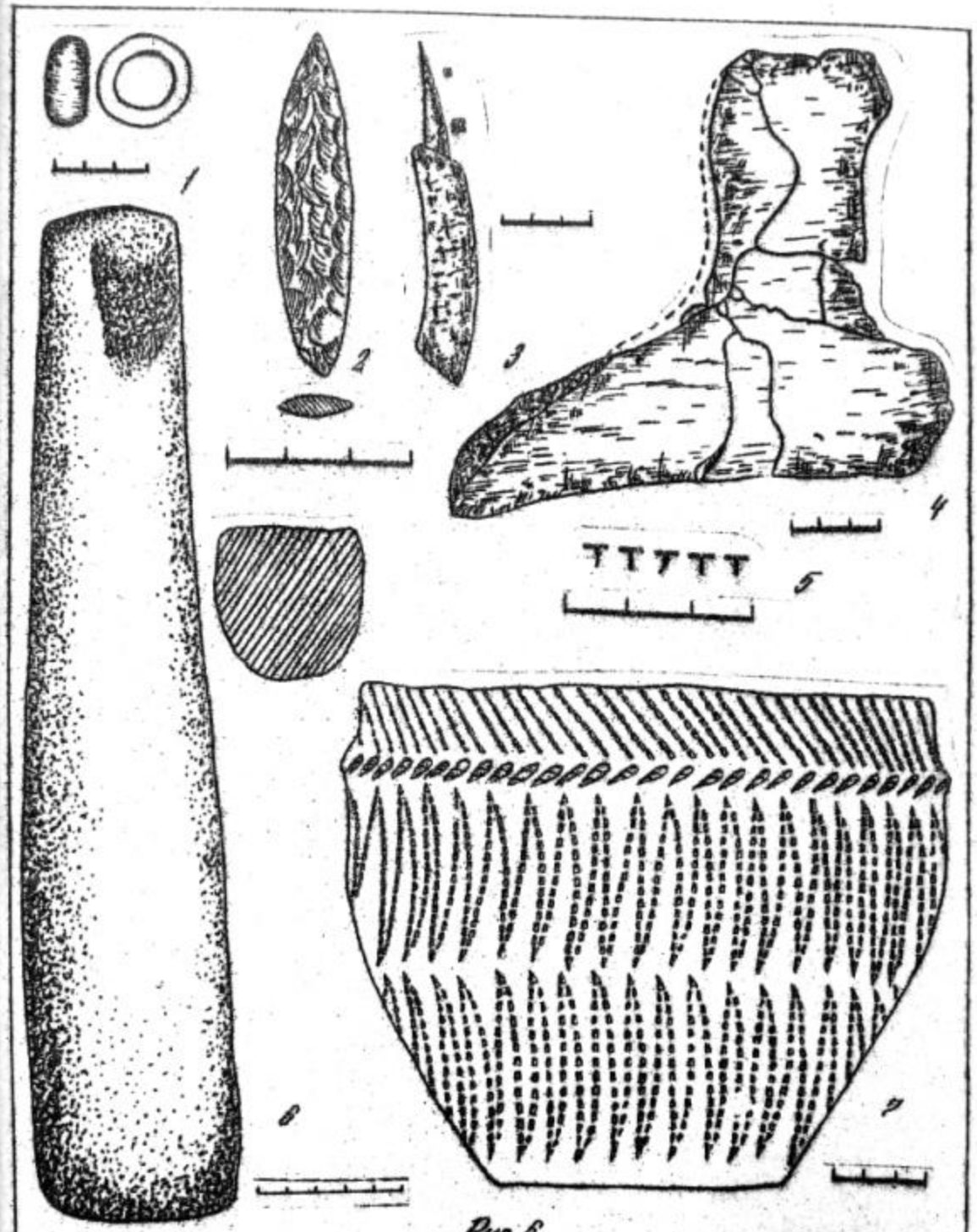


Рис. 6.

Красногорский III поселение. 1 - костяное кольцо из погребения 1 кургана 1. Красногорский I поселение. 2 - курган 1, погребение 3; 3, 4 - курган 1, погребение ?; 5, 6 - курган 1, погребение 4; 7 - курган 4, погребение.

Красносамарский Ш могильник расположен в низине, изрезанной ручьями, протоками, озерцами в 1,5 км на ВЮВ от I Красносамарского могильника и в 1,5 км на север от П Красносамарского могильника. В могильнике 6 курганов. Раскопки начаты с восточного кургана № I. Его диаметр 40 м, высота 1,2 м. Северный склон кургана круче остальных. Стратиграфия его следующая: 0-0,15 м - дерн; 0,15-1,4 м - серый гумус (насыпь кургана); 1,4-1,85 м - светло-серый гумус (погребенная почва); ниже 1,85 м - желтая материковая глина (рис. 5).

На глубине 1,3 м от нулевой точки, на расстоянии 13-14 м от центра обнаружено кольцо золы шириной 2-2,4 м, диаметром около 26-27 м. Толщина прослойки золы 10-15 см. Под золой прослеживается слабый прокал грунта. В центре обнаружено погребение № I (рис. 5). Могильная яма имела квадратную форму с закругленными углами 3,4х3,4 м. Ориентирована она диагоналями по сторонам света. На глубине 75 см от древней поверхности и 30 см от поверхности материка, со всех сторон могильной ямы, имелась ступенька. Ширина ее около 70 см. На этом уровне размеры могилы уменьшились до 2,0х2,0 м. Общая глубина могилы от уровня древней поверхности 1,35 м и 0,9 м от уровня материка. Стенки могилы и ступеньки покрыты тонкой прослойкой сгоревшего органического вещества (камыша и травы). Всю яму такая прослойка перекрывала на глубине 1,25 м от древней поверхности и 0,8 м от уровня материка. Погребение парное. Костяк № I лежал на спине с согнутыми вправо ногами. Кости рук плотно прижаты к туловищу, кисти подогнуты. Погребенный, видимо, был плотно спеленут. В 10 см за черепом лежало костяное кольцо (рис. 6). Череп окрашен охрой. Костяк № 2 лежал на правом боку (рис. 5). Руки согнуты в локтях, кисти у бедер. Костяк равномерно окрашен охрой. Интенсивность окраски средняя. Ориентировка погребенных - северо-восточная.

* * *

Рассмотренным выше исчерпываются материалы, полученные при раскопках I-Ш Красносамарских могильников. Основная часть погребений (кроме отмеченных нами срубных, абашевского и сарматского погребений) имеет черты, которые позволяют рассматривать их в рамках полтавкинской общности [1, с. 30, 31, 42, 43]. По характеру погребального обряда их можно разделить на три группы.

К первой группе относятся следующие погребения: погребение кургана № I могильника № I; погребение № I кургана № 2 могильника

№ I; погребение № I кургана № I могильника № 2. Это основные погребения под курганами крупных размеров, совершенные в просторных и глубоких ямах со ступеньками и сложными внутримогильными сооружениями. Они включают практически все формы внутримогильных сооружений, характерных для средневолжской полтавкинской культуры (далее - СПК). Все умершие положены на спину с разворотом вправо, колени подогнуты, одна рука лежит на тазовых костях. Погребенные полностью посыпаны охрой, отмечены следы огня. Наиболее близкие аналогии описанным погребениям находят в материалах Утевского I могильника [3, с.32-58]. Здесь основные погребения также находятся под курганами крупных размеров (от 60 м до 110 м в диаметре и от 2-х до 3,5 м высотой). Погребения имеют сложные внутримогильные сооружения. Погребенные положены с разворотом вправо и полностью засыпаны охрой. Несколько обособленное положение по признакам обряда и инвентаря здесь занимает погребение I, кургана I Утевского I могильника, что позволяет определять его как ямное. Но данное погребение имеет и целый ряд признаков, характерных для погребений I группы СПК, и неизвестных в собственно ямных. К этим признакам относятся: обкладка стенок могильной ямы корой, перекрытие погребения деревянными плахами, расположение инвентаря только у ног погребенного. Эти признаки объединяют все курганы Утевского I могильника в единую обрядовую систему и позволяют хотя и считать погребение № I кургана № I Утевского I могильника наиболее ранним из четырех основных погребений курганов этого могильника, но относить его уже не к собственно ямному, а к ямно-полтавкинскому времени. Характерной чертой основных погребений I Утевского могильника, в отличие от погребений Красносамарских курганов, является богатство и разнообразие их инвентаря. Своеобразие Красносамарских погребений, в отличие от Утевских, заключается в чрезвычайно сложном способе сооружения погребальной камеры при общей бедности их инвентаря. Громадные трудовые затраты, которые потребовались для сооружения Красносамарских курганов (диаметр их около 70-80 м при высоте 2,5-3 м), величина и сложность могильных ям, а, следовательно, сложность ритуалов свидетельствует об установках, не позволявших помещать в могильную яму разнообразный металлический, керамический или каменный инвентарь, или требовавших помещения в могилу особого, не дошедшего до нас инвентаря (кожаного, деревянного и т.д.). Возможно, это были захоронения жрецов или шаманов с соответствующим погребальным инвентарем - маски,

одежды, ритуальные куклы и т.д. Косвенным подтверждением данного предположения является несколько необычный характер инвентаря погребения № 4 кургана № I Красносамарского I могильника – крупный кремневый жезл-пест, сердцевидная лепешка и изделие с медными гвоздиками. Инвентарь близких по размерам курганов ямно-полтавкинских вождей у с.Утевка хотя и гораздо более многочисленный, но и более стандартный – ножи, шилья, керамика, украшения и т.д. Таким образом, нам представляется наиболее вероятным принадлежность указанных захоронений I группы СПК могилам жрецов или шаманов, хотя более определенно об этом можно будет говорить в случае находок в подобных захоронениях инвентаря несомненно ритуального назначения. Не исключена и иная интерпретация данных захоронений.

Ко второй группе погребений относятся погребение № I кургана № 4 Красносамарского I могильника; погребение № 2 кургана № 4 могильника № I; погребение № I кургана № I могильника № 3. Эту группу объединяют небольшие размеры курганов (диаметр от 24 до 40 м при высоте от 0,35 до I,20 м). Могильные ямы лишены сложных конструкций, погребенные лежат на спине, ориентировка северо-восточная. Инвентарь, как и в первой группе, практически отсутствует. Большой интерес представляет сосуд из погребения № 2 кургана № 2, орнаментированный валиком и горизонтальными рядами "шагающей" гребенки. Всего в настоящее время известно около 30 сосудов СПК. Из них девять орнаментировано горизонтальными и вертикальными отпечатками зубчатого штампа в виде шагающей гребенки, что составляет около 30% от всей керамики СПК. Причиной появления этого орнамента, а также некоторых других характерных для СПК орнаментальных мотивов и композиций (заполнение всей внешней поверхности вертикальным зигзагом из зубчатого штампа, горизонтальной елочкой и др.) является взаимодействие населения СПК с племенами северных и северо-восточных районов Поволжья и Приуралья [I, с.45-48], где известны близкие орнаментальные композиции на поздневолосовских [4, с.I27; с.2I-23] и гаринских памятниках. Мотив "шагающая гребенка" получил наибольшее распространение на гаринской керамике, тогда как на волосовской этот орнамент встречается гораздо реже. В волосовской культуре находят аналогии такие мотивы, как вертикальный зигзаг из чередующихся длинных и коротких отпечатков зубчатого штампа, елочка, ряды насечек. В последнее время в лесостепном Поволжье выявлена группа материалов, в целом сходная с северными культурами

волосовского и гаринско-борского круга, но содержащая и некоторые отличия и от той, и от другой культур, что в дальнейшем позволит говорить об особой, юго-восточной группе памятников волосовско-турбинской культурной области. Взаимодействием позднеямных и раннеполтавкинских племен с населением волосовско-гаринского типа в южных районах лесостепного Поволжья и Приуралья и привело к появлению в СПК этих своеобразных орнаментов. Следует отметить, что в глубинных районах лесостепного и на юге лесного Поволжья* выделяется группа памятников, в керамическом комплексе которых наблюдаются черты, характерные для керамики северной группы полтавкинских и вольско-лбищенских племен [7, с.66-68]. При этом, если влияние на степные скотоводческие культуры лесных и лесостепных племен прослеживается фактически только по отдельным орнаментальным композициям, то воздействие южных племен на северные, видимо, было гораздо более активным и выразилось в появлении новых культурных комплексов, как поселенческих, так и погребальных. Не исключено, что в эпоху средней бронзы в связи с резкими количественными и качественными изменениями в жизни полтавкинского населения происходит продвижение групп южного населения на север.

Вывод о взаимодействии полтавкинских племен с населением камско-уральского типа был сделан в 1962 году К.В.Сальниковым [8, с.44-46] и новые данные его подтверждают. Р.С.Багаутаинов и Г.Г.Пятых в 1977 году вновь подняли вопрос о восточных связях полтавкинских племен [9, с.33-39]. Они сделали вывод о наличии контактов полтавкинского населения с энеолитическими племенами Южного Урала, Зауралья, Северного Казахстана и, возможно, Западной Сибири [9, с.37]. К сожалению, авторы не обосновывают свой интересный тезис о возможности контактов полтавкинского населения эпохи бронзы Поволжья (и даже раннесрубного) [9, с.37] с энеолитическими племенами Южного Урала, Зауралья и Северного Казахстана и причин столь значительного запаздывания развития последних. Вопрос о взаимодействии полтавкинских племен с населением более восточных территорий

* Поселения Гундоровское, Раковское, Чесноковское, Ильинское, Имерское (раскопки Агапова С.А., Барынкина П.П., Васильева И.Б., Козина Е.В., Кузнецова П.Ф., Мамонова А.Е., Третьякова В.П.).

затрагивался Н.К.Качаловой [10, с.8, 16], Л.П.Хлобыстиным [11, с.54] и другими исследователями. Недавно к нему вновь обратился В.И.Мельник [12, с.23-27]. К сожалению, эпоха ранней и средней бронзы степной и лесостепной части Северного Казахстана и Зауралья исследована еще недостаточно. Известные здесь памятники вишневского типа не имеют признаков, которые позволяли бы их сопоставлять с полтавкинскими [13, с.23, 25; 14, с.104-113]. Более сложен вопрос о взаимоотношениях полтавкинской и кротовской культур. Здесь имеется ряд близких черт: форма сосудов, зональность орнаментации, наличие на шейках сосудов валиков (в том числе волнистых), орнаментация рядами "шагающей" гребенки, штампа или насечек и т.д. Аналогий слишком много, чтобы можно было объяснять их появление конвергенцией. Значительные неисследованные пространства между полтавкинской и кротовской культурами пока не позволяют ответить на вопрос о причинах этой близости, да он и выходит за рамки данной статьи. Видимо, определенные взаимодействия между лесостепными Поволжскими и Приуральскими, с одной стороны, и лесостепными Западносибирскими племенами, с другой, имели место, однако, их причины и конкретный характер нуждаются в дальнейшем исследовании.

Что же касается культурной, хронологической и социальной интерпретации погребений второй группы Красносамарских могильников, то они, наряду с аналогичными погребениями других могильников, составляют основную часть погребений СПК и оставлены рядовым населением этой культуры. Погребенные захоронены под небольшими курганами, в простых ямах без сложных конструкций, сопровождаются небогатым инвентарем. Четкое хронологическое их определение сейчас затруднено. Они имеют в погребальном обряде ряд архаичных, ямных черт, однако, относить все их к раннеполтавкинскому времени, видимо, нельзя. Консервативность СПК, надо полагать, привела к тому, что погребения этого типа с многочисленными ямными чертами в обряде продолжают совершаться и в позднеполтавкинский период. Это отразилось и в погребальном обряде раннесрубных племен [15, с.8-11]. Следует отметить, что именно первая и вторая описанные выше группы погребений и составляют (наряду с другими аналогичными им погребениями) характерный комплекс средневолжской полтавкинской культуры, отличающей ее от нижневолжской и других полтавкинских культур.

Третью группу составляют погребение № 2 кургана № I и погребение № 2 кургана № 3 Красносамарского I могильника. Оба погребения впускные в полтавкинские курганы. Судя по имеющимся в настоящее время данным, обряд впускных погребений на территории Среднего Поволжья для предшествующего времени не характерен, но он широко распространен в Нижнем Поволжье как в ямное, так и в полтавкинское время. Эти погребения, наряду с аналогичными погребениями других памятников, ранее были выделены как погребения IУ группы в общей классификации ямно-полтавкинских памятников Среднего Поволжья [I, с.35, 46,47] и сопоставлены со второй группой полтавкинских памятников Нижнего Поволжья по классификации И.К.Качаловой [I0, с.44]. Данная группа погребений гораздо ближе к нижневолжским как по погребальному обряду, так и по инвентарю, чем к средневолжским, описанным выше. Так, в Нижнем Поволжье имеется керамика, полностью аналогичная керамике из рассматриваемой группы Среднего Поволжья (Бережновский I могильник, курган № 5, погребение № 9; Ровненский могильник, курган Д 37; Старая Полтавка, курган Е 25; Покровский могильник, курган № I2, погребение № 6 и другие) [I0, с.9; I6, с.69, 70]. Отличия в погребальном обряде и инвентаре данной группы погребений от остальных полтавкинских погребений (собственно средневолжской полтавкинской культуры), их сравнительно небольшое количество в Среднем Поволжье (в настоящее время они составляют около 30% всех известных здесь полтавкинских погребений) и близость погребениям нижневолжской полтавкинской культуры позволяет предполагать, что их появление в Среднем Поволжье является результатом проникновения в эти районы нижневолжских полтавкинских племен. На основе взаимодействия средневолжского и пришлого нижневолжского полтавкинского населения, при участии ряда других культурных групп и формируется срубная культура позднего бронзового века этой территории.

Литература:

I. Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1979. – Т.230. – С.24-57.

2. Кузьмина О.В. Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Поволжья // Древняя история

Поволжья. - Куйбышев: Кн. изд-во, 1979. - С.89, рис.3.

3. Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с.Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточно-Европейской лесостепи. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. - С.32-58.

4. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. - М.: Наука, 1969. - С.127 и сл.; Никитин В.В. Волосовские племена на Средней Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. - Йошкар-Ола: Изд-во Башкирского ун-та, 1978. - С.21-63.

5. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. - 1961. - № 99. - С.94-132 ; Он же. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. - Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. - М., 1961. - Вып.2.

6. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. - М.: Наука, 1969. - 396 С.; Соловьев Б.С. О "валиковой" керамике поселения Галанкина Гора // Древние этнические процессы Волго-Камья. - Йошкар-Ола: Изд-во Башкирского ун-та, 1985. - С.85-99.

7. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. - Куйбышев: Изд-во Куйбышевского пед.ин-та, 1985. - 118 С.

8. Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЗБ. - 1962. - Т.1. - С.44-46.

9. Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г. Новые данные о восточных связях полтавкинских племен // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. - Куйбышев: Изд-во Куйбышевского пед. ин-та, 1977. - С.33-39.

10. Качалова Н.К. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. - 1983. - Вып.24. - С.8-16.

11. Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья. - Л.: Наука, 1976. - 65 с.

12. Мельник В.И. Памятники эпохи средней бронзы Степного Поволжья и проблема их связи с восточными культурами // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: Изд-во Челябинского ун-та, 1984. - С.23-27.

13. Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Североказахстанской области // ВАУ. - 1973. - № 12. - С.12-27.

I4. Татаринцева Н.С. Керамика поселения Вишневка-I в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск: Изд-во Челябинского ун-та, 1984, -С.204-213.

I5. Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья//Культуры бронзового века Восточной Европы. - Куйбышев: Изд-во Куйбышевского пед.ин-та, 1983. - С. 8-II.

I6. Качалова Н.К. К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. - 1962. - Вып. 5. - С. 44-63.

I7. Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953) // МИА. - 1959. - № 60. - С. 52-76.

В.И.Погорелов
(Воронежский пединститут)

ПОГРЕБЕНИЯ КАТАКОМБНОГО ТИПА II ПАВЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Памятник расположен в 0,5 км к юго-востоку от с.Гаврильские Сады Павловского района Воронежской области близ известного в археологической литературе первого Павловского могильника [I]. В 1986 г строителями были снивелированы до материка четыре курганные насыпи. Изучение погребений проводилось в том же году под руководством М.И.Лыловой.

Из 59 погребений могильника - 38 оставлены носителями среднедонской катакомбной культуры эпохи средней бронзы. Все они составляют три группы: захоронения в катакомбах (I7 погребений), захоронения в прямоугольных ямах (I5 погребений), круглые жертвенные ямы (I6 погребений). Планиграфически захоронения образуют четыре подкурганные скопления, расположенные в линию с востока на запад. Первое скопление (рис. I, I) содержало шесть захоронений в катакомбах, три - в прямоугольных ямах, одну круглую жертвенную яму (всего I0). Второе скопление (рис. 3, I) включало четыре погребения в катакомбах и три круглые жертвенные ямы (всего 7). Третье скопление (рис. 4, 3), самое многочисленное, образовано четырьмя захоронениями в катакомбах, двумя - в прямоугольных ямах и двенадцатью круглыми жертвенными ямами (всего I8). Четвертое скопление (рис. 6, I) содержало три катакомбы. Основные обрядовые признаки всех погребений и жертвенных ям отражены в таблице-I.

Катакомбы как погребальная конструкция имеют характерный

Основные признаки катакомбных погребений Павловского могильника

Таблица I

№ пп	Скопление, погребение	Погребальная конструкция: яма: форма	яма: Размеры (м)	яма: Ориентировка	яма: Гл. (м)	яма: перекр.	катакомба: шахта: Размеры (м)	шахта: Гл (м)	шахта: Ориентировка	камера: Размеры (м)	камера: Гл (м)	закрт. уст.	сочлен.	Обряд: положение	ориентир.	угол скорч.	подстилка	охра	мел	следы огня	кости жив.	Инвентарь: керамика	металл	кость	астрагалы	прочие	Примечание
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
1	1/43						1,45×1,05	1.4	СЗ-ЮВ	2,15×1,4	1,4	+	Н	П	СЗ	П	+	+				1					
2	1/46						1,4×0,7	0,15	СВ-ЮЗ	1,4×1,1	1,0	+	Н		СВ							1					курильница
3	1/47	П	1,5×1,1	С-Ю	0,12									П	С	Т		+		+							
4	1/48						1,3×0,9	1.4	ССВ-ЮЮЗ	1,4×0,9	1,4	+	Н		С		+	+									
5	1/49	К	1,2×1,1	—	0,28																	1					
6	1/51	П	1,65×1,3	З-В	0,54									П	З	П	+	+				1					
7	1/52						1,6×1,0	1,35	СЗ-ЮВ	2,15×2,0	1,65	+	Н	П	З	Т	+	+	+	+		1		4	3		наконеч. стрел
														П	В	Т											
8	1/53	П	1,5×1,0	ССЗ-ЮЮВ	0,25									П	ЮВ	Т		+							1		
9	1/55						2,2×1,05	1,05	С-Ю	2,2×0,55	1,05	+	Н	П	Ю	Т	+	+	+	+		1					
10	1/56						1,2×0,6	0,35	ЗСЗ-ВСВ	1,9×1,4	0,75	+	Н	П	В	Т	+	+	+	+	+	1	1				шило
11	2/14	К	1,6×1,5	—	0,4												+		+			1					
12	2/15						1,2×'0	1,45	ССЗ-ЮЮВ	1,3×1,15	1,25	+	Н				+	+	+	+							
13	2/16	К	2,1×1,9	—	0,95																+						
14	2/17						?	0,45	СЗ-ЮВ	1,8×1,55	1,15	+	Н		СЗ		+	+	+								
15	2/19	К	1,7×1,6	—	1,4												+		+	+		1					
16	2/39						1,4×1,0	1,05	ССЗ-ЮЮВ	1,8×1,4	1,3	+	Н	П	ЮВ	Т	+	+	+								
17	2/50						2,8×2,4	1,67	ЮЗ-СВ	2,4×2,2	1,9	+	Н	П	ЮВ	Т	+	+	+	+		2			2		
										2,4×1,6	1,67	+	Н	П	ЮВ	Т	+	+	+	+	+	1					

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
18	3/2						1,55×1,2	1,2	ССВ-ЮЮВ	1,7×1,4	1,9	+	Н	С	ЮЮЗ	Т	+	+	+	+		+		1		подвески
														П	ЮЮЗ	Т											
19	3/4	К	1,5×1,3	—	0,35																						
20	3/5	К	1,4×1,2	—	0,45									П	ЮЗ	В											
21	3/6	К	1,3×1,25	—	0,2																						
22	3/7	К	1,3×1,2	—	0,4																						
23	3/8						3,0×2,0	1,5	ССВ-ЮЮЗ	3,6×2,1	2,2	+	Н				+	+	+	+						
24	3/9	П	2,2×1,6	ССЗ-ЮЮВ	0,4	+								П	ЮЮВ	Т	+	+	+		+						
25	3/11						1,25 1,15	0,9	ССЗ-ЮЮВ	1,2×1,1	1,15	+	Н	П	ЮВ		+	+			+	2	+		2		
26	3/12	П	1,7×1,2	СЗ-ЮВ	0,5									П	ЮЗ	П											
27	3/13						1,8×1,6	0,6	ССЗ-ЮЮВ	1,7×1,2	1,1	+	Т												2		
28	3/22	-	1,6×1,5	—	0,15																						
29	3/23	К	1,3×1,3	—	0,25																						
30	3/25	К	1,6×1,4	—	0,2																+						
31	3/26	К	1,15×1,05	—	0,3																						
32	3/27	К	1,0×0,95	—	0,3																						
33	3/28	К	1,3×1,2	—	0,35																						
34	3/29	К	0,95×0,85	—	0,25																						
35	3/41	К	1,55×1,4	—	0,25																						
36	4/37						2,2×1,3	2,2	ЗСЗ-8ЮВ	2,5×1,9	2,4	+	Н	П	В	Т	+	+	+	+		1	2	1		+	рег, бусы
37	4/38						2,8×1,2	0,55	ЗСЗ-8ЮВ	2,8×0,3	0,55	+	Н						+		+						подвои
38	4/39						1,7×0,9	1,4	СЗ-ЮВ	3,0×1,8	2,5	+	Н	П	ЮВ	Т	+	+		+	+	2					

Количество погребений в сочленениях

№1			№2			№3			№4		
▽	□	○	▽	□	○	▽	□	○	▽	□	○
6	3	1	4	—	3	4	2	12	3	—	—

▽ - катакомба □ - прямоугольная яма ○ - круглая яма

Примечания:
1. Все глубины даны от уровня материка.
2. Условные знаки
- для графы №3: В - прямоугольная, К - круглая.
- для графы №14: Н - параллельное сочленение, Т - перпендикулярное.
- для графы №15: П - правый бок, С - спина.
- для графы №17: П - прямой, Т - тупой, О - острый

для среднедонской катакомбной культуры облик: входная шахта и непосредственно с ней сочлененная камера. Преобладают катакомбы с шахтами средних размеров, имеющих длину в пределах I,5 м и ширину в пределах I,0 м. Но есть и большие шахты (погребение 3/8*), размерами до 3,0х2,0 м. Размеры камер варьируют в пределах 2,0хI,5 м (I3 случаев), но встречены и обширные: до 3,0хI,8 м (4/59) и даже 3,6х2,I м (3/8). Абсолютно преобладает параллельное ("Н"-образное) сочленение длинных осей камер и шахт - способ, наиболее характерный для погребальных конструкций этого типа среднедонской катакомбной культуры [I; 2 и др.] . Лишь однажды зафиксировано перпендикулярное ("Т"-образное) сочленение (3/I3). Для катакомб характерно наличие ступеньки, образованной разностью глубин шахты и камеры. В четырех случаях (I/43, I/48, I/55, I/56) пол шахты и камеры находился на одном уровне. В одном случае (4/57) в камеру вели две ступеньки (рис.6, 2).

Выделяется погребение 2/50, которое представляло собой конструкцию с двумя камерами (рис.4, I). Вдоль юго-западной и северо-восточной стен обширной (2,8х2,4 м) шахты на глубине 0,6 м оставлены две ступеньки со следами органической подстилки. Причем, на первой из них выявлены остатки двух детских скелетов, захороненных по катакомбному обряду, жаровня из боковины сосуда и бараний астрагал. Подобная деталь погребального обряда для среднедонской катакомбной культуры фиксируется впервые. Камеры были устроены под северо-западной и юго-восточной стенками. В каждой из них прослежены остатки органических подстилок, посыпка мелом, локальные пятна охры и жаровни с углями: в северо-западной камере - из неорнаментированной боковины, в юго-восточной - из нижней части сосуда (рис.4, 2). Ненарушенность пола и отсутствие каких бы то ни было признаков захоронений позволяет признать данное погребение кенотафом.

Во всех без исключения случаях входы в камеру закрывались деревом. Чаще всего это вертикально поставленные столбики диаметром I5-20 см. Лишь дважды (3/I3, 4/2) возводился дополнительный к ним ряд из горизонтально уложенных столбов.

Вызывают интерес своей уникальностью конструктивные

---

* Числителем обозначен номер скопления, знаменателем - номер погребения.

особенности погребения 3/13 (рис.5, 15). Овальная камера (1,7х х1,2 м) примыкала к короткой юго-восточной стенке шахты (1,8х х1,6 м). Разностью уровня полов образована ступенька. Вдоль всего входа в камеру на глубину в 0,73 м прокопана траншея шириной 0,5 м. На дне траншеи вертикально установлены деревянные, преднамеренно обтесанные плахи шириной 10-15 см, закрывавшие устье. От уровня пола камеры из таких же плах выложены три горизонтальных ряда. Необычность конструкции усиливается тем, что и стенки камеры облицованы в два ряда широкими плахами, а под самым сводом на них опирались четыре жерди, толщиной 5-8 см. Назначение их, видимо, было связано с покрытием свода шкурами или тканями, т.к. для крепления самой конструкции они недостаточно прочны. Остатков захоронения в камере не обнаружено. Вся конструкция по своим признакам является уникальной, подобных ей в курганах местной катакомбной культуры пока еще не было известно.

Шахты сверху, вероятно, перекрывались деревом. Их заполнение - практически всегда чернозем. Лишь в одном случае (4/57) шахта была забутована материковой глиной, что вообще в погребениях среднедонской катакомбной культуры отмечается редко. Подобная деталь была зафиксирована при изучении Павловского (курган 14) [1, с.40-47, рис.15] и Стояновского (курган 10) [3] могильников. Интересно в связи с этим отметить, что забутовка шахт и камер явилась характернейшей чертой катакомбных погребений Власовского курганного могильника в бассейне Хопра, изучение которого начато недавно [4; 5; 6].

Своды камер, как правило, обваливались. В тех случаях, когда они сохранялись (1/50, 3/13, 4/57 и 4/59), фиксировалась куполообразная их форма высотой 1,0-1,5 м.

Остатки умерших фиксировались в 13 случаях. Захоронения, как правило, одиночные. Лишь в трех катакомбах находилось по два скелета (1/52, 2/50, 3/2). Положение умерших стабильно: скорченно на правом боку. Один раз в парном погребении зафиксировано скорченное положение на спине (3/2), но второй сопровождавший скелет покоился на правом боку. Угол скорченности практически всегда тупой. Руки чаще протянуты к коленям. В одном случае (1/56) руки согнуты в локтях, кисти уложены у лица. Еще в одном случае (1/52) правая рука вытянута к коленям, а левая согнута в локте, кисть находилась у лица. В то же время руки второго сопровождавшего его захоронения покоились у таза.

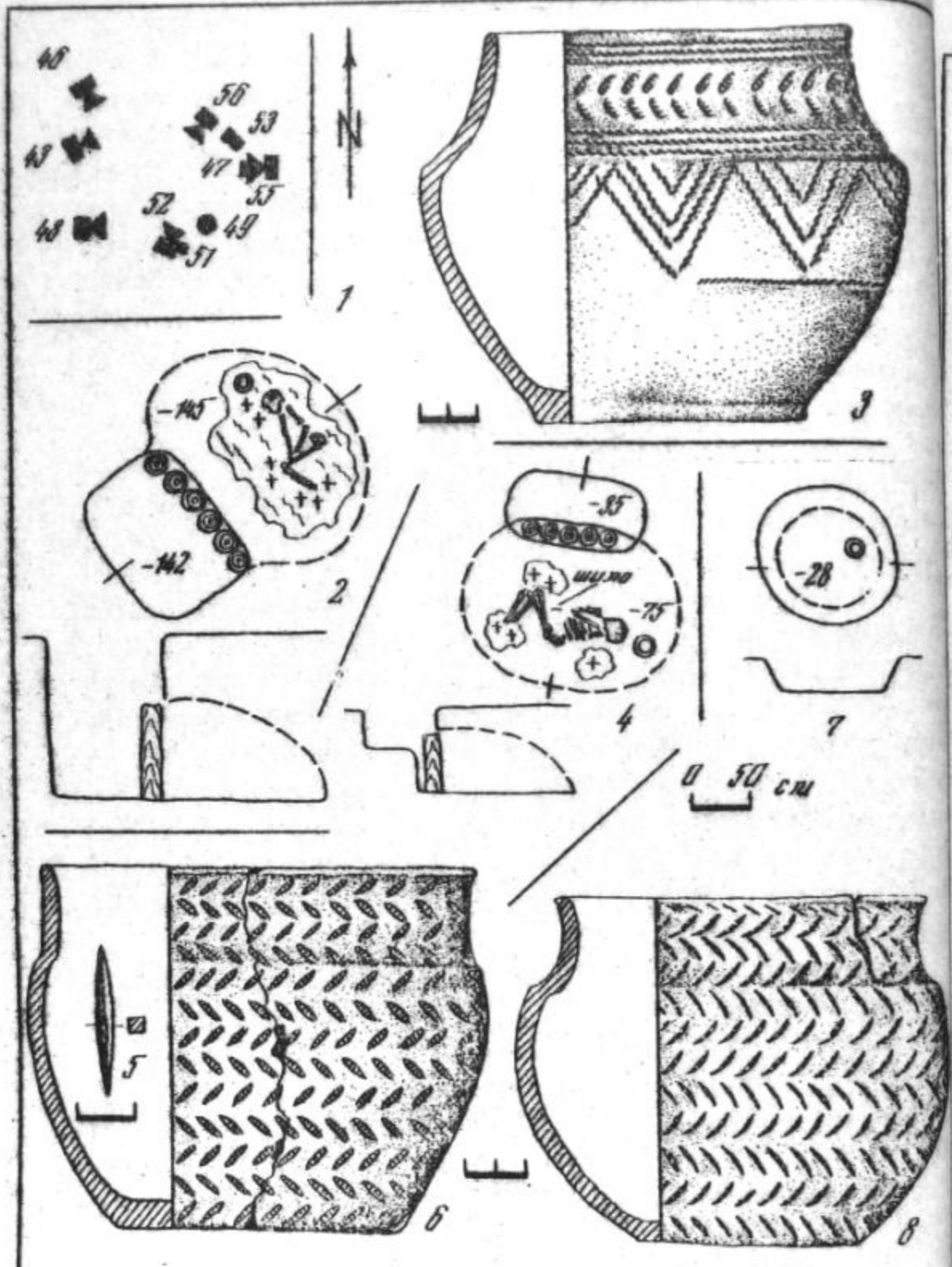


Рис. 1. Х Павловский могильник. 1 - планиграфия катакомбных погребений в подкурганном скоплении №1; 2,3 - погребение - 43 (2 - план и разрез, 3 - сосуд); 4-6 - погребение - 56 (4 - план и разрез, 5 - бронзовое шило, 6 - сосуд); 7,8 - погребение - 49 (7 - план и разрез, 8 - сосуд).

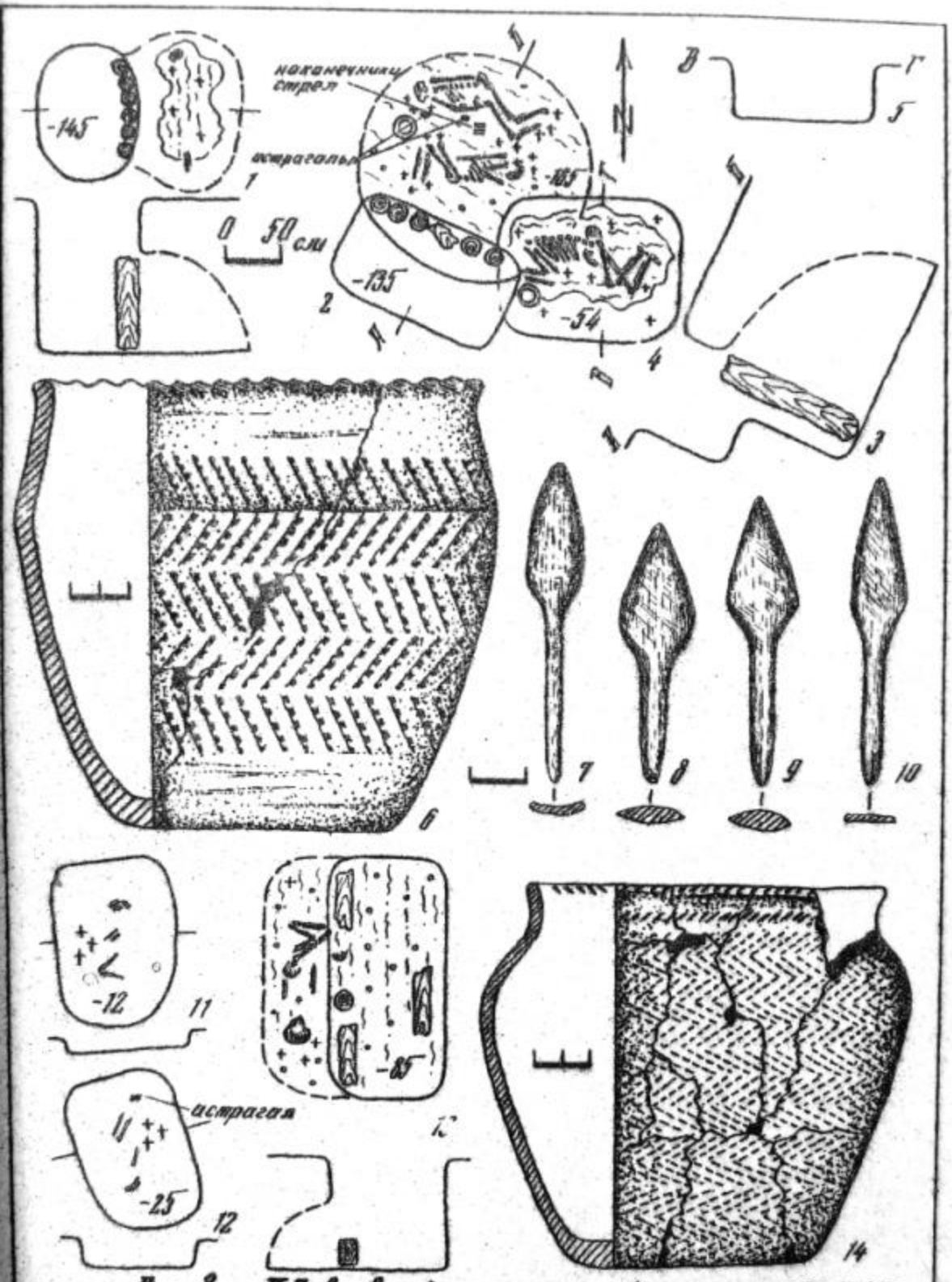


Рис. 2. II Павлавский могильник. 1 - план и разрез погребения 48; 2,3,6-10 - погребение 52 (2 - план, 3 - разрез, 6 - сосуд, 7-10 - костяные наконечники стрел); 4,5,14 - погребение 51 (4 - план, 5 - разрез, 14 - сосуд); 11 - план и разрез погребения 47; 12 - план и разрез погребения 53; 13 - план и разрез погребения 55.

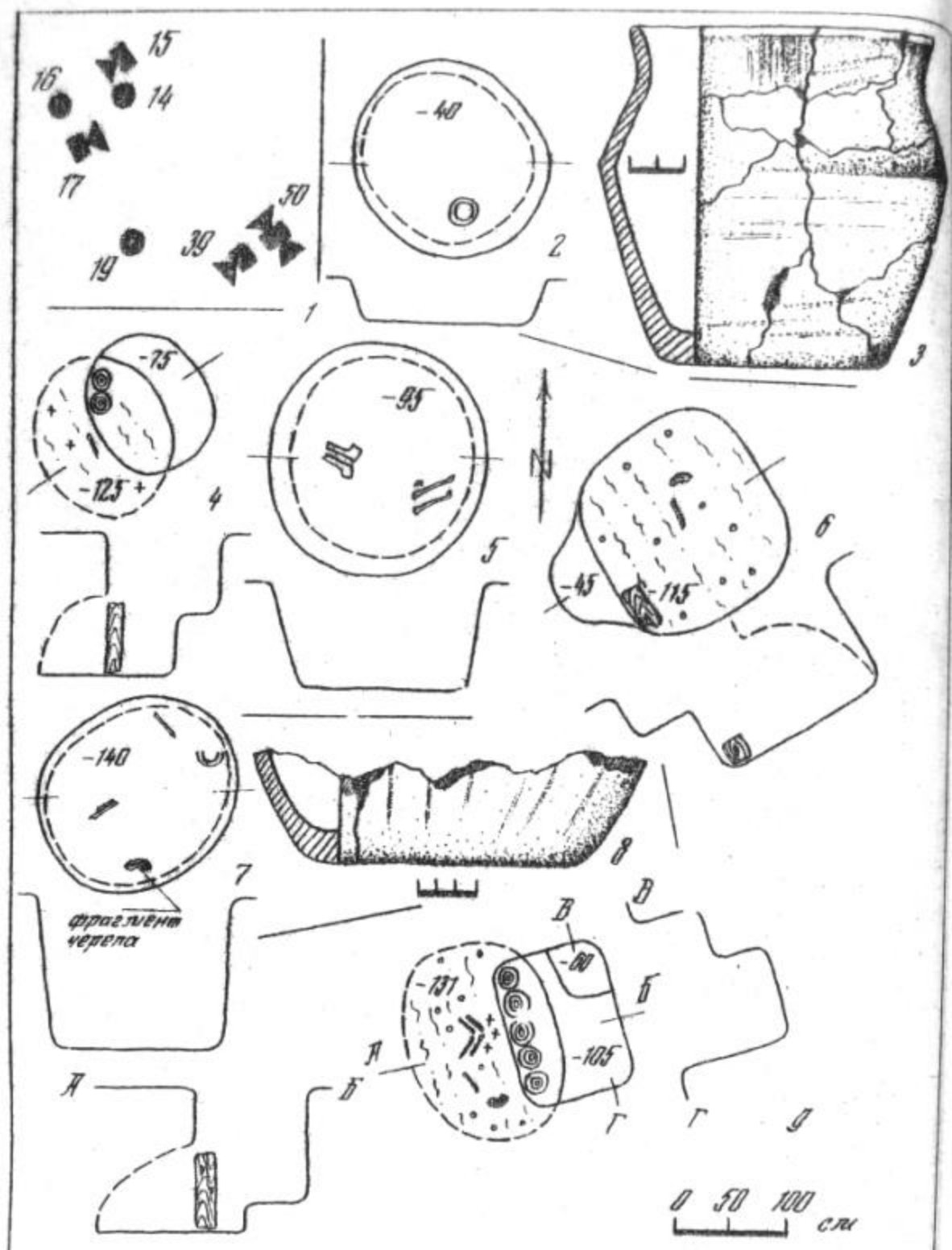


Рис. 9. II Павловский жилвильник. 1 - планиграфия катакомбных погребений в подкурганном скоплении № 2; 2,3 - погребение - 14 (2 - план и разрез, 3 - сосуд); 4 - план и разрез погребения - 15; 5 - план и разрез погребения - 18; 6 - план и разрез погребения - 17; 7,8 - погребение - 19 (7 - план и разрез, 8 - жаровня); 9 - план и разрез погребения - 39.

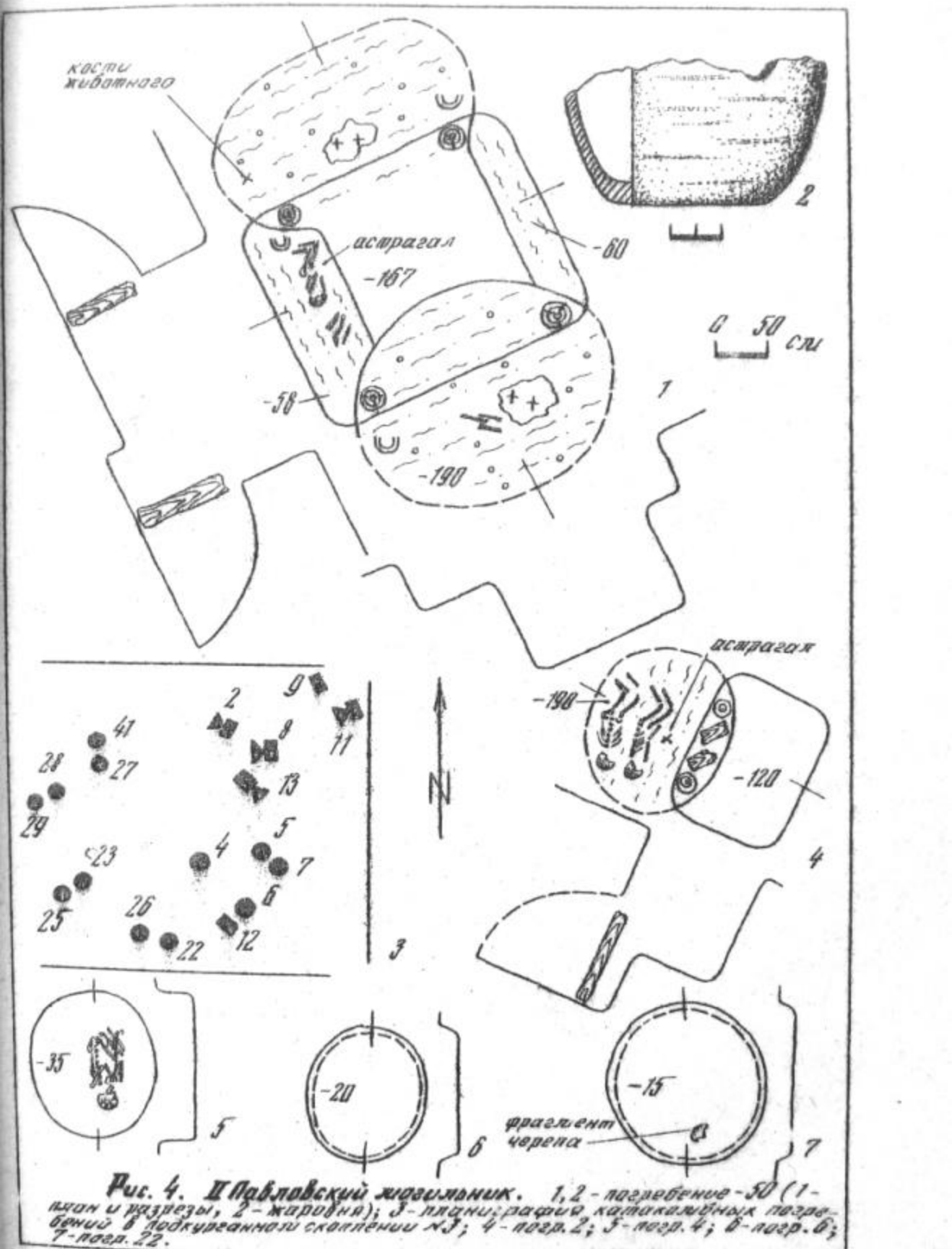


Рис. 4. II Павловский жилзимник. 1, 2 - погребение - 30 (1 - план и разрезы, 2 - жаровня); 3 - планиграфия катакомбных погребений в подкурганном скоплении №3; 4 - погр. 2; 5 - погр. 4; 6 - погр. 6; 7 - погр. 22.

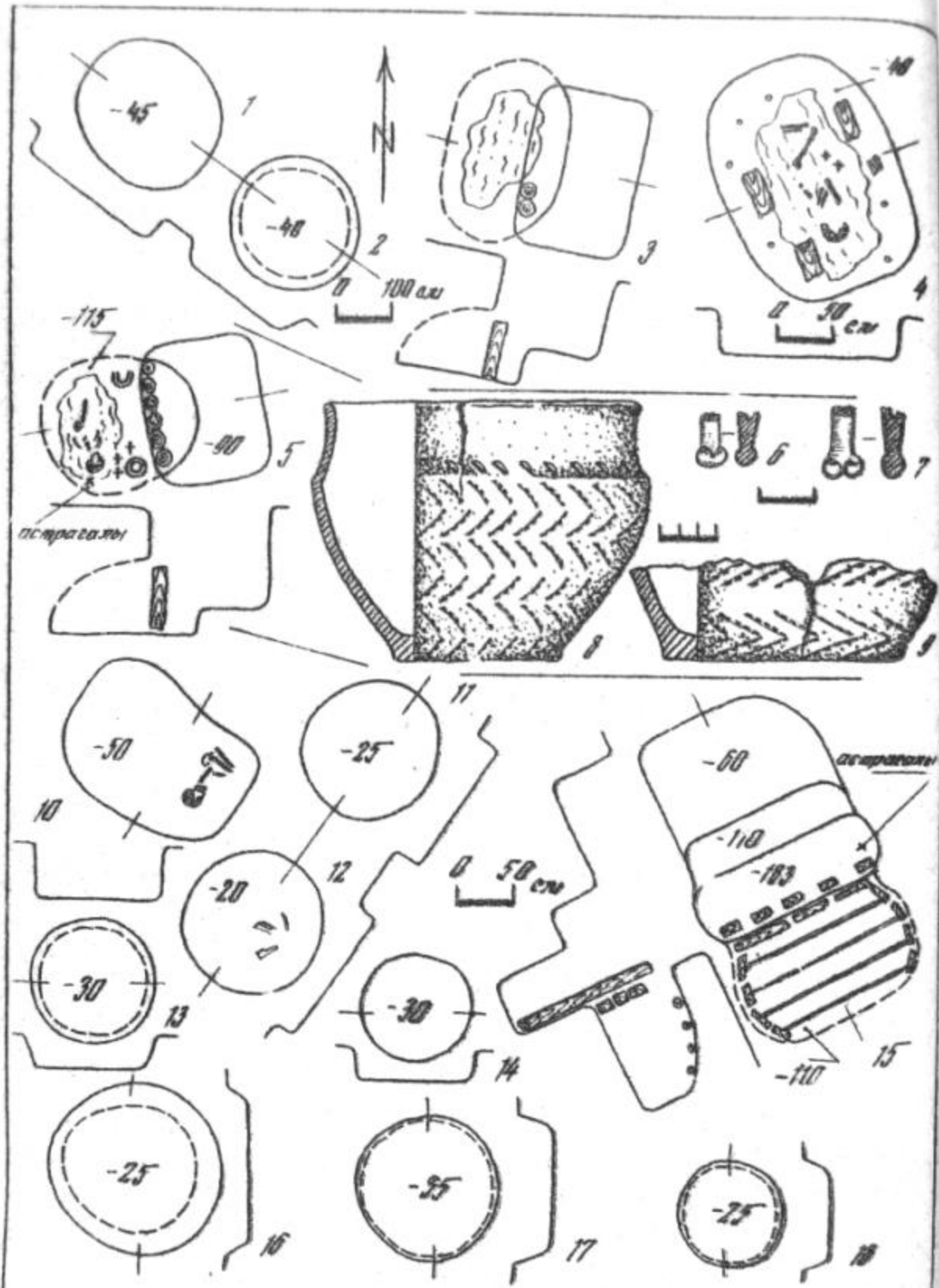


Рис. 5. III Павловский могильник. 1 - погр. 5; 2 - погр. 7; 3 - погр. 8; 4 - погр. 9; 5-9 - погр. 11 (5 - план и разрез; 6,7 - бронзовые подвески, 8 - сосуд, 9 - жаровня); 10 - погр. 12; 11 - погр. 23; 12 - погр. 25; 13 - погр. 26; 14 - погр. 27; 15 - погр. 13; 16 - погр. 41; 17 - погр. 28; 18 - погр. 29.

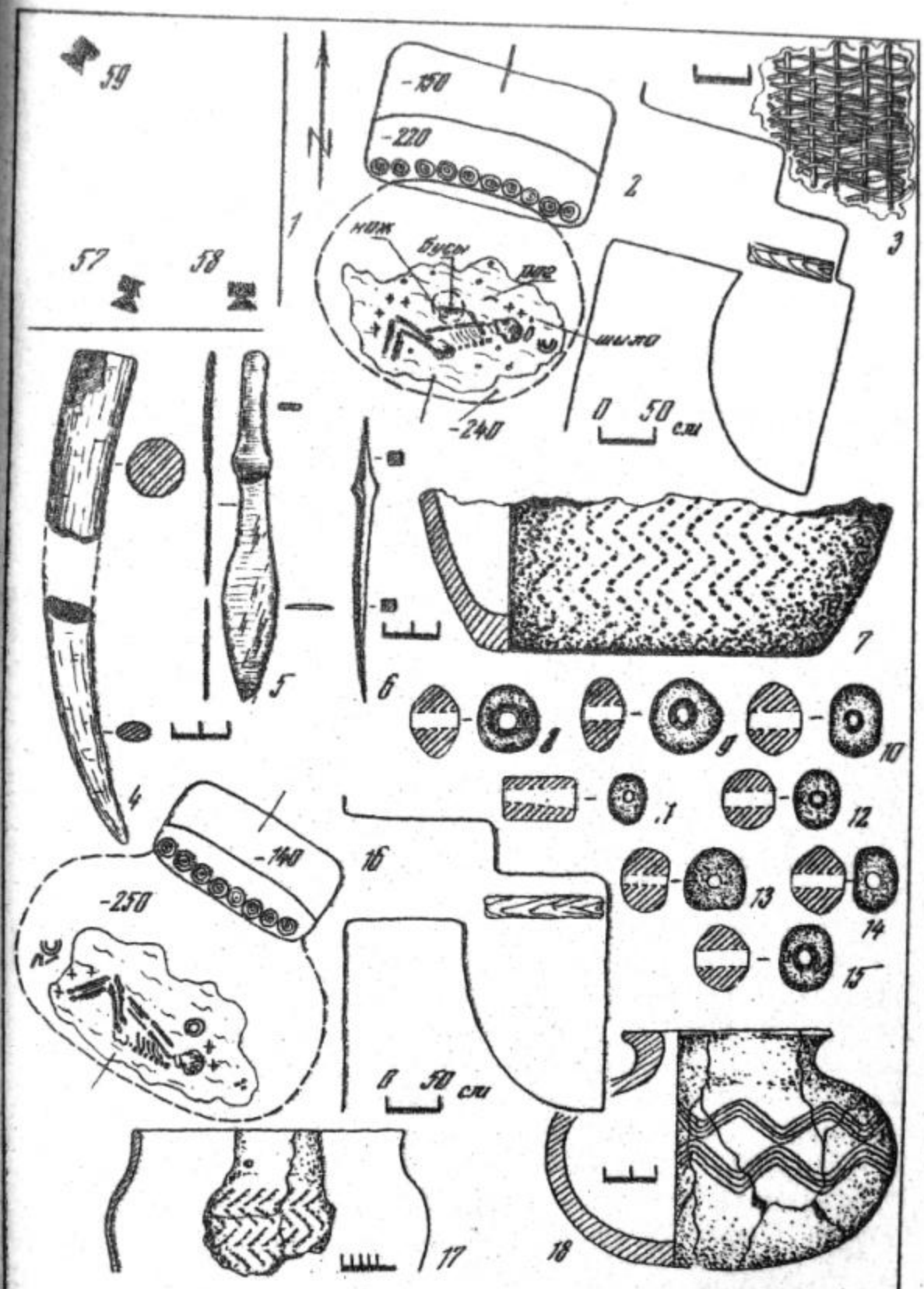


Рис. 6. II Павловский могильник. 1 – планиграфия катакомбных погребений в подкурганной скоплении №4; 2–17 – погребение – 57 (2 – план и разрез; 3 – фрагменты сулицы; 4 – рог; 5 – бронзовый нож; 6 – бронзовое шило; 7 – жаровня; 8–15 – бусы); 16–18 – погр. 59 (16 – план и разрез; 17 – жаровня; 18 – сосуд).

В данном случае, как видим, положение рук не является хронологическим показателем, а имеет какое-то другое объяснение. Ориентировка умерших зафиксированная в 17 случаях, не стабильна, но преобладает юго-восточная (5 раз) и восточная (3 раза). По два раза выявлена ориентировка на северо-запад и юго-запад и по одному разу - на север, северо-восток, запад и юг. В 14 катакомбах (82%) выявлены остатки органических подстилок. Во всех случаях это тлен темно-коричневого цвета, достигавший иногда толщины до 1,0 см (1/52, 4/57, 4/59). Для 82% катакомб характерно присутствие охры. Чаще всего она пятнами локализуется в области черепа, коленей и кистей ног. Цвет охры преимущественно бурый. Лишь в двух катакомбах (4/57, 4/59) она была алого цвета. Мел выявлен в 65% катакомб. Практически всегда это равномерная посыпка по полу камеры. В одном случае (4/57) у черепа умершего были положены три крупных овальных куска извести. В пяти погребениях (30%) обнаружены следы жертвоприношений - кости животных.

Погребальный инвентарь сопутствовал 13 захоронениям (76%), безинвентарными оказались лишь четыре катакомбы. Как правило, инвентарь единичен. Лишь одна из катакомб (4/57) выделяется богатым набором вещей: глиняная жаровня, остатки плетеной сумки, обработанный рог, бронзовые нож и шило, янтарные бусы (рис.6, 2-15).

Наиболее распространенной категорией инвентаря является керамика: сосуды и жаровни, а также курильница[*]. Сосуды и жаровни имеют сходные технологические признаки: хорошо промешанное тесто с примесью песка, обжиг костровой, неравномерный. Поверхности светло- и темно-коричневого цвета, сглажены, иногда подлощены. Форма сосудов (5 экз.) горшковидная, иногда близкая к баночной (рис.2, 6) и кубковидной (рис.1, 3). Характерно наличие уступа с внешней стороны при переходе венчика в тулово, явление для керамики среднедонской катакомбной культуры не частое [1]. Выделяется своей уникальностью маленький реповидный сосуд из погребения 4/59 (рис.6, 18). Жаровни изготавливались из придонных (3 экз.), верхних (1 экз.) частей и боковин (3 экз.) сосудов. Абсолютно преобладает орнаментация оттисками гребенчатого штампа, составленными в горизонтальную елочку. Интересно отметить

[*] Комплекс с курильницей публикуется в статье Т.Ю.Аринчиной в настоящем сборнике.

наличие на одном из сосудов (рис.2, 6) оттисков крупнозубчатого штампа, дважды сосуды орнаментировались вдавлениями шнура: "личинками" в виде горизонтальной елки (рис.I, 6) и простых линий, составленных в горизонтальные ряды и треугольники вершинами вниз (рис.I, 3). Встречен орнамент в виде волны из прочерченных линий (рис.6, I8).

Изделия из бронзы найдены в четырех погребениях: нож и шило (I/57), шило (I/56), подвески (I/52, 3/II). Нож (рис.6, 5) с листовидным пером и утолщенным черешком пока не имеет аналогий в местной катакомбной культуре, как впрочем и в культурах средней бронзы сопредельных территорий. Шилья четырехгранные, в материалах ранней и средней бронзы имеют широкое распространение. Выделяется крупное шило из погребения 4/57 (рис.6, 6) с четко выраженным коротким насадом, отделенным от рабочего конца упором. Подвески из погребения 3/II (рис.5, 6,7) представляют собой стержень с обломанной петелькой на одном конце и двумя завитками на другом конце. В погребениях среднедонской катакомбной культуры подобные типы пока не были встречены. В незначительном количестве они известны в материалах донецкого типа на Нижнем Дону (Новочеркасск, завод № I7, курган, погребение I) [7, рис.25 в]. Подвески из погребения I/52 в полтора оборота, круглые в сечении, при извлечении распались.

Изделия из кости встречены в двух погребениях (I/52, 4/57). В первом из них находились четыре наконечника стрел с подтреугольной лезвийной частью и выделенным черешком (рис.2, 7-I0). Находок подобного типа в захоронениях среднедонской катакомбной культуры до настоящего времени не было. Не найдены им аналогии и в материалах сопредельных катакомбных культур. Из погребения 4/57 происходит находка обработанного рога (рис.6, 4) со следами полировки, назначение которой пока не понятно. Близкое по форме и размерам, но более изящное роговое изделие известно из катакомбного погребения I кургана № I Власовского могильника [4]. Из других категорий инвентаря необходимо отметить бараньи астрагали, сопровождавшие пять захоронений (30%).

Вызывают интерес обнаруженные в погребении 4/57 остатки сумки овальной формы (диаметр 30 см) у живота умершего. Она включала фрагменты камышового плетения (рис.6, 3), кожаных ремней и тонкой бронзовой пластинки. Здесь же найдено восемь янтарных бус (рис.6, 8-I5), впервые встреченных в погребениях местной катакомбной культуры. Правая рука умершего находилась

внутри сумки. Внутри лежал и бронзовый нож. По общим признакам (форма конструкций, положение умерших, инвентарь) рассмотренные захоронения характерны для среднедонской катакомбной культуры. Керамика погребений находит аналогии в материалах раннего (павловского) этапа местной культуры [I], что позволяет датировать их XX-XУШвв. до н.э.

В сводном виде при изучении катакомбных конструкций П Павловского могильника зафиксированы черты, ранее не отмечавшиеся в погребальном обряде среднедонской катакомбной культуры: облицовка погребальной камеры деревом и жертвоприношения детей в ступеньке двойной катакомбы - кенотафа. Найдены также не имеющие пока аналогий бронзовый нож, костяные наконечники стрел и остатки плетеной сумки.

Захоронения в прямоугольных ямах концентрировались в первом (3 погребения) и в третьем (2 погребения) подкурганных скоплениях. Имеют близкие размеры (от I,5xI,0 м до 2,2xI,6 м) и глубину в материке (от 0,I2 до 0,5 м). Остатки захоронений выявлены во всех пяти погребениях. Умершие располагались на правом боку, скорченно. Ориентировка их неустойчивая: на юго-восток (3), юго-запад (I), запад (I), север (I). Во всех погребениях выявлена подсыпка охры, дважды зафиксированы остатки органической подстилки, одному из захоронений сопутствовала посыпка мелом.

Почти все погребения в прямоугольных ямах безинвентарны. Лишь одно из них (I/5I) сопровождал глиняный сосуд, орнаментированный оттисками гребенчатого штампа, в виде горизонтальной елочки (рис.2, I4). Типологически данный сосуд сопоставляется с керамикой раннего (павловского) этапа местной катакомбной культуры (XX-XУШвв. до н.э.).

Своеобразным проявлением П Павловского могильника явилось открытие I6 круглых жертвенных ям. Это второй случай нахождения жертвенных сооружений в курганах среднедонской катакомбной культуры. Впервые жертвенные комплексы в виде круглых ям были выявлены в I978г. в курганах №№ 47 и 56 I Павловского могильника [I, с.85-9I; 94-97] и до настоящего времени представляли собой уникальное явление в культурах бронзового века Восточной Европы.

Большая часть круглых ям (I2) сосредоточена в третьем подкурганном скоплении, где отмечено их размещение по окружности (рис.4, 3). Три круглые ямы выявлены в скоплении № 2 и одна в скоплении № I. Ямы имеют стандартные форму и размеры. Остат

захоронения выявлены в одной из ям (3/4), где умерший был положен вероятно связанным, в сильно скорченном состоянии, головой на юг (рис.4, 5). В двух ямах найдены фрагменты человеческих черепов (рис.3, 7; 4, 7), а еще в двух - кости крупного рогатого скота (рис.3, 5; 5, I2). Инвентарь обнаружен трижды: I/49 - глиняный сосуд (рис.I, 8); 2/I4 - глиняный сосуд (рис.3, 3); 2/I9 - глиняная жаровня (рис.3, 8).

При сопоставлении рассмотренных выше комплексов круглых ям с жертвенными сооружениями I Павловского могильник отмечается их сходство в форме и размерах, а также в характере жертвоприношений.

А.Т.Синюк, анализируя признаки жертвенников I Павловского могильника с привлечением древнеиндийских письменных источников, убедительно отметил их близость с ритуальными установками древних ариев [I, с.I72-I73]. Это позволило ему говорить о связи населения среднедонской катакомбной культуры с какой-то частью индоиранских племен, а также поставить вопрос о выделении в социальном устройстве местных племен жреческого сословия [I, с.I72-I77]. Эти положения, естественно, требуют дальнейшей разработки и в связи с этим полученные новые данные приобретают важное значение.

Литература:

I. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). - Воронеж: Изд-во ВГУ, I983. - I9I с.

2. Синюк А.Т., Погорелов В.И. Пасековский курганный могильник эпохи бронзы на Среднем Дону // СА. - I985. - № 3. - С.I24-I35.

3. Погорелов В.И. Отчет к Открытому листу № I47 об археологических исследованиях Толучеевского отряда на территории Среднего Дона в I986г. // Архив ИА АН СССР.

4. Березуцкий В.Д. Отчет о раскопках курганов Власовского могильника в Грибановском районе Воронежской области в I985г.// Архив ИА АН СССР.

5. Синюк А.Т. Отчет о работах археологической экспедиции Воронежского педагогического института в I986г. // Архив ИА АН СССР.

6. Синюк А.Т. Отчет о работах археологической экспедиции Воронежского педагогического института в I987г. // Архив ИА АН СССР.

7. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы.. Киев: Наукова Думка, 1975. - 248 с.

Т.Ю.Аринчина
(Воронежский пединститут)

КУЛЬТОВАЯ КЕРАМИКА СРЕДНЕДОНСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

К настоящему времени известно около 150 поселений и 350 погребений из более чем 50 могильников среднедонской катакомбной культуры, исследовавшихся на протяжении ряда лет [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9.]. Из общей массы керамики из погребений культуры, насчитывающей свыше 500 единиц, выделяются три группы явно культового назначения: курильницы, жаровни и миниатюрные сферические сосуды.

Курильницы - круглые, прямоугольные или овальные чаши с перегородками или без них, на сросшихся или раздельно стоящих ножках, на крестовидном, круглом или треугольном основании. Они являются одним из главных признаков при выделении культур катакомбной области. Всего известно 23 курильницы среднедонской катакомбной культуры из курганов Павловского, Березовского, Ильменского, Нехаевского, Караяшниковского, Прилепского, Глазуновского, Власовского, Подгоренского могильников, могильников у ст.Петров Вал и у с.Сидоры*. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство из них обнаружено в Левобережье Дона (19 против 2 в Правобережье) (рис.1, 1). Условия нахождения курильниц представлены на таблице 1.

Таблица 1

Условия нахождения курильниц в погребениях

Могильник, курган, погребение	погреб. констр.	Положение умершего	Ориент. умершего	Наличие подстилки	Наличие посыпки	Инвентарь: керамика	Инвентарь: кость	Инвентарь: металл	Примечания
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Павловский м-к (Синюк А.Т.) 1971-1978гг.									

* Комплексы с двумя курильницами из раскопок К.Ю.Ефимова не опубликованы, поэтому не включены нами в классификацию.

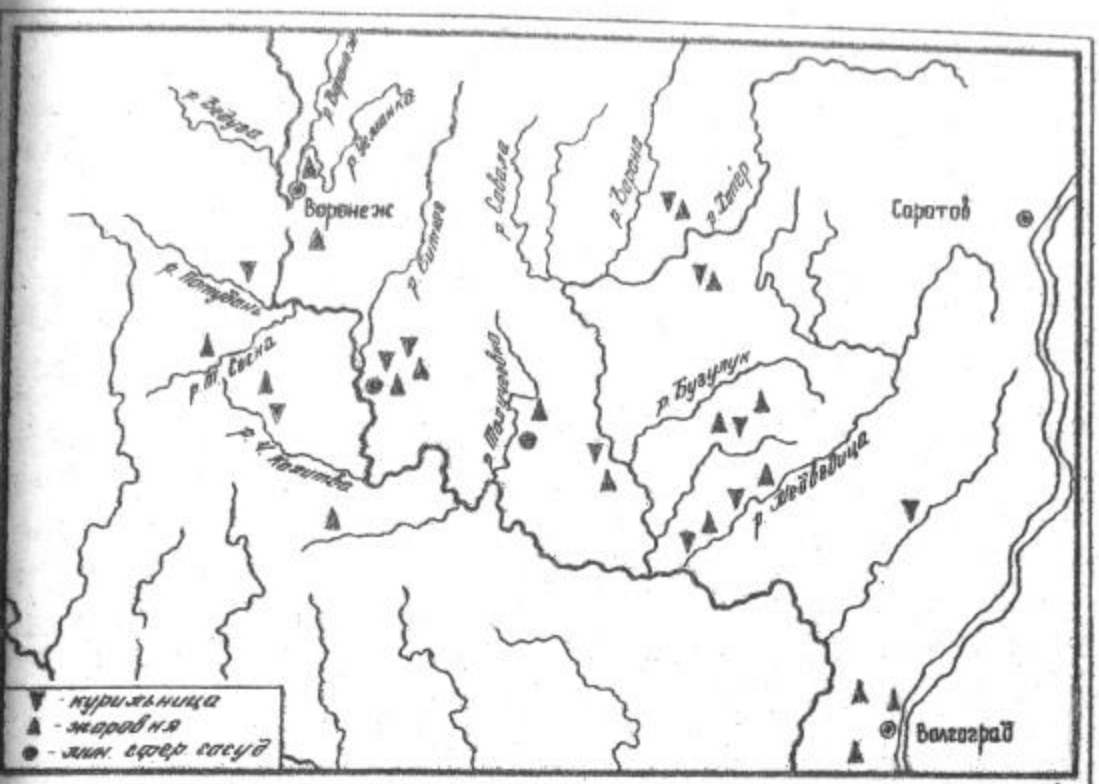
продолжение

I	2	3	4	5	6	7	8	9	IO
I3/I	яма	прав. бок	Ю		охра				
38/3	ка-так.	прав. бок	ЮВ		охра			+	яьячка; пробойник; наковаленка; серебр. подвески; пастовые бусы
47/4	яма	прав. бок	Ю	+	охра			+	
Березовский м-к (Мамонтов В.И.) 1971г.									
2/I	ка-так.	лев. бок	ЮЗ	+					
IO/I	ка-так.	прав. бок	С		охра	жаровня	астрагалы		две курильницы
		прав. бок	С		мел				
Глазуновский м-к (Мамонтов В.И.) 1971г.									
II/I	ка-так.	прав. бок	ЗСЗ		охра	сосуд, жаровня		+	
Ильмень (Качалова Н.К)									
8/3	ка-так	прав. бок	ЮВ		охра				деревянная чаша
Петров Вал (Фисенко В.А.)									
4/2	яма								костяк разрушен
Караяшник (Матвеев П.П. Тихонов Б.Г.)									
3/4	ка-так.	прав. бок	Ю		охра	сосуд			
Прилепы (Либеров П.Д.)									

продолжение

I	2	3	4	5	6	7	8	9	IO
I/3	ка-так.								костяк разрушен
Сидоры (Шилов, 1959г., Мамонтов, 1971г.)									
4/8	яма	лев. бок	ЮЗ		охра			+	
		прав. бок	СВ						
29/I	яма	лев. бок	В				астрагалы		
Нехаевский м-к (Скрипкин А.С.) 1969г.									
5/2	яма	лев. бок							
Власовский м-к (Синюк А.Т.) 1985-1988гг.									
I/I	ка-так.	прав. бок	ЮЮЗ				астрагалы	+	
2/2	ка-так.	спина	ВВВ				астрагалы		
I/4	ка-так.	прав. бок	В		охра	сосуд	астрагалы		
		прав. бок	В						
		прав. бок	Ю						
5/2	ка-так.	спина	ВВВ	+	охра				
I2/7	ка-так.	прав. бок		+	охра				
Павловский м-к II (Лылова М.И.) 1986г.									
п.46	ка-так.				мел				перезахоронение
Подгорный м-к (Мамонтов В.И.)									
3/2	ка-так.	лев. бок	В					+	

Несмотря на определенный интерес к курильницам как категории погребального инвентаря [IO; II; I2], к настоящему время



1

тип	I		II			III			IV	V
подтип	1	2	1		2	1		2		
разновидность / орн. группы			г	б		а	б			
гребенч. I			●			●				
шнур. II	●	●		●●●	●	●●●●●●	●		●	●
валик. III										
прочерч. IV						●				
н/т V								●		

2

Рис. 1

1-распространение курильниц в могильниках средне-донской катакомбной культуры, 2-типологическая таблица

существует только одна работа по классификации катакомбных к рильниц [I3].

Однако в силу единичности и своеобразия курильниц на за хоронений среднедонской катакомбной культуры использование данной классификации не представляется возможным.

При разработке типологии курильниц среднедонской катакомбной культуры нами принята трехступенчатая классификация: тип подтип - разновидность.

По способу оформления ножек курильницы разделены на типы. Форма чаши служила основанием для выделения подтипов; разновидности выделялись с учетом наличия отделения в чаше.

Всего выделено 5 типов, 3 подтипа и 2 разновидности в их различных комбинациях (рис.I, 2).

Тип I - чаша на четырех раздельно стоящих ножках
- подтип I - овальная чаша без отделения (I экз.) (рис.2,
- подтип 2 - круглая чаша без отделения (I экз.) (рис.3,

Тип II - чаша на четырех сросшихся в основании ножках
- подтип I круглая чаша
- разновидность А - чаша без отделения - I эк (рис.4, 7)
- разновидность Б - чаша с отделением - 3 экз. (рис.2,4,6; 4,4)
- подтип 2 - прямоугольная чаша без отделения - I экз. (рис.4, 3)

Тип III - чаша на четырех сросшихся ножках
- подтип I - круглая чаша
- разновидность А - чаша без отделения - 8 эк (рис.2,3; 3,3,4,6; 4,I,2,5,6)
- разновидность Б - чаша с отделением - I экз. (рис.3, 5)
- подтип 2 - прямоугольная чаша без отделения - I экз. (рис.3, I)

Тип IУ - круглая чаша без отделения на трех ножках, сросшихся в основании - I экз. (рис.3, 8)

Тип У - круглая чаша без отделения на одной ножке - I эк (рис.3, 2).

При составлении классификации курильниц нами была предпринята попытка корреляции типов курильниц с основными орнаментационными группами керамики среднедонской катакомбной культуры

(рис.I, 2). Корреляция показала, что преобладающее большинство курильниц относится ко второй орнаментационной группе. Стратиграфические наблюдения в сочетании с полученными данными позволяют предположить, что курильницы встречались в погребениях среднедонской катакомбной культуры главным образом на раннем этапе ее существования.

Выше уже отмечено, что находки курильниц в погребениях СКК немногочисленны. В то же время они широко представлены в материалах предкавказской катакомбной культуры. По мнению исследователей, в донецкой и среднедонской катакомбных культурах в большинстве случаев функционально их заменяли так называемые "жаровни" [8; I4].

Вторая группа рассматриваемой нами керамики - "жаровни" из частей сосудов. Они встречены в трети захоронений среднедонской катакомбной культуры. На сегодняшний день насчитывается 92 экземпляра жаровен. Жаровни встречаются в погребениях всех этапов развития культуры как в правобережье, так и в левобережье Дона*.

Третья группа выделяемой нами керамики - миниатюрные сосуды сферической формы (рис.5, 4-7). Всего на территории Подонья выявлено четыре таких сосуда [8, с.I3, 9I; I6, с.I55]. Важно заметить, что на устье каждого из этих сосудов имеются следы действия огня.

Вопрос о назначении этой группы керамики еще далек от решения, хотя в целом их культовой оценки касались многие исследователи [I7, с.I76]. Однако в основе интерпретации таких сосудов по-прежнему лежит мысль В.А.Городцова о том, что "назначение миниатюрных сосудов загадочно, большинство из них, очевидно, служит для ритуального употребления" [I8]. Яркой иллюстрацией неординарности миниатюрных сферических сосудов является сосуд из погребения I кургана I0 Павловского могильника (рис.5, 8). Он орнаментирован прочерченными линиями, образующими в верхней части два пояска, между которыми заключены различные

---

* Нельзя не отметить также и тот факт, что в погребениях СКК, наряду с глиняными, встречаются и жаровни из органического материала (ПСМ,к.5,п.I0; СТМ,к.2,п.2; к.2,п.4 и др.). Присутствие их в погребальном комплексе определяется круглым по форме скоплением охры или углей с древесными остатками вокруг них. В одном случае (СТМ,к.2,п.4) удалось зафиксировать остатки деревянной чаши [I5].

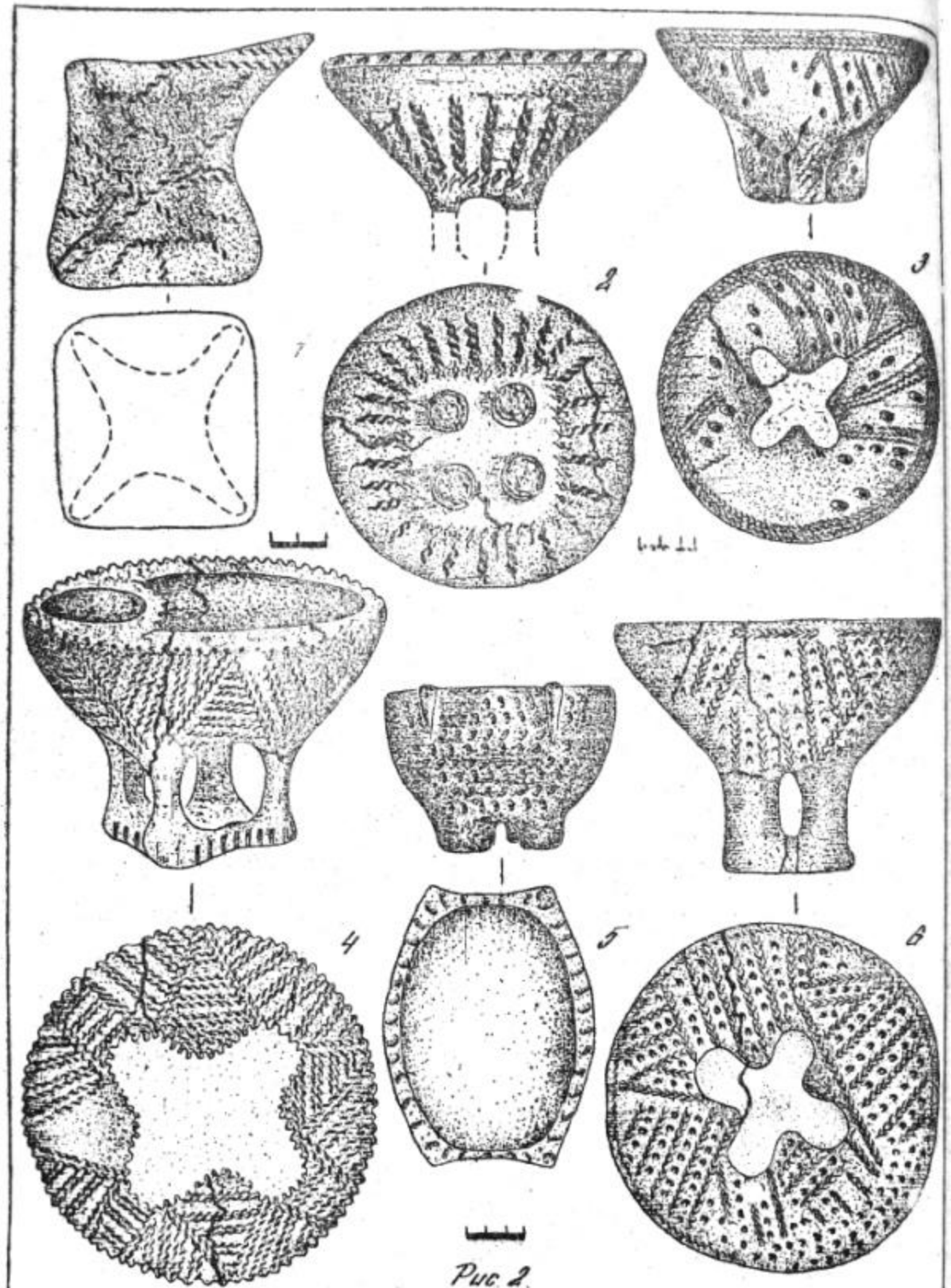


Рис. 2.

Глиняные курильницы.

1 - Павловск, к. 13, п. 1; 2 - Павловск, к. 38, п. 3; 3 - Берёзовский могильник, к. 2, п. 1; 4 - Павловск, к. 97, п. 4; 5, 6 - Берёзовский мог-к, к. 18, п. 1.

Рис. 9.

Глиняные курильницы.

1-Власовский жовильник, к. 1, п. 1; 2-к. 1, п. 4; 3-к. 2, п. 2; 4-к. 18, п. 7; 5-Петров вал, к. 4, п. 2; 6-Ильмень, к. 8, п. 3; 7-Власовский ж-к, к. 5, п. 2, 8-Нежаевский ж-к, к. 5, п. 2.

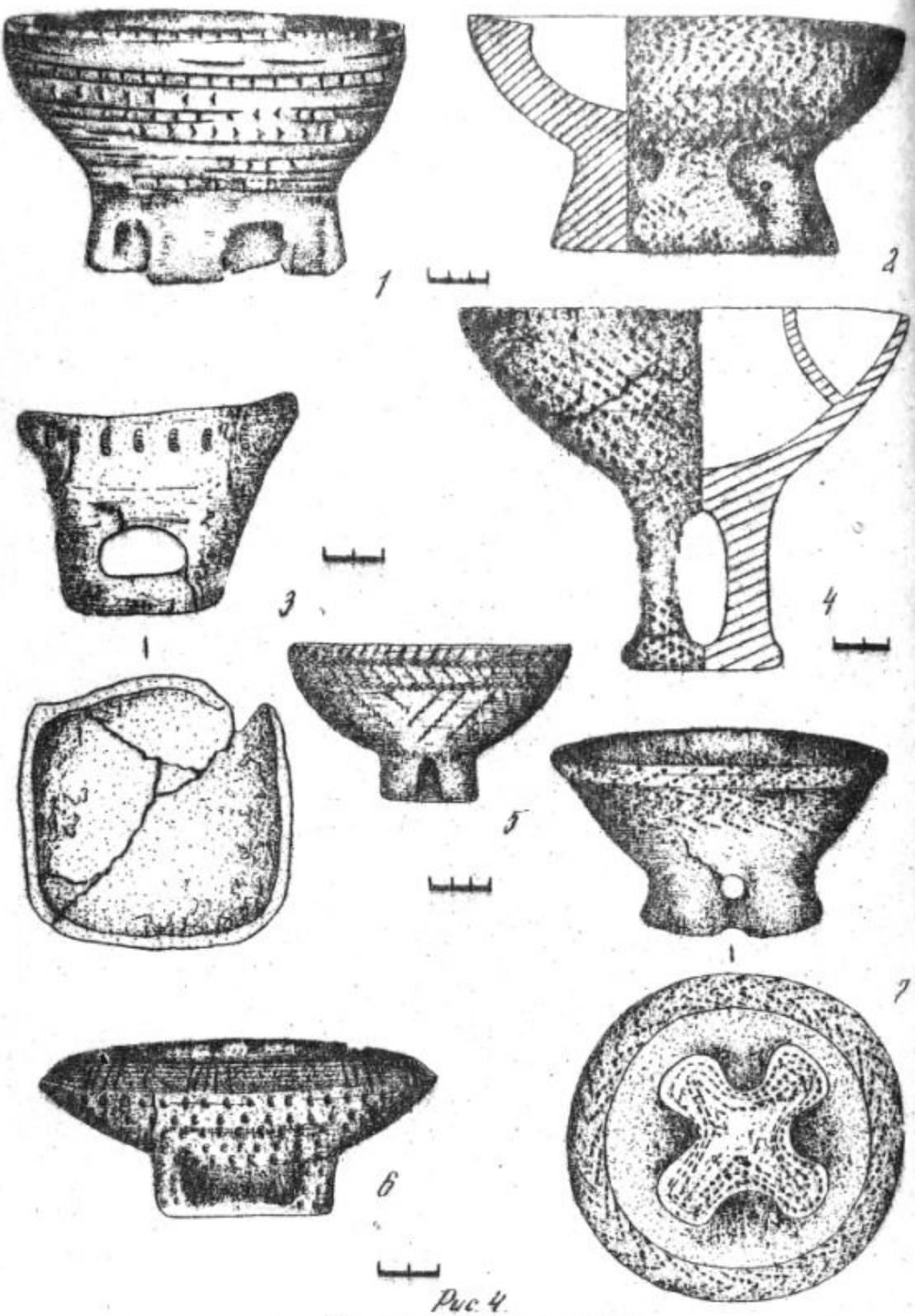


Рис. 4.

Глиняные курильницы

1 - Триполье, к. 1, п. 3; 2 - Каракушник, к. 3, п. 4; 3 - Лазуновский м., к. 11, п. 1; 4 - Подгарный, к. 3, п. 2; 5 - Сабары, к. 29, п. 1, к. 4, п. 8; 6 - Чаплинка II, п. 46; 7 - Чаплинка II, п. 46.

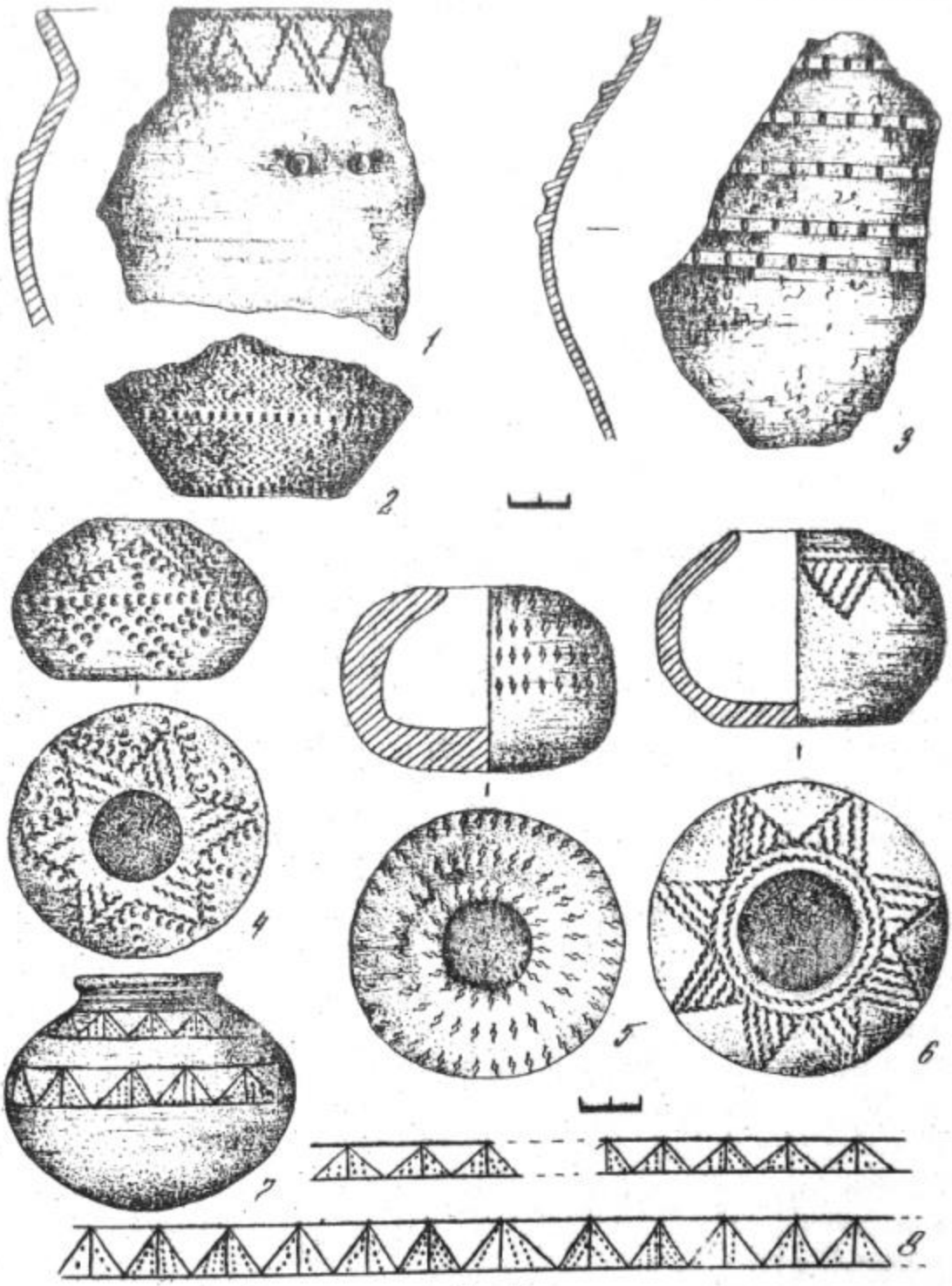


Рис. 5.

Жаровни и миниатюрные сосуды.

1 - Павловский ж.-к., к. 25, п. 9; к. 19, п. 2; 3 - Поселковский ж.-к., к. 4, п. 3; 4 - Мирненский ж.-к., к. 3, п. 1; 5, 6 - Павловский ж.-к., к. 49, п. 1; 7, 8 - Павловский ж.-к., к. 10, п. 1.

по размеру треугольники. Каждый треугольник разделен на две части, в которых и имеется определенное количество вдавлений. Смысловое содержание орнамента этого сосуда пока не поддается расшифровке.

Все рассмотренные выше группы керамики объединены рядом признаков, указывающих на их специальное назначение: на курильницах и миниатюрных сосудах присутствует сложный орнамент, по всей видимости несущий смысловую нагрузку; в курильницах и кадровнях - обязательное содержание углей, охры или смолистого вещества.

Как известно, понятие погребального обряда как археологического источника давно является предметом дискуссий. Данному вопросу посвящен ряд работ [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26]. Погребальный обряд отражает надстроечное явление - определенные духовные и мировоззренческие представления; погребение само по себе представляет для исследователя очень большую ценность, ибо является так называемым "замкнутым комплексом", т.е. комплексом, который после его сооружения не подвергался воздействию внешних факторов. А как известно, "условия формирования источника определяют характер отложившейся в нем информации" [27, с.101].

Тем более важное значение приобретает освещение всех сторон погребального обряда и его составляющих элементов.

В археологической литературе издавна и широко используются такие термины, как "погребальный обряд", "погребальный культ", "погребальный ритуал" и т.д. Но конкретное содержание этих понятий очень часто не раскрывается полностью. И, что самое главное, в ряде работ перечисленные термины употребляются как синонимы, т.е. подразумевается идентичность их смысловой нагрузки. Нередко один и тот же термин используется для обозначения понятий, совершенно различных по содержанию и объему. Это тем более печально, что путаница в теоретических выкладках приводит к разногласиям в рассмотрении погребального обряда как археологического источника, что совершенно недопустимо.

К настоящему времени, на наш взгляд, наиболее обобщающей является точка зрения В.С.Ольховского. По его определению "погребальный обряд есть совокупность символических и реальных действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими религиозно-идеологическую нагрузку, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего".

Считая приемлемой данную формулировку, мы предлагаем свою структуру погребального обряда среднедонской катакомбной культуры.

Как принято считать, идеология человеческого общества выступает в самых различных формах: в виде религиозных, политических, правовых, этических, эстетических, философских взглядов. Религиозные взгляды, которые возникли на определенном этапе развития общества, позже оформились в религиозные системы и оказывали весьма существенное влияние на самые различные сферы жизни общества. До возникновения христианства религиозные верования характеризовались удивительно сложной и разнообразной системой религиозно-мифологических представлений. Они нашли свое выражение в целом ряде культов - виде религиозной деятельности практически-духовного освоения мира. Культ животных, культ Огня, культ Мертвых (погребальный культ), культ Предков и т.д. получили свое распространение в самых различных проявлениях жизни древних племен.

При рассмотрении предлагаемой нами схемы погребального обряда необходимо оговорить следующее положение: археолог, исследуя лишь материальные остатки, сохранившиеся к моменту раскопок, не может говорить о полной реконструкции погребального обряда в целом, поскольку символические действия (идеологический аспект погребального обряда) были полностью ясны только тем, кто его совершал. На основании имеющихся данных с определенной степенью уверенности мы можем пока говорить о том, что погребальный обряд на протяжении всего своего развития является выражением культа Мертвых (погребального культа).

Итак, погребальный обряд - составная часть культа Мертвых. Применяя приведенное выше определение погребального обряда, мы считаем, что совершение его предусматривает осуществление двух целей: практической и религиозной.

Практическая цель осуществляет один наиболее важный и здравый аспект - отделить умершего от живых.

Религиозная цель предусматривает собой два аспекта: материальную и идеологическую сферы погребального обряда.

Идеологическая сфера - система религиозных представлений, норм и предписаний, регистрирующих процесс захоронения умершего (совокупность всех культов, необходимых для свершения погребального обряда).

Материальная сфера - схема действий, осуществляемых при

захоронении умершего (определенный погребальный ритуал - воплощение идеологической сферы).

Рассматривая приведенную выше структуру погребального обряда среднедонской катакомбной культуры, мы выделяем три группы погребальных ритуалов, необходимых для отправления того или иного культа:

I
- размещение погребения в насыпи
- сооружение погребальной конструкции
- положение покойника в погребении
- сопровождение его сопутствующим инвентарем (пища, оружие, орудия труда, украшения)

II
- посыпка охрой или мелом
- ритуал костра
- помещение в погребение курильницы или жаровни

III
- жертвоприношения животных

Учитывая проведенные нами исследования всех известных к настоящему времени погребений СКК, мы предполагали, что первая группа выделенных нами погребальных ритуалов является выражением все того же культа Мертвых; вторая - выражением культа Огня; третья - культа Жертвенных животных.

Консервативность и относительная устойчивость погребальных ритуалов в целом объясняется, очевидно, чрезвычайно важным местом этих культов в религиозных представлениях племен эпохи бронзы.

Считая рассмотренную керамику (сосуды, жаровни, курильницы), помещенную в погребения, культовой, мы не делаем ошибки, суть заключается лишь в том, что разные группы керамики посвящены разным культам.

Идеология древних катакомбных племен, по мнению исследователей, тесно переплетается с идеологическими представлениями древних индоиранцев [8; 19]. Обновляющая и очищающая сила Огня рассматривается в индоиранской космогонии как первопринцип Вселенной. Огонь в ведийской религии именуется "хранителем людей", жертвенный костер рассматривался как посредник между людьми и богами [28; 29]. И своеобразными алтарями, на которых совершались "жертвоприношения", связанные с культом Огня, являются курильницы, жаровни и миниатюрные сферические сосуды.

Литература:

I. Подгаецкий Г.В. Предскифский период на Среднем Дону. Канд.дисс. // Архив ЛОИА АН СССР.

2. Кривцова-Гракова О.А. Генетическая связь ямной и катакомбной культур // Труды ГИМ. - М. - 1938. - Вып.XШ.

3. Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры // Труды ГИМ. - М. - 1955. - Вып.XXIУ.

4. Пономарева О.Г. Катакомбная культурно-историческая область. - Рига, 1969.

5. Качалова Н.К. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической области // АСГЭ. - Л.: Искусство, 1985. - Вып.24. - С.4-17.

6. Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. - М.: Наука, 1964. - 206 с.

7. Прахин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. - 191 с.

8. Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. - 191 с.

9. Матвеев Ю.П. История населения среднедонской катакомбной культуры. Автореф. канд.дисс. - М.: ИА АН СССР, 1982. - 191 с.

10. Попова Т.Б. К вопросу о курильницах "северокавказского типа" // СА. - 1957. - № I. - С.161-177.

11. Клейн Л.С. Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры // АСГЭ. - Л.: Искусство, 1966. - № 8. - С.5-17.

12. Нечитайло А.Л. Суворовский курганный могильник. - Киев: Наукова думка, 1979. - 85 с.

13. Егоров В.Г. Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии.- М.: Наука, 1970. - С.156-164.

14. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху бронзы.- Киев: Наукова думка, 1976.

15. Погорелов В.И. Отчет за 1983 год // Архив ИА АН СССР.

16. Погорелов В.И. Ширяевский могильник бронзового века на Среднем Дону // СА. - 1985. - № I. - С.151-159.

17. Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. - Киев: Наукова думка, 1982. - 209 с.

18. Городцов В.А. Старшее Каширское городище // ИГАИМК. - 1934. - Вып.85.

19. Ковалева И.Ф. Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда): Учебное пособие. - Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1984. - 78 с.

20. Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. - 1975. - Вып.13.

21. Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции // КСИА. - 1977. - Вып.148.

22. Алехин В.А. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. - 1980. - Вып.167.

23. Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа // КСИА. - 1977. - Вып.148.

24. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Социальная реальность - идеология - погребальный комплекс (к проблеме соотношения) // Конференция: Идеологические представления древнейших обществ. Тез.докл. - М., 1980.

25. Добролюбский А.О. О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методы археологических исследований. - Киев: Наукова Думка, 1982.

26. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. - 1986. - № 1.

27. Клейн Л.С. Археологические источники. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.

28. Ригведа. X, 16, 11.

29. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Древняя Индия. - М.: Наука, 1969.

А.А.Бойков
(Воронежский пединститут)

РАЗВЕДКИ В ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ХОПРА

В 1986 году отрядом экспедиции Воронежского пединститута был обследован участок левого берега р.Хопер (левый приток р.Дон) между селами Чуриловка и Пески, протяженностью около 30 км в пределах Поворинского района Воронежской области.

Отметим, что этот участок Хопра до недавнего времени выпадал из поля зрения исследователей, за исключением работ П.Д.Либерова [1] и Н.К.Качаловой [2] у с.Мазурки и озера Ильмень, проводившихся выше по течению реки.

Разведочными работами на этом участке выявлено 30 памятников эпохи мезолита - позднего средневековья (рис.I). Из них: II многослойных поселений, I0 поселений эпохи бронзы, одна мастерская по изготовлению кремневых и кварцитовых орудий, два одиночных кургана, пять курганных могильников и одно поселение эпохи средневековья.

Наиболее информативными оказались поселения Поворинское 2, Чигорак I, 3, 4, Свинцовское, Суходол 6.

Поселение Поворинское 2 расположено на выступе левого берега р.Свинцовки в I км к северо-западу от северной окраины г.Поворино. В обнажениях берега на протяжении более I00 м хорошо фиксировался культурный слой - однородная темная супесь мощностью 0,8 м. Он подстилается прослойкой светлого песка - 0,3 м, ниже которой залегал аллювиальный нанос толщиной 0,4 м.

Собранный керамический материал хронологически неоднороден: из нижней части слоя происходит керамика древнеямного, катакомбного и срубного обликов, а из верхней - раннего железного века. Древнеямная керамика темно-серого цвета, поверхности хорошо сглажены, в тесте обильная примесь толченой раковины, украшена горизонтальными оттисками шнура (рис.2, I). Катакомбная керамика коричневого и светло-коричневого цвета, поверхности сглажены, орнаментирована расчлененными и выформованными валиками. На одном из фрагментов орнамент составлен из косых насечек и прочерченных линий (рис.2, 4,5). Керамика срубной культуры светло-коричневого цвета, поверхности сглажены. Сосуды изготовлялись из хорошо промешанного теста с примесью крупнозернистого песка и шамота. Орнаментированы в верхней части косыми насечками, вдавлениями и прочерченными линиями (рис.3, I-4). Керамика раннего железного века темно-коричневого цвета с грубо выформованными поверхностями. Срезы венчиков оформлены пальцевыми защипами. Тесто рыхлое с примесью мелкозернистого песка и шамота.

Поселение Свинцовское расположено на песчаной дюне в левобережной пойме р.Свинцовка в 0,2 км к северо-востоку от северной окраины с.Самодуровка. Размеры дюны - 70х60 м, длинной осью направлена по линии север-юг, высота ее от современного уровня поймы 4-4,5 м. Поверхность разрушена распашкой. Из сборов происходит коллекция керамики срубного облика, а также кварцитовые и кремневые орудия.

Керамика срубной культуры коричневого цвета с хорошо

Рис. 1 Карта разведки в левобережье Хапра.

сглаженными поверхностями, украшена оттисками крупнозубчатого штампа, составленными в геометрические композиции. Тесто плотное с примесью мелкозернистого песка.

Орудия из кварцита и кремня представлены микронуклеусами (рис.4, 2-5), пластинами (рис.4, 6-8,10), оживляющими сколами с микронуклеусов, один из которых подработан под резец (рис.4, 15,21). Из сборов происходят обломок ножа-резака на пластинчатом отщепе со следами регулярной ретуши по краю и скобленидной выемкой (рис.4, 12), обломок ножа (рис.4, 11), двухсторонний скребок на пластине (рис.4, 16), ретушер на микроотщепе со следами сильной сработанности (рис.4, 13), скребок на отщепе (рис.4, 20), скребок-резак на пластинчатом отщепе (рис.4, 14), рубящее орудие (рис.4, 25) и заготовка под скребок со следами работы по боковому срезу (рис.4, 22).

Для выявления стратиграфии поселения в восточной части у подножья дюны был заложен шурф размерами 1х1 м, ориентированный по сторонам света. Культурный слой (гумусированная супесь) мощностью 1,6 м подстилается белым материковым песком. Из шурфа происходят фрагмент сосуда неолитического времени со светло-коричневыми поверхностями и орнаментацией в виде круглых вдавлений (рис.4, 1) и микронуклеус (рис.4, 9), найденные на глубине 1,2-1,4 м.

Поселение Суходол 6 обнаружено в 0,2 км к востоку от с.Самодуровка на пологом выступе (80х60 м) первой надпойменной террасы правого берега р.Свинцовка, поднятом на 5-6 м над уровнем поймы.

Южная часть площади поселения разрушена карьером, по стенкам которого четко фиксируется культурный слой - темная супесь мощностью 0,75 м, подстилаемая желтым материковым песком. Собранный материал - фрагменты сосудов баночной и горшковидной форм. Изготовлены из хорошо промешанного теста с примесью извести, песка и шамота. Поверхности светло-коричневого и коричневого цвета, на внутренних сторонах видны горизонтальные расчесы. Орнаментированы от срезов венчиков косыми оттисками крупнозубчатого штампа. Из слоя происходят также скребок в пластине (рис.4, 19), скребок на желвачном сколе (рис.4, 18), скобель-скребок (рис.4, 27) и пластина (рис.4, 17).

Поселение Чигорак I расположено в 2 км к северо-востоку от с.Самодуровка на площадке (40х30 м), приподнятой над уровнем поймы на 5-5,5 м. С северной стороны площадь поселения

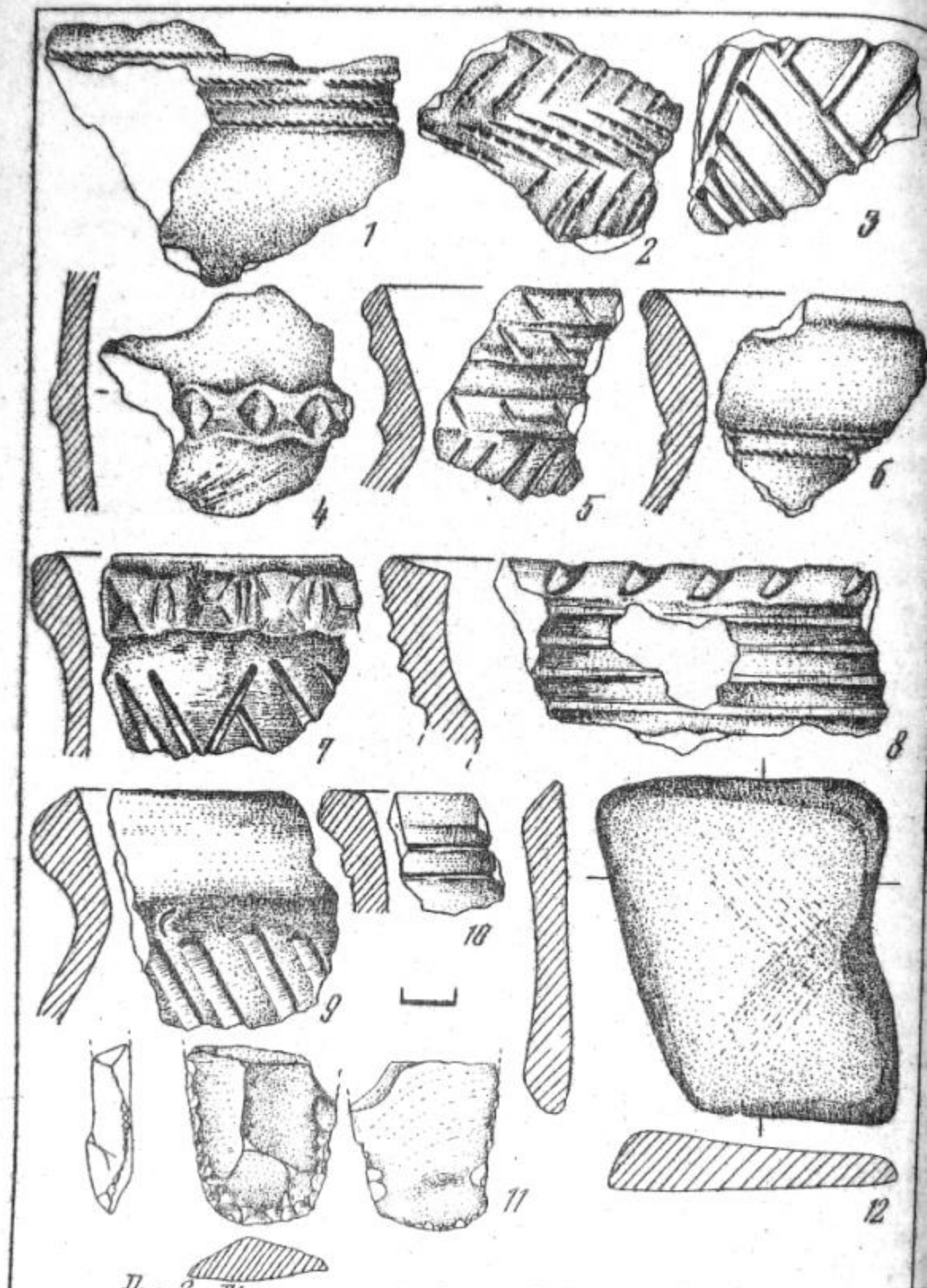


Рис. 2. Материалы древнеямной, среднедонской катакомбной и донской абашевской культур.
1,4,5 - "Поварино-де-2"; 2 - "Чиграк-3"; 3,6-12 - "Чиграк-4"
(11 - кварцит; 12 - мелкозернистый песчаник).

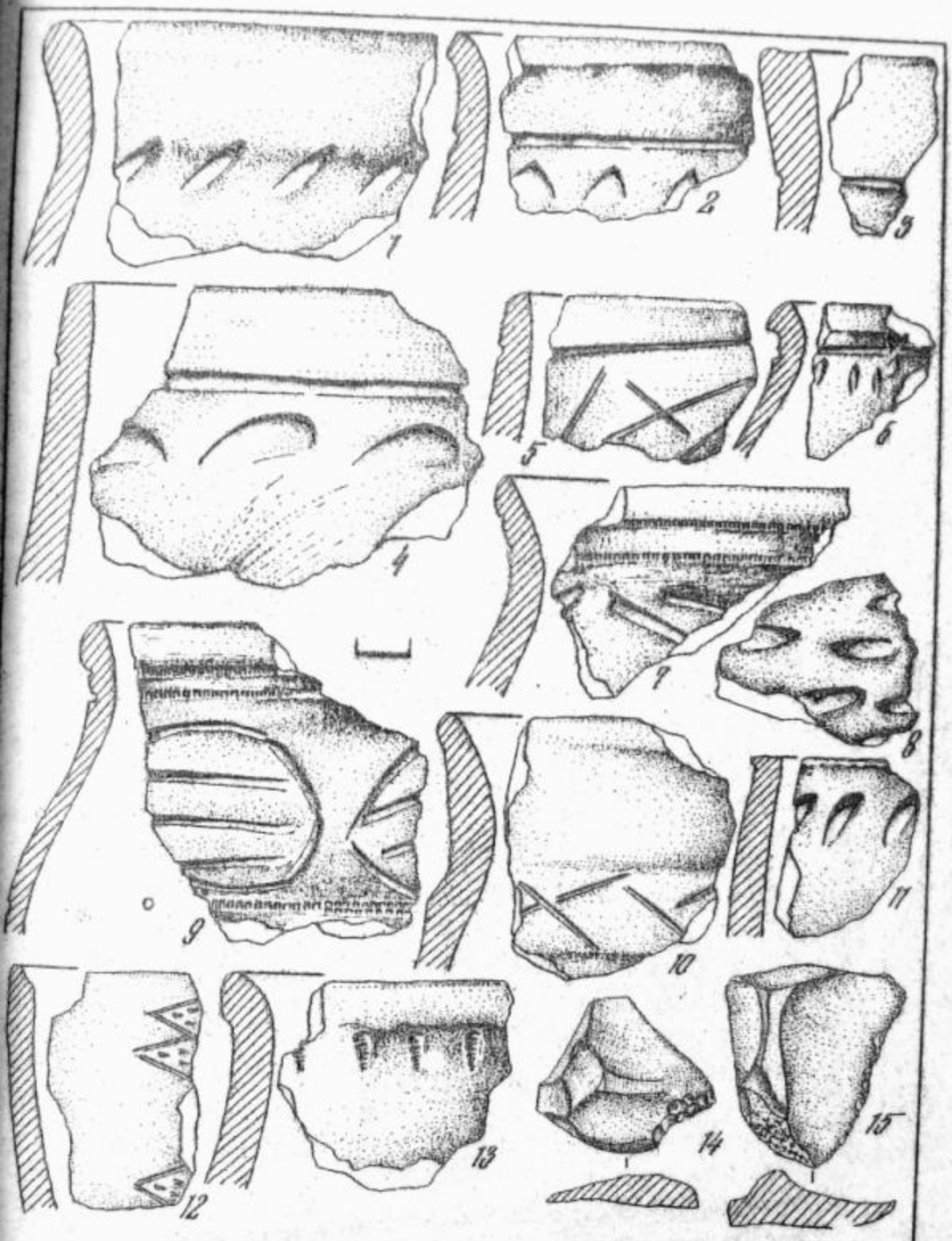


Рис. 3 Материалы донской лесостепной срубной культуры.
1-4 – "Поваринское-2"; 8,10,13-15 – "Чигарак-3"; 5-7,9,11,12 – – "Чигарак-4" (14,15 - кварцит).

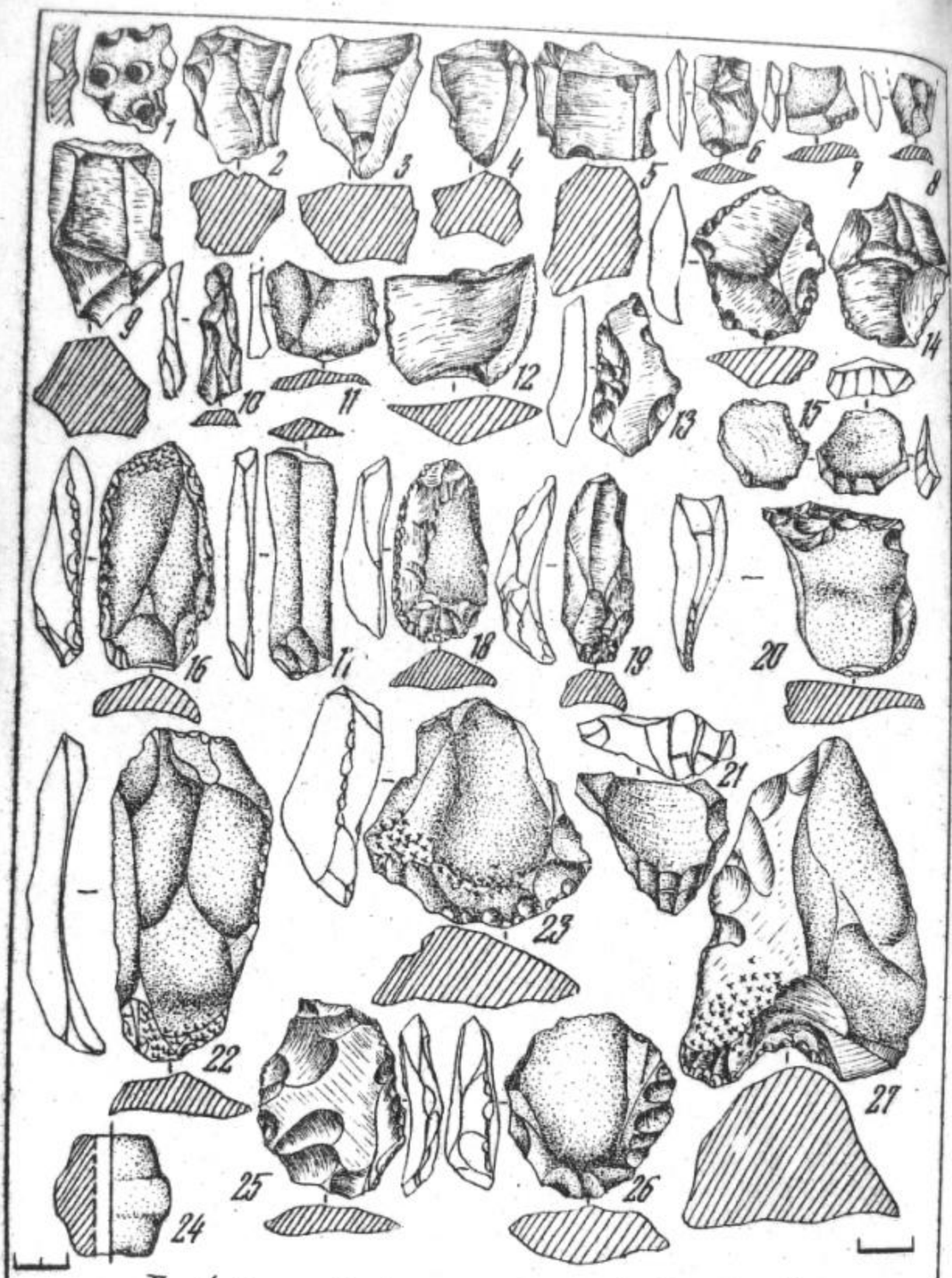


Рис. 4 Каменный инвентарь со стоянок в левобережье Хопра.

1-16, 20-22, 25 – "Свинцовское" (1-фрагмент стенки сосуда; 2-6, 8-10, 12-14, 20, 25 – – кремень; 7, 11, 15, 16, 21, 22 - кварцит); 17-19, 27 - "Суходол-6" (17-сланец, 18, 19, 27 – кремень); 23 – "Суходол-4" (кварцит); 26 - "Чигорак-4" (кварциты); 24 - "Чигорак-1" (обожжённая глина).

разрушена распашкой и старым карьером. В обнажениях карьера выделяется культурный слой - темный суглинок мощностью 0,8 м, подстилаемый светлой материковой глиной.

Керамический материал представлен фрагментами сосудов горшковидных и баночных форм, изготовленных из плотного теста с примесью мелкозернистого песка. Поверхности светло-коричневого и коричневого цвета. На внутренней их стороне имеются расчесы. Сосуды орнаментированы прочерченными линиями, составленными в горизонтальную елочку.

Из сборов с площади поселения происходит глиняное грузило светло-коричневого цвета с хорошо сглаженными поверхностями и вылепленным валиком в средней части (рис.4, 24).

Поселение Чигорак 3 выявлено в 140 м к юго-востоку от поселения Чигорак I. Занимает площадку (50x40 м) первой надпойменной террасы, приподнятую над уровнем поймы на 6-8 м. С северной стороны площадь поселения разрушена распашкой; здесь же была произведена зачистка. Культурный слой - светлый суглинок мощностью 0,6 м и темная супесь мощностью 0,4 м залегает под дерном и подстилается светлым материковым песком.

Керамический материал представлен фрагментами сосудов катакомбной культуры, изготовленных из хорошо промешанного теста с примесью извести и органики. Поверхности темно-серого цвета, сглажены до лощения. Орнаментированы глубокими оттисками гребенчатого штампа (на створке *Unio*), составленными в горизонтальную елочку (рис.2, 2). Собраны фрагменты от сосудов горшковидной формы срубного облика с невысокими, слегка отогнутыми наружу венчиками, изготовленных из плотного теста с примесью мелкозернистого песка. Поверхности светло-коричневого и темно-серого цвета, сглажены. Украшены под срезом венчика прочерченными линиями, образующими крестообразные знаки на вылепленном по устью сосуда валике (рис.3, 10) и оттисками "личинок" (рис.3, 13). На одном из фрагментов стенки сосуда нанесены дугообразные вдавления (рис.3, 8). Отсюда же происходят и кварцитовые орудия - скобель (рис.3, 14) и отщеп со следами работы по боковому срезу (рис.3, 15).

Поселение Чигорак 4 расположено на выступе первой надпойменной террасы в 0,07 км к юго-востоку от поселения Чигорак 3. Центральная площадь поселения приподнята над уровнем поймы на 7-8 м. В северную сторону выступ плавно снижается к пойме, здесь площадь поселения нарушена распашкой. Общая площадь

поселения составляет 70х50 м. Культурный слой - темный суглинок мощностью 0,9 м залегает под дерном и подстилается светлой материковой глиной. Собранный с площади поселения материал в культурно-хронологическом отношении неоднороден. Керамика катакомбного облика принадлежит сосудам с невысокими, плавно отогнутыми наружу венчиками, раздутым туловом и плоским дном. Сосуды изготавливались из плотного теста с примесью мелкозернистого песка, охры, извести. Поверхности светло-коричневого цвета, хорошо сглажены. Орнамент составлен из прочерченных линий, оттисков шнура, налепных валиков, расчлененных пальцевыми защипами, образующими "пирамидки" (рис.2, 3,6,7).

К абашевской культуре относятся фрагменты от сосудов с желобчатыми венчиками. Сосуды изготавливались из плотного теста с обильной примесью толченой раковины и извести. Поверхности светло-коричневого и серого цвета, хорошо сглажены. Орнаментированы прочерченными линиями и глубокими вдавлениями по срезу венчика (рис.2, 8,9,10).

Керамика срубной культуры представлена фрагментами сосудов с невысокими, плавно отогнутыми наружу и прямыми, слегка отянутыми во внутрь венчиками. Сосуды изготавливались из плотного теста с примесью мелкозернистого песка, шамота и извести. Поверхности серого, светло-коричневого и коричневого цвета, внешние сглажены до лощения, а внутренние - со следами расчесов. Орнамент составлен из прочерченных линий, составляющих простые (рис.3, 5) и сложные геометрические композиции в виде ромбов, заполненных треугольными наколами (рис.3, 12), косыми насечками под срезами венчиков (рис.3, 6,11). На одном из фрагментов венчика от сосуда горшковидной формы нанесены заштрихованные концентрические круги, заключенные между параллельными линиями, выполненными оттисками крупнозубчатого штампа (рис.3, 9). Есть фрагмент венчика, орнаментированный двумя параллельными линиями по устью, выполненными тем же штампом и заключенным под ними косыми прочерченными линиями, образующими двойной зигзаг (рис.3, 7).

Отсюда же происходят скребок на пластине из серого кварцита (рис.2, 11), абразивное орудие из мелкозернистого песчаника со следами работы (рис.2, 12) и кварцитовый скребок-резак (рис.4, 26).

Из сборов с поселения Суходол I происходит рубящее орудие из кварцита (рис.4, 23).

Характер расположения выше рассмотренных поселений, значительная мощность культурных слоев, степень их насыщенности разновременными материалами позволяют определять памятники как долговременные стойбища скотоводов-земледельцев Среднедонского региона.

Поселение Свинцовское по облику кремнево-кварцитовых орудий относится на ранней стадии своего существования к стойбищу охотников-рыболовов мезолитической эпохи с развитой микроиндустрией (IУ-У тыс. до н.э.). На более поздних этапах здесь размещались кратковременные стойбища эпохи неолита (У-Ш тыс. до н.э.). В бронзовом веке данное место осваивали скотоводы-земледельцы донской лесостепной срубной культуры (2 половина П тыс. до н.э.).

Литература:

I. Либеров П.Д. Памятник скифского времени на Среднем Дону // САИ. - 1965. - Вып.Д1-3II. - III с.

2. Качалова Н.К. Ильменские курганы // АСГЭ. - 1970. - Вып.12. - С.5-32.

В.В.Килейников
(Воронежский пединститут)

РЕМЕСЛО И ДОМАШНИЕ ПРОИЗВОДСТВА У НАСЕЛЕНИЯ ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Одним из аспектов проблемы хозяйства носителей донской лесостепной срубной культуры является выделение тех или иных производств, существовавших наряду с ведущими хозяйственными отраслями - скотоводством и земледелием и обеспечивавших население данной культуры необходимым ассортиментом орудий труда, хозяйственных и бытовых изделий. Предлагаемая реконструкция производств у населения донской лесостепной срубной культуры основана в значительной мере на результатах экспериментально-трасологического анализа орудий труда с поселений исследуемой культуры. Примечательно, что функциональный анализ орудий труда

представил наибольшую информацию для характеристики ремесленных и домашних производств, распространенных в среде срубных племен лесостепного Подонья, в то время как ведущие отрасли хозяйства этого населения документируются со стороны орудий труда в значительно меньшей степени.

Экспериментально-трасологический анализ орудий труда с поселений донской лесостепной срубной культуры выявил многочисленные серии инвентаря, занятого в металлургии и металлообработке. Высказывавшаяся ранее Г.В.Подгаецким, Б.Г.Тихоновым и некоторыми другими авторами [1, с.157; 2, с.87-89] идея о возможности развития металлургии у населения донской лесостепной срубной культуры получила подтверждение в результате проведенного нами экспериментально-трасологического анализа орудий труда с памятников этой культуры.

Наибольшие свидетельства (около ста орудий) существования производства по добыче и переработке медной руды представлены на Мосоловском поселении [3]. Отмечены они и на поселениях Боровское, Садовое VI, Кула II, Старый Курлак, Верхний Карачан и некоторых других памятниках. Горно-металлургические орудия труда фактически включают все известные типы подобных орудий, найденных в различных местах добычи и переработки медной руды. Следует подчеркнуть технико-морфологическую близость горно-металлургического инструментария, происходящего с разных территорий, что объясняется целесообразностью использования в этих операциях в основном аморфных заготовок с незначительной подработкой. Но в то же время выбор этих заготовок диктовался технологическими потребностями, а, возможно, и культурной традицией.

Функциональный класс горно-металлургических орудий, наиболее полно представленных в материалах Мосоловского поселения, включает производственные инструменты, которыми осуществлялись все процессы добычи и обогащения медной руды. Горно-металлургические орудия с поселений донской лесостепной срубной культуры изготовлены только из камня; костяных, роговых или деревянных орудий не найдено. Очень показателен факт обнаружения на площади памятников как целых, так и фрагментированных рудоперерабатывающих орудий, указывающий на то, что процесс дробления и растирания медной руды протекал непосредственно на поселениях.

О возможности существования медеплавильного производства у населения донской лесостепной срубной культуры, обусловленной наличием необходимых ресурсов и технических навыков, мы уже

писали ранее [3, с.120-121]. В этом плане следует обратить внимание еще на ряд аспектов, среди которых представляется важным вопрос о соотношении ведущих производственных занятий у населения донской лесостепной срубной культуры. Именно преимущественно скотоводческий (в комплексе с земледелием) хозяйственный уклад создавал благоприятные условия для развития металлургии.

Благодаря скотоводству срубное население лесостепного Подонья обладало значительной мобильностью, что доказывается и самим фактом обширного распространения срубных древностей в степи и лесостепи Восточной Европы. Применение тягловой силы скота для перевозки на значительные расстояния слитков металла, а, возможно, и какого-то количества медной руды, способствовало занятию металлургией далеко за пределами древних рудников. К тому же, уход за скотом в условиях придомного животноводческого хозяйства требует сравнительно небольшого контингента жителей того или иного поселка, освобождая остальную часть населения для иных занятий, в том числе и для занятия металлургическим производством.

В плане определения сырьевых ресурсов для развития местной металлургии бронзы у населения донской лесостепной срубной культуры интересна разработка вопроса об использовании медно-сернистых руд в металлургическом производстве. Прежде всего хотелось бы сослаться на высказывание Г.В.Подгаецкого, который на основании результатов исследования Вогрэсовского поселения обратил внимание на находки шлаков от плавки медно-сернистой руды [1, с.157]. Для ближайших к лесостепному Подонью рудоносных районов Донетчины также характерно наличие наряду с медистыми песчаниками и медно-сернистых соединений [4, с.22].

На наш взгляд, именно ограниченность сырьевой базы при растущих потребностях в бронзовых изделиях способствовала возникновению новых способов плавки меди, совершенствованию металлургического производства. Развитие металлургии протекало как по пути наибольшей экономии сырьевых ресурсов, так и предполагало поиски качественно новых видов сырья. Последнее проявилось в исследуемом регионе вероятно в том, что донские металлурги в эпоху поздней бронзы, занимаясь эксплуатацией месторождений медистых песчаников или малахита, овладели и навыками плавки меди из медно-сернистых руд. Новое сырье побудило металлургов к созданию принципиально новой технологии его переработки, включая дополнительную фазу обжига руды для удаления элементов серы

[5, с.77; 6, с.152-153; 7, с.96-97]. Далее следовали операции плавки руды на штейн - "медный камень" с множеством лишних примесей и его переплавки на черновую медь. Крайне важно, что выплавка меди из сернистой руды создавала реальные возможности для перехода к железоделательному производству, так как технологические основы этих процессов весьма близки [8, с.127; 9, с.9-12]. Совершенно не случайно именно к этому периоду исследователи относят первые фиксируемые факты добычи железа из руд и находки биметаллических изделий [10, с.57-74].

Таким образом, в ряде вопросов существования местного горно-металлургического производства у населения донской лесостепной срубной культуры есть еще много неясного, дискуссионного. Все это, безусловно, затрудняет формирование полного представления об этом производстве. В то же время, горно-металлургические орудия труда, составляющие целые функциональные серии, свидетельствуют о достаточно прочных традициях горнорудных и медеплавильных занятий на некоторых поселениях донской лесостепной срубной культуры.

В отличие от металлургического производства, конкретное изучение которого, по сути дела, только начинается, металлообрабатывающее производство представлено гораздо большим числом свидетельств. Проведенный нами экспериментально-трасологический анализ выявил орудия данной функциональной группы на большинстве (около сорока) поселений донской лесостепной срубной культуры. Следует еще раз заметить, что металлообработка предполагала кузнечную и абразивную обработку бронзовых изделий после их отливки в глиняных литейных формах. Исходя из этого, следует дифференцированно подходить к инвентарю тех или иных памятников, содержащих или комплекс кузнечных и абразивных орудий, или только последние. Дело в том, что, к примеру, направка лезвий режущих инструментов, на наш взгляд, не может расцениваться с позиций специализированного металлообрабатывающего производства, тем более, если сами абразивные орудия крайне ограничены среди прочего материала. Имея ввиду этот критерий, можно сказать, что металлообрабатывающее производство в своем комплексном качестве протекало лишь на отдельных поселениях донской лесостепной срубной культуры, численность которых не превышает двадцати.

Наиболее яркие и разнообразные комплексы металлообрабатывающих орудий представили такие поселения, как Мосоловское, Боровское, Садовое УI, Масловское П, Раздольненское, Вогрэсовское,

Кула II, Верхний Карачан. На большинстве поселений с металлообрабатывающими орудиями в инвентаре обнаружены свидетельства бронзолитейного производства в виде литейных форм, плавильных чаш, шлаков, слитков металла. Таким образом, очевидна прямая взаимосвязь между литьем и последующей обработкой бронзовых изделий в пределах одних и тех же поселков. Это сочетание обуславливается также и потребностью в соответствующих технических сооружениях для нагревания металла в момент его ковки. В качестве таковых сооружений могли использоваться конструкции для плавки меди в процессе литейного производства. Не исключено, как будет показано ниже, что литейное и кузнечное производства осуществлялись одними и теми же мастерами и были взаимосвязаны во времени.

Что же касается памятников с находками лишь абразивных орудий, то можно утверждать, что фактически каждое срубное поселение будет содержать в коллекции производственного инвентаря эти инструменты. Применение бронзовых изделий (особенно режущих и рубящих орудий) в различных сферах хозяйства и быта требовало постоянной подправки их рабочих лезвий, осуществляемой при помощи абразивов.

Оценивая в целом горно-металлургические и металлообрабатывающие орудия с поселений донской лесостепной срубной культуры, следует подчеркнуть их специализированный характер. Не случайно, что на поселениях довольно редко встречаются полифункциональные орудия, у которых вторичные функции в основном возникали вследствие поломки. Функциональная дифференциация наиболее отчетливо проявилась в кузнечном и абразивном инструментарии (преимущественно среди кузнечных ударных орудий, морфология которых прямо отражала их конкретную функциональную принадлежность).

Итак, экспериментально-трасологическое изучение производственного инвентаря поселений донской лесостепной срубной культуры показало, что для некоторых памятников характерно наличие комплексов орудий, связанных с металлургией и металлообработкой. Причем, производство по переработке медной руды было развито на сравнительно небольшом числе поселений, в то время, как металлообработка получила гораздо более широкое распространение.

Однако было бы неверным распространять выводы о данной специфике хозяйственного развития названных поселений на все бытовые памятники донской лесостепной срубной культуры. На многих

поселениях этого времени в лесостепном Подонье вообще не обнаружено каких-либо проявлений металлургического производства. Учитывая технологическую сложность металлургии, можно предполагать не повсеместное изготовление бронзовых изделий, а наличие специализированных поселков-мастерских или же отдельных мастерских в пределах поселка, функционировавших как ремесленно-металлургические центры населения донской лесостепной срубной культуры. Фиксируемое "кустовое" расположение срубных поселений предполагало интенсивные обменные отношения между ними, равно как и с ближайшими группами поселков. Безусловно, в этих экономических контактах ведущая роль принадлежала поселкам, поставляющим металлические изделия, столь необходимые в хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы. Металлургическая специализация предполагала определенную замкнутость поселков-мастерских, стремление металлургов сохранить секреты своего мастерства, расположение источников сырья от соседствующего населения.

В итоге обобщающего анализа металлургического и металлообрабатывающего производств представляется необходимым коснуться вопроса об определении уровня их развития. Как известно, в специальной литературе не раз поднималась проблема структурной организации хозяйственной деятельности древнего общества [II; I2; I3, с.I59-I74; I4]. Особое место в работах такого рода уделялось вопросу возникновения и развития ремесленного производства.

Общее определение ремесла дано в работе В.И.Ленина "Развитие капитализма в России". В.И.Ленин писал, что "первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т.е. производство изделий по заказу потребителя. Материал может принадлежать при этом потребителю-заказчику или ремесленнику, а оплата труда ремесленника происходит либо деньгами, либо натурой.../ [I5, с.329].

Возникновение ремесла способствовало важнейшим изменениям в социально-экономической структуре древних обществ, главным из которых было второе крупное общественное разделение труда - отделение ремесла от земледелия [I6, с.I63]. Как отмечали основоположники марксизма-ленинизма, общественное разделение труда является наглядным показателем уровня развития производительных сил [I7, с.20]. Следовательно, наличие ремесленного производства, как одного из таких показателей, служит критерием оценки состояния экономики того или иного общества.

В плане конкретного решения вопроса становления ремесла

безусловно интересен подход В.М.Массона. Рассматривая древние производства в историческом развитии, В.М.Массон дифференцировал их в пределах трех этапов, исходя из уровня специализации, объема производимой продукции, способов ее реализации и т.п. [12, с.49-57; 11, с.61-70]. Третий этап развития древних производств отражает по сути дела ремесленный уровень, на который прежде всех прочих занятий встают металлургия и гончарное дело.

Тем или иным аспектам проблемы возникновения ремесленного производства посвящены работы З.В.Сайко, С.Н.Бибикова, В.С.Бочкарева, Е.Н.Черных, С.С.Березанской, К.Х.Кушнаревой и других авторов. Среди них заслуживают внимания исследования З.В.Сайко, в которых детально рассматриваются факторы становления ремесленного производства. Автор считает основным условием становления ремесла специализацию соответствующего вида деятельности на основе развитой техники и технологии [14, с.55-62; 18, с.182-195]. Эта же мысль присутствует в работах В.С.Бочкарева, который конкретизировал ее применительно к металлообрабатывающему производству и определил критерии специализации литейной мастерской [19, с.9].

В качестве одного из условий совершенствования специализации производственной деятельности исследователи отмечают факт наличия специализированных орудий труда [20; 21, с.17]. Подобные орудия, имевшие определенное место в общей технологии того или иного производства, а, следовательно, содержащие информацию об отдельных технологических этапах, могут служить одним из основных источников реконструкции уровня специализации ремесла. Именно с этих позиций мы предпримем рассмотрение производственного инвентаря с поселений донской лесостепной срубной культуры.

Горно-металлургические и металлообрабатывающие орудия отражают лишь некоторые стадии древней металлургии как единого процесса. Специализация бронзолитейного инструментария (плавильные чаши, литейные формы, которые в данной статье не анализируются), выраженная прежде всего в его стандартизации, прослеживается более отчетливо в сравнении с каменными и керамическими орудиями труда. Однако и среди последних можно обнаружить наличие стандартных форм орудий. Следует заметить, что основная трудность в выявлении специализированных орудий труда состоит в том, что значительная их часть изготавливалась на аморфных заготовках, главным образом - каменных валунах. Но при этом безусловно учитывалась конечная заданная форма орудия. В данном случае

стандартизация чаще всего распространялась на оформление рабочего края орудий, подчиненное технологическим требованиям конкретной производственной операции.

Несомненно, стандартные орудия появлялись преимущественно на более усложненных технологических этапах производства, дифференцируя всю технологию на отдельные операции. Это хорошо прослеживается на археологическом материале. Так, процесс переработки медной руды предполагал ее дробление и растирание. Для этой цели использовался ограниченный ассортимент орудий (рудодробильные молоты, песты и плиты для дробления и растирания руды). Бесспорно, все они должны были обладать в целом близкими параметрами формы. Но возможная вариабильность формы орудий в принципе не снижала качество перерабатываемого сырья.

Совершенно иное впечатление оставляют кузнечные инструменты. Ковка бронзовых изделий, как достаточно сложная по технологии операция, осуществляется гораздо более обширным и стандартным набором орудий. Выбор кузнечного ударного орудия зависит от формы, размеров, технологии обработки поковки. Например, для кузнечной обработки мелких бронзовых изделий (бытовых предметов, украшений) требовались более миниатюрные орудия труда, которые представлены, в частности, в коллекции Мосоловского поселения. То есть, дифференциация орудий охватывает не только межфункциональный уровень, но и проникает в однотипные по функциям наборы орудий труда.

Интересен анализ керамических абразивов. Они также изготавливались из аморфного материала, и на их примере более всего проявились высокие традиции утилизации хозяйственных отходов населением донской лесостепной срубной культуры. Однако использование абсолютного большинства фрагментов керамики с заточенным краем в качестве абразивных орудий свидетельствует в пользу их специализированного качества. И даже, казалось бы, на таких случайных, недолговечных в применении орудиях, как керамические абразивы, можно обнаружить известную стандартизацию формы рабочих участков.

Разумеется, выявление специализированных горно-металлургических и металлообрабатывающих орудий труда на памятниках донской лесостепной срубной культуры не понимается нами в качестве единственного способа решения проблемы определения ремесленного уровня названных производств. Эти данные подкрепляются соответствующими наблюдениями за распределением орудий труда в культурном

слое отдельных поселений донской лесостепной срубной культуры [22], а также прочими материальными свидетельствами металлургического производства, специально не рассматриваемыми в данной публикации.

Экспериментально-трасологический анализ орудий труда с поселений донской лесостепной срубной культуры представил данные о некоторых домашних производствах. По определению В.И.Ленина, под домашними производствами (домашней промышленностью) понимается переработка "сырых материалов в том самом хозяйстве..., которое их добывает" [15, с.328]. В.И.Ленин указывал, что "домашние производства составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства" [15, с.328].

Домашние производства (промыслы) являются наиболее ранней ступенью в развитии специализированного производства и фиксируются практически на всех периодах древнейшей истории человечества [11, с.61-62]. Возникновение домашних производств было обусловлено прежде всего потребностью в изготовлении тех или иных изделий, прямо и косвенно связанных с ведущими отраслями хозяйственной деятельности [23].

В качестве основных критериев выделения домашних производств у населения донской лесостепной срубной культуры нами приняты уровень состояния техники и организации производства, рассматриваемые уже на фоне проанализированного металлургического ремесла. При оценке технической базы различных производств основное внимание уделялось результатам функционального анализа орудий труда. Система организации некоторых домашних производств была прослежена на примере Мосоловского поселения и получила освещение в публикации [22]. Здесь же хотелось бы остановиться на информации, которую представили орудия труда с точки зрения их технико-технологических и функциональных характеристик.

На поселениях донской лесостепной срубной культуры обнаружены орудия труда, связанные с такими производствами, как обработка шкур и выделка кожи, прядение шерсти, изготовление керамики, обработка камня, кости, дерева, строительно-земляные работы.

Кожевенное производство. Свидетельства его существования зафиксированы на девяти поселениях. К функциональной группе кожевенных орудий нами отнесены как собственно инструменты по обработке шкур (тупики, струги, скребки, лощила), так и изделия, занятые в операциях по различному дальнейшему использованию выделанной кожи, то есть в изготовлении одежды, предметов быта,

хозяйственной утвари (шилья, иглы). Наибольшим числом представлены орудия по обработке шкур (238 экземпляров). Среди них преобладают керамические скребки, костяные тупики для мездрения шкур (199 экземпляров). Значительно в меньшем количестве встречены инструменты для волососгонки - костяные струги (34 экземпляра). Весьма примечательно, что процесс обработки шкур осуществлялся с помощью орудий, изготовленных из хозяйственных отходов - костей животных; обломков керамики. Показатели и тот факт, что эти отходы, за исключением лишь костяных тупиков, использовались в производстве практически без какой-либо подработки. Это объясняется, с одной стороны, известным стандартом этих отходов, а,с другой стороны, возможностью применения в данной операции орудий с достаточно широким диапазоном морфологических характеристик рабочего края.

Например, ребра крупного рогатого скота представляют собой своего рода универсальный двуручный инструмент, которым могли удаляться мездра и шерсть с обрабатываемой шкуры (хотя предпочтение отдавалось функции волососгонки). Простота формы костяного струга, обилие заготовок в условиях преимущественно скотоводческой хозяйственной деятельности приводили к тому, что данное орудие использовалось спонтанно, часто в течение непродолжительной, одноактной операции, о чем свидетельствуют слабые следы износа на большинстве стругов. Отдельные костяные струги несут на своих рабочих поверхностях выразительные признаки сработанности и, как правило, именно эти орудия имеют следы подработки рабочего края или рукояточных частей.

Следует отметить, что в кустарном кожевенном производстве и до сих пор применяются инструменты, напоминающие по форме костяные струги. Так, мездрение и волососгонка осуществляются при помощи металлической косы или плоского полотна металла. Современные мастера-кожевенники стран Западной Африки (Республика Мали), так называемые "гаранге", используют для этой цели продольно расчлененные куски бамбука, близкие по форме костяным стругам. Количество таких примеров можно было бы продолжить, что является показателем унифицированности подобной морфологии кожевенных орудий во времени и пространстве.

Иное положение с точки зрения технологии изготовления занимали костяные тупики. Известно лишь несколько экземпляров орудий на необработанных челюстях крупного рогатого скота, которые имеют следы износа, аналогичные тупикам. В основном же костяные

тупики отличаются тщательно регламентированной и в целом однообразной технологией изготовления [22, с.22-23]. Подобное существование в рамках одного производства двух функционально близких типов орудий - стругов и тупиков - свидетельствует об имевшейся между ними производственной дифференциации.

Наличие специализированных орудий кожевенного производства, среди которых выделяется стандартный инструментарий, а также наблюдения за локализацией этих орудий на площади Масловского поселения [22, с.30-35] свидетельствуют о возникшей специализации данного производства, существовавшего, вероятно, за счет деятельности мастеров-профессионалов. По классификации В.М.Массона эти признаки соответствуют второму этапу развития домашних производств, на котором все более проявляются черты зарождающегося ремесла [12, с.55].

Прядильное производство. Свидетельства прядильного производства в виде керамических и костяных пряслиц встречены на 27 поселениях донской лесостепной срубной культуры в количестве более ста экземпляров. Столь широкое распространение пряслиц-находок от ручных веретен объясняется, вероятно, повсеместным бытованием прядильного производства, которое, наряду с кожевенным производством, обеспечивало потребности населения в предметах одежды. На существование прядения шерсти указывают и отдельные находки сучильных спиц.

Массовость находок прядильного производства, разнообразие форм пряслиц и орнамента на их поверхности при соблюдаемых общих традициях в их морфологии дают основание видеть в этом производстве домашнее занятие, осуществляемое женской половиной населения донской лесостепной срубной культуры. В вариациях формы и особенно в орнаментике пряслиц выразился в какой-то степени индивидуальный характер прядильного производства.

Производство керамики. На памятниках донской лесостепной срубной культуры обнаружено всего лишь несколько орудий труда, занятых в процессе изготовления керамики. Они представлены костяными шпателями и орнаментальными штампами. Судить о структуре керамического производства на основании орудий труда не представляется возможным. Обилие же сосудов, глиняных литейных форм, иных изделий из обожженной глины на поселениях донской лесостепной срубной культуры указывает на значительную роль керамического производства.

Однако, на наш взгляд, к анализу керамического производства

следует подходить дифференцированно. Например, изготовление глиняных плавильных чаш, литейных форм осуществлялось безусловно мастерами-металлургами, и, следовательно, выступает как часть ремесленного производства. С другой стороны, изготовление глиняной посуды, а также и глиняных пряслиц могло происходить в каждой отдельной семье и являться, по-существу, домашним производством. Думается, что без специального изучения технологии керамического производства у населения донской лесостепной срубной культуры (прежде всего изготовления глиняной посуды) нельзя дать окончательный ответ на вопрос о его структуре.

Производства по обработке камня, кости и дерева. Названные производства на поселениях донской лесостепной срубной культуры представлены также незначительным количеством и ассортиментом орудий труда. Среди этих орудий можно выделить отбойники и абразивы для обработки камня, единичные экземпляры каменных тесел для обработки дерева и обломки костей со следами рубки, пиления, резания. Как и в керамическом производстве, в перечисленных занятиях трудно определить ремесленный или домашний структурный уровень. Видимо, в конкретных случаях присутствовало то или другое производство.

Следует заметить, что в таких занятиях, как обработка дерева и кости в основном применялись бронзовые орудия труда - вислообушные топоры, тесла, долота, ножи. Заключение это строится на основе большого количества известных литейных форм для отливки названных изделий [24], а также многочисленных следов на кости, обрабатываемой этими орудиями.

Строительно-земляные работы. Они иллюстрируются разноплановой строительной деятельностью на поселениях донской лесостепной срубной культуры, и, главным образом, на Мосоловском поселении [22, с.20, 28-35]. Сооружение котлованов и столбовых ям при строительстве жилищ, хозяйственных ям различного назначения происходило при помощи землекопных орудий, большая часть которых изготавливалась, вероятно, из дерева. Известно лишь девять костяных орудий и их фрагментов из лопаток крупного рогатого скота, происходящих с Мосоловского поселения. Это так называемые ручные землекопные совки, которыми осуществлялась выборка грунта из ям. Возможно, судя по ограниченному количеству костяных совков, в этой операции также применялись и неизвестные нам деревянные орудия.

Что же касается других домашних производств, то данных об их

существовании у населения донской лесостепной срубной культуры со стороны экспериментально-трасологического анализа орудий труда не имеется.

Литература:

I. Подгаецкий Г.В. Гор.Воронеж // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936гг. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. - С.156-160.

2. Тихонов Б.Г. Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона // Проблемы советской археологии. - М.: Наука, 1978. - С.86-93.

3. Килейников В.В. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы восточно-европейской лесостепи. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. - С.108-123.

4. Федоровский А.С. Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне // Воронежский историко-археологический вестник. - 1921. - Вып.П. - С.18-30.

5. Селиханов И.Р. Разгаданные секреты древней бронзы. - М.: Наука, 1970. - 80 с.

6. Черных В.Н. Металл - человек - время. - М.: Наука, 1972.- 208 с.

7. Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. - М.: Наука, 1980. - 134 с.

8. Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. - М.: Наука, 1969. - 140 с.

9. Бидзиля В.И., Вознесенская Г.А., Недопако Д.П., Паньков С.В. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (Шв. до н.э. - Шв. н.э.). - Киев: Наукова Думка, 1983. - 112 с.

10. Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // СА.- 1977. - № I. - С.57-74.

11. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. - М.: Наука, 1976. - 191 с.

12. Массон В.М. Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. - М.: Наука, 1970.- С.49-57.

13. Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. - М.: Наука, 1976. - 304 с.

14. Сайко Э.В. Становление города как производственного центра. - Душанбе: Дониш, 1973. - 112 с.

15. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн.собр. соч. - Т.3. - С.24-331.

16. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т.21. - С.23-178.

17. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. - 2-е изд. - Т.3. - С.19-26.

18. Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. - М.: Наука, 1982. - 213 с.

19. Бочкарев В.С. К истории металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье // Домашние промыслы и ремесло. Тезисы докладов. - Л.: Наука, 1970. - С.7-10.

20. Коробкова Г.Ф. Развитие производства в эпоху палеометалла (в свете экспериментально-трасологических исследований каменных орудий) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов. - Ереван, 1982. - С.89-94.

21. Колчин Б.А., Сайко Э.В. Особенности развития и организации производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. - М.: Наука, 1981. - С.9-34.

22. Пряхин А.Д., Килейников В.В. Хозяйство жителей Иосоловского поселка эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда) // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. - С.20-36.

23. Бутинов Н.А. Производство пищевых средств и изготовление изделий // Домашние промыслы и ремесло. Тезисы докладов. - Л.: Наука, 1970. - С.11-12.

24. Саврасов А.С. Глиняные литейные формы с поселений донской лесостепной срубной культуры // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. - С.95-104.

А.П.Медведев
(Воронежский университет)

ГОРОДИЩЕ ЧЕРТОВИЦКОЕ 2

Памятники скифского времени лесостепного Подонья неоднократно привлекали внимание исследователей. В течение двух десятилетий их целенаправленное изучение производила Лесостепная скифская экспедиция ИА АН СССР под руководством П.Д.Либерова и А.И.Пузиковой [I; 3]. Объектом их исследования были городища и курганы Правобережья Среднего Дона, материалы которых легли в основу выделения среднедонской культуры скифского времени. Другие участки этого региона остались практически неисследованы.

Отметим также, что в последние годы скифские памятники попали в поле зрения археологической экспедиции Воронежского педагогического института, руководимой А.Т.Синюком. В частности, важные результаты по изучению оборонительных укреплений, особенностей домостроительства, реконструкции хозяйственных комплексов были получены при раскопках городищ Мастище и Большое Сторожевое. Однако и названные памятники дислоцируются в правобережной части Дона.

С 1977 года скифо-сарматский отряд экспедиции Воронежского университета приступил к систематическому изучению памятников раннего железного века на реке Воронеж. За десятилетие здесь было открыто и обследовано 10 городищ скифского времени. Среди них наибольший интерес представляет комплекс памятников у с.Чертовицкое, в состав которого входят четыре городища. Одно из них - городище Чертовицкое П - было исследовано в 1978 году (рис. I).

Городище находится в лесу, в 0,8 км к северу от села, и занимает оконечность длинного и узкого мыса. Размеры городищенской площадки 30х90 м. Она возвышается над поймой реки на 35-40 м. С северо-востока городище укреплено тремя рвами глубиной 2,5-3 м при ширине 5-6 м. С запада пологий склон мыса усилен искусственной подрезкой, ниже которой проходит неглубокий ровик. Следы дополнительной подрезки видны и на южном склоне мыса. К северу от городища располагалось синхронное ему

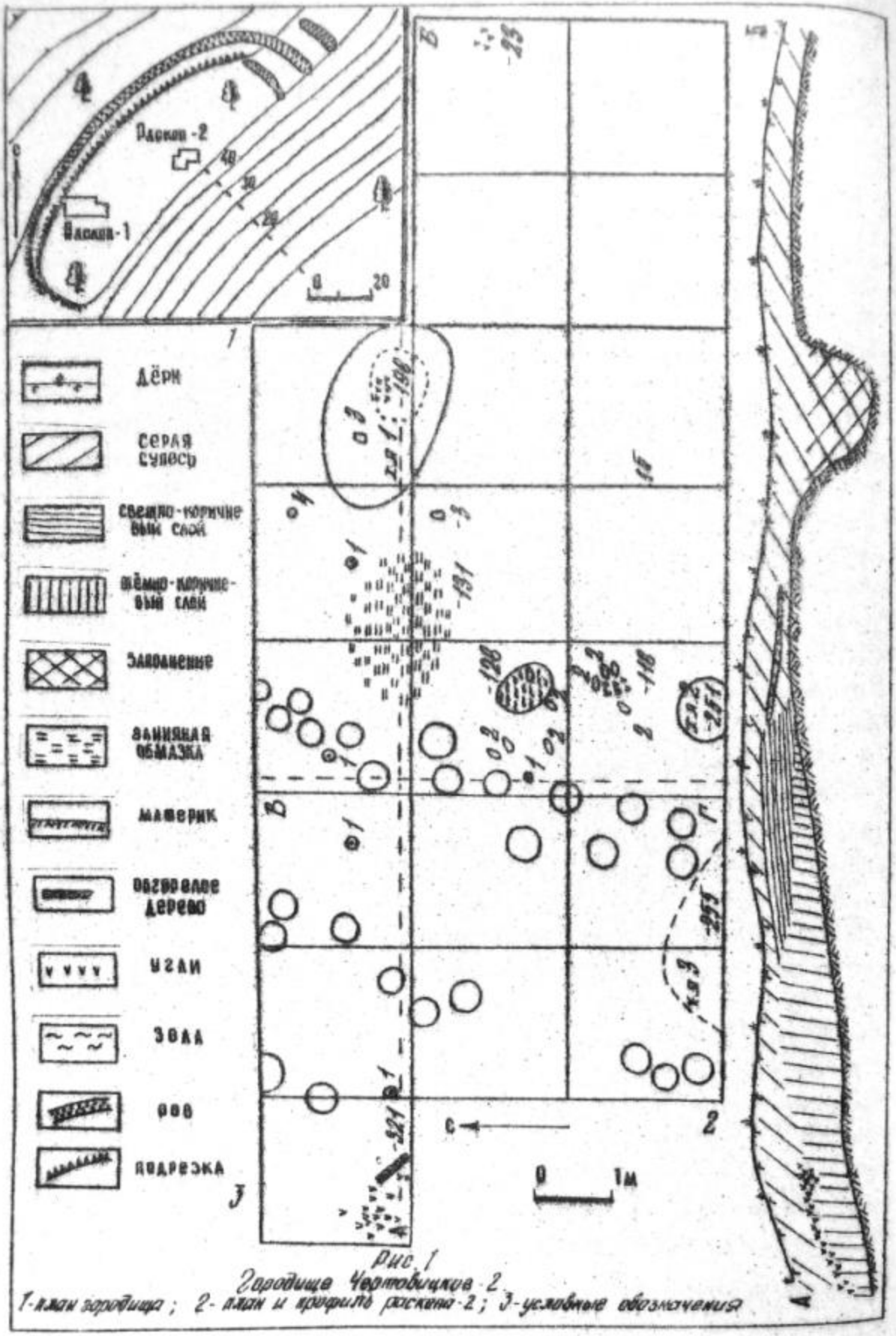


Рис. 1

Городище Чертовицких-2.

1-план городища; 2-план и профиль раскопа-2; 3-условные обозначения

селище, перекрытое курганным могильником сарматского времени.

На городище были заложены два раскопа общей площадью 112 м^2. Мощность исследованных культурных наслоений колеблется от 0,2 м в центральной части раскопа до 1,2 м у западного склона мыса. Под дерном залегает серый супесчаный слой мощностью 0,2-0,4 м, содержащий материалы преимущественно скифского времени. В восточной части раскопа он лежит непосредственно на материке. В центральной части его подстилает светло-коричневый, а с западной - темно-коричневый гумусированный слой, в которых встречается керамика воронежской культуры, что свидетельствует о существовании здесь поселения в эпоху средней бронзы.

Раскопки позволили выявить остатки внутренних укреплений вдоль западного склона мыса (рис.1,2). От них сохранились две линии столбовых ямок, расстояние между которыми составляло 3 м. Тесно расположенные ямки внутренней линии представляют скорее всего остатки деревянной стены из вертикально вкопанных столбов. Параллельно ей проходила внешняя линия ямок, сгруппированных по три, перед которой находился глинистый вал высотой до 1 м, перекрытый серым супесчаным слоем. На древней поверхности вала лежала прослойка углей мощностью 0,15 м и обгорелые бревна толщиной 0,06-0,10 м. Последние, вероятно, представляли остатки деревянной конструкции типа частокола. Раскопанное укрепление можно реконструировать как двойную деревянную стену, внутреннее пространство которой было забито землей, представляющей остатки культурного слоя поселения эпохи бронзы. С внешней стороны стена была усилена частоколом. Укрепления погибли в пламени пожара, на что указывает прослойка угля и остатки обгорелых бревен.

За внутренней линией укреплений находилась жилая часть городища. В ходе раскопок здесь обнаружен очаг, семь хозяйственных ям и скопление обожженной глиняной обмазки. Последнее обозначает местоположение наземной постройки. Стены таких построек, видимо, имели плетневый каркас, обмазанный сверху глиной. Следует отметить, что постройки такого типа были характерны для населения Среднего Дона в скифское время [3, с.47]. Основную массу находок в культурном слое и хозяйственных ямах составляет керамика. За исключением трех фрагментов амфорных стенок, вся она лепная. Среди нее количественно преобладают обломки крупных горшков с мягко отогнутым наружу венчиком и S видным профилем стенок. Край венчика у них орнаментирован пальцевыми вдавлениями или ногтевыми защипами (рис. , 1-2), хотя встречаются фрагменты и сосудов

неорнаментированных (рис.2, 4). Днища сосудов небольшие, их диаметр в 1,5-2 раза меньше устья (рис.2, 8). Часто они имеют закраины (рис.2, 8). Единственной находкой представлен целый небольшой сосуд со слабо профилированным туловом и довольно широким дном (рис.2, 3). К столовой посуде относятся обломки лощеной миски с плоско срезанным и нависающим внутрь краем (рис.2, 5). Значительный интерес представляет фрагмент небольшой лощеной чашечки с ушками, в которых имеются сквозные отверстия (рис.2, 6). Ее поверхность орнаментирована двумя врезанными ямочками, проходящими под срезом венчика и под ушками. В слое встречено несколько обломков миниатюрных сосудиков (рис.2, 7). Керамический комплекс городища как по типам сосудов, так и их орнаментации обнаруживает несомненную близость керамике среднедонской культуры скифского времени [3, с.51-64].

Вторую по численности группу находок на городище составляют глиняные блоки яйцевидной (рис.3, 1) и овальной (рис.3, 2) формы. Все они найдены вблизи очага. Их поверхность хорошо заглажена и имеет пальцевые вдавления разной глубины. Если глиняные блоки неправильной формы встречаются на памятниках скифского времени повсеместно, то блоки яйцевидной формы рассматриваются исследователями в качестве одной из специфических черт, присущих ирховской культуре Посеймья и Подесенья [2, с.86-87]. На городищах лесостепного Подонья они встречены впервые.

Орудия труда представлены глиняными пряслицами различной формы (рис.3,8-11), каменными пестами (рис.3, 5) и железным серпом (рис.3, 7). Последний имеет загнутый под прямым углом к плоскости лезвия черешок. Он принадлежит к первому типу серпов классификации Ю.А.Краснова [4, с.71, рис.44]. Подобные находки известны на памятниках Среднего Дона [1, с.63, табл.12, 7]. К орудиям труда относится изделие из стенки амфоры треугольной формы с заглаженным рабочим краем в его основании (рис.3, 6). Назначение орудия неясно. Близкие аналогии неизвестны.

Из украшений на городище найден только фрагмент глазчатой бусины синего стекла (рис.3, 4). Глазки овальной формы белого цвета, диски имеют ту же форму, но синего цвета. Она принадлежит типу 54в классификации Е.М.Алексеевой [5, с.65, табл.15, 6-7]. Подобные бусы были широко распространены в Северном Причерноморье в IУ-Швв. до н.э. Эта находка дает единственное надежное свидетельство для определения времени существования

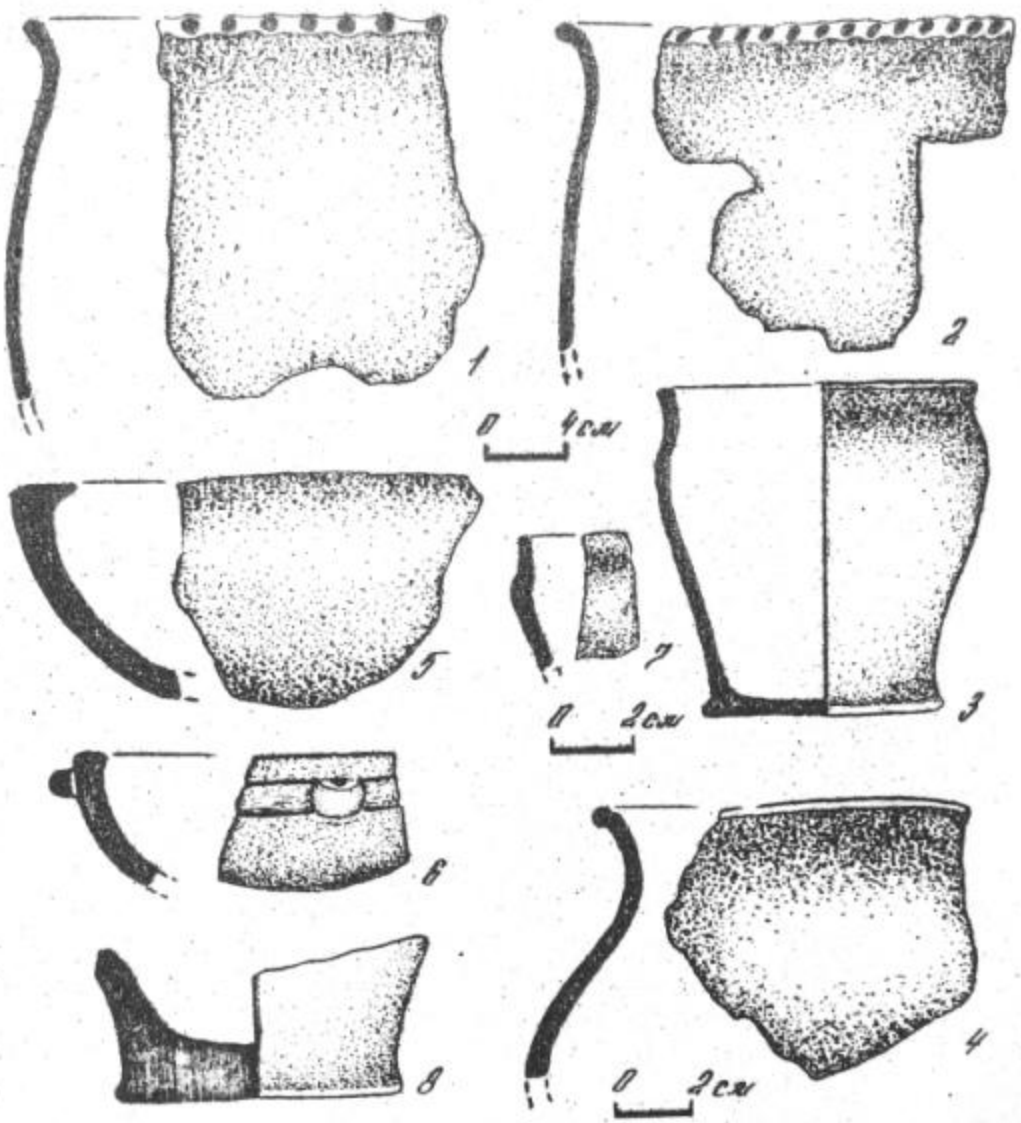


Рис. 2
Городище Чертовицкое II
Образцы керамики

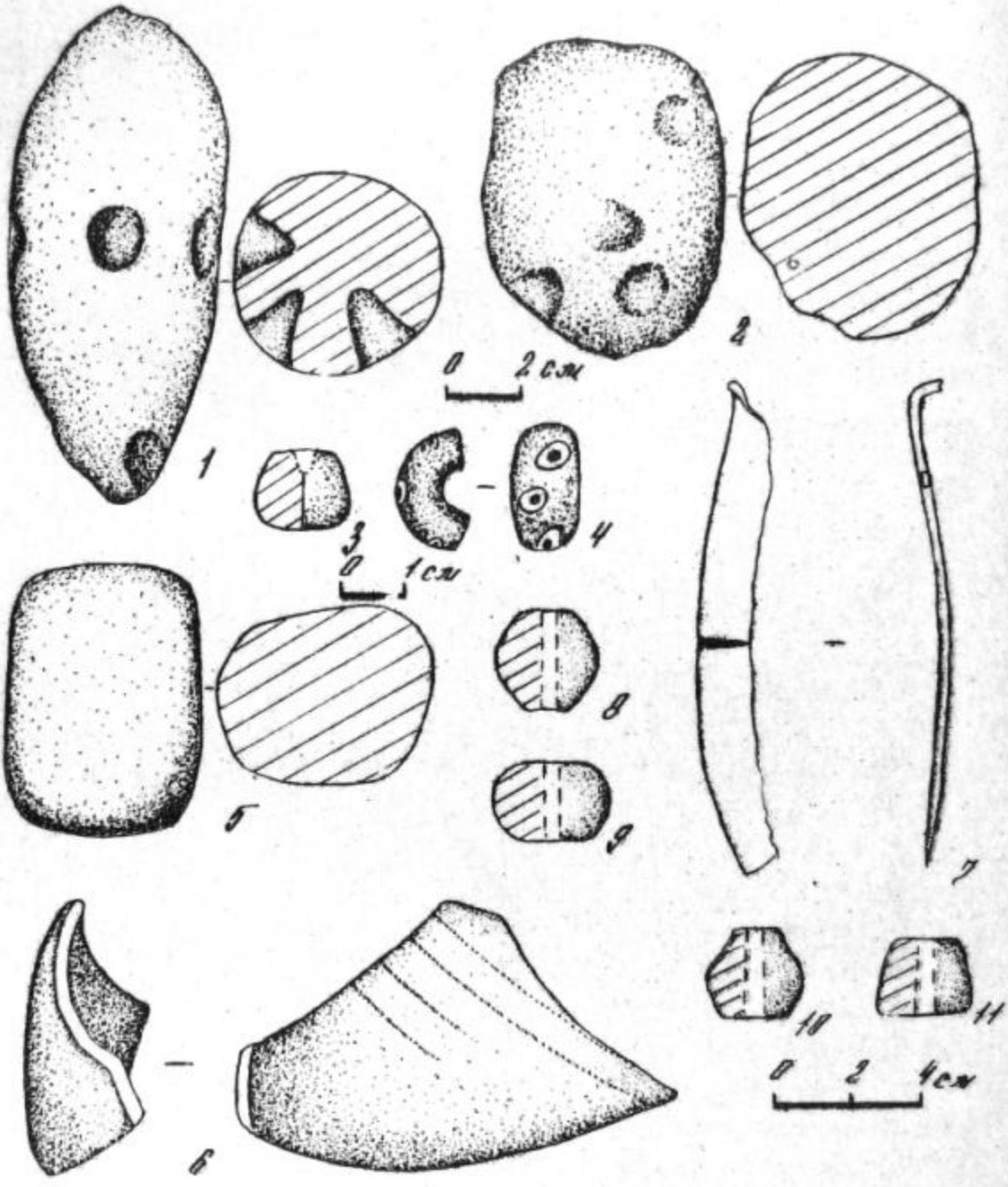


Рис. 3.
Городище Чертовицы II.
Образцы индивидуальных находок.

городища. Остальной материал не противоречит его датировке позднескифским временем.

Литература:

1. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. - 1965. - Вып.Д1-31. - 112 с.

2. Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье. - М.: Наука, 1981. - 120 с.

3. Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // МИА.-1971. - № 113. - С.41-81.

4. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. - М.: Наука, 1971. - 166 с.

5. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. - 1975. - Вып.Г1-12. - 94 с.

А.Г.Николаенко
(г.Белгород)

ПРИОСКОЛЬСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н.Э.
(Материалы к археологической карте)

С 1970 года в зоне Приосколькой лесостепи (между городами Валуйки и Старый Оскол) под руководством автора начала проводить систематические археологические изыскания краеведческая группа "Алан", организованная на базе Волоконовского Дома пионеров и школьников.

К началу работ в этой зоне было известно всего немногим более 20-ти археологических памятников эпохи бронзы и раннего средневековья. Следует отметить, что еще с конца прошлого века вошли в науку клады вещей ("древности русов"), обнаруженные у с.Колосково и у г.Валуйки [1] . В начале века оскольские памятники исследовал Н.Е.Макаренко [2, с.151], а в послереволюционное время и до Великой Отечественной войны - С.Н.Замятнин, М.Е.Фосс [3], П.И.Борисковский. Несколько памятников раннего средневековья было открыто в 50-60-е годы С.А.Плетневой [4, с.193] .

В последнее время совместно с группой "Алан" изучением памятников салтово-маяцкой культуры занимается Оскольский отряд советско-болгаро-венгерской экспедиции под руководством Г.Е.Афанасьева.

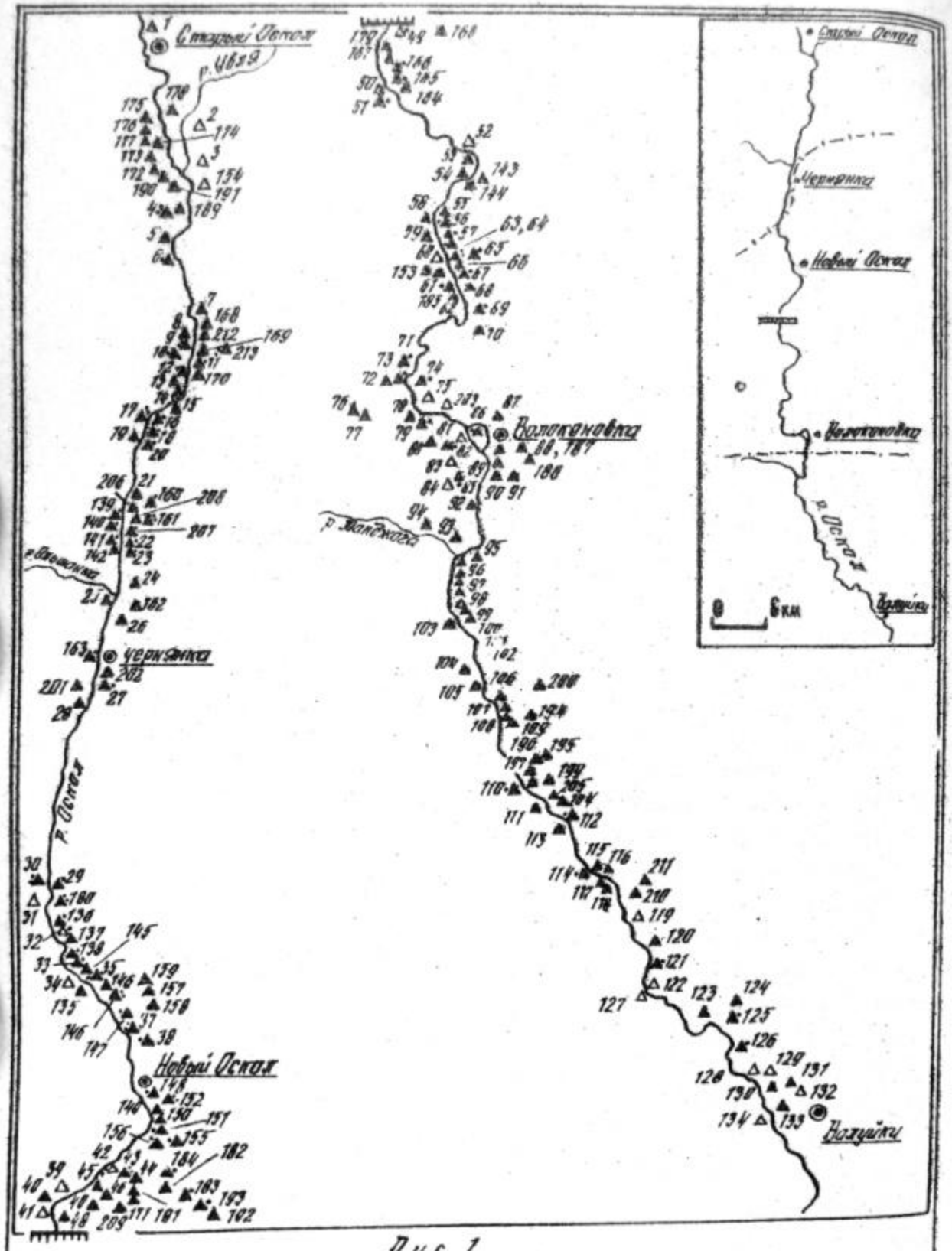


Рис. 1

Карта археологических памятников лесостепного Приосколья

Δ - ранее известные; ▲ - открытые группой "Алан"; ·—·—·—· северная граница салтово-маяцкой культуры; ·—·—·—· северная граница вондарихинской культуры; пункты металлургии: • - тип 1; : - тип 2.

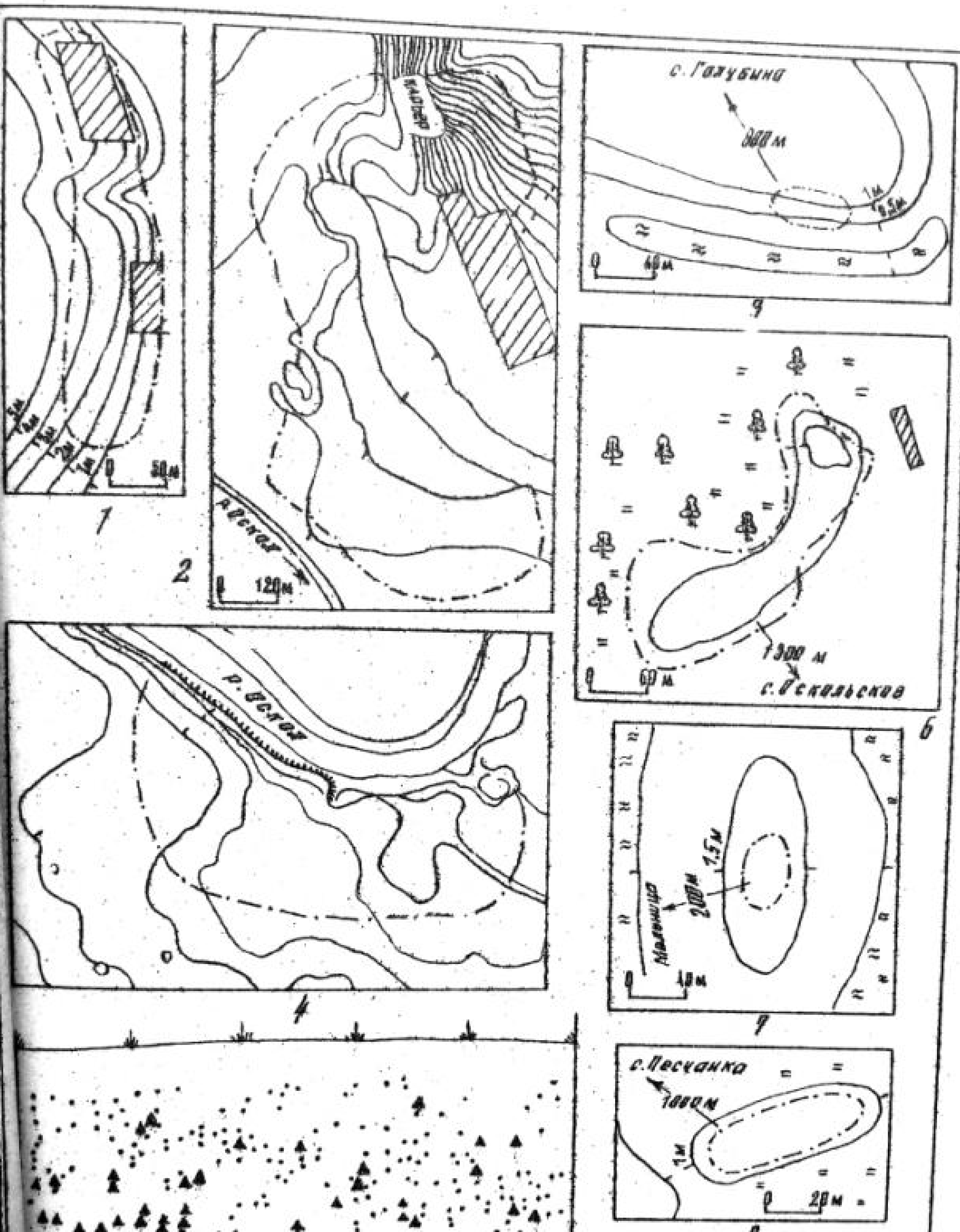


Рис. 2

Топография и стратиграфия памят. ков Приосколья

-5 - террасные стоянки; 6-8 - дюнные стоянки (1- Дачное II; 2 - Пузино; 3 - Голубино III; 4 - Товалжанка; 5 - стратиграфия Товалжанки: ▲ - керамика осколско-пеньковская - салтово-маяцкая; 6- Оскольское III;

Сейчас в долине Оскола насчитывается уже свыше двухсот памятников самых разных археологических эпох - от мезолита до раннего средневековья (рис.I). Коснемся природно-географических характеристик рассматриваемого района.

Приосколькая лесостепь является составной частью Среднего Подонья. С геологической точки зрения эта зона связана с прошлым Русской платформы и находится в пределах так называемой Воронежской антеклизы. Приосколье расположено на южном склоне Средне-русской возвышенности и на фоне общей равнинности выделяется (в границах Чернянского и Новооскольского районов) своей приподнятостью (более 200 метров над уровнем океана) [5].

На всем протяжении Оскол имеет высокий крутой правый и пологий низменный левый берег. В пойме сложились черноземные почвы. Но и другие виды почв: супеси, лесные почвы, распространившиеся по ровным участкам и склонам долины Оскола, пригодны для хозяйственной деятельности человека. Климатические условия, водный режим, богатые флора и фауна (что характерно в целом для зоны лесостепи), плодородные почвы, наличие полезных ископаемых (железо) и залежей качественного кремня - издавна привлекали в район Оскола коллективы людей. Они осваивали различные участки долины реки, но чаще селились на первых надпойменных террасах, а также на дюнных возвышениях (рис.2).

Предлагаемая работа ограничивает свою задачу анализом памятников только раннего средневековья (рис.I; 2).

I. Памятники позднезарубинецкой культуры. Выявлено шесть пунктов. Основные сведения о них представлены в таблице I.

Таблица I

Позднезарубинецкие памятники

№№ п/п и на карте (рис.I)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (в метрах)	Топография, степень сохранности	Форма исследования
I (I9)	Приосколькое, однослойное поселение, I983	I25x75	Дюна в пойме правого берега. Выс. 2 м, задернована	Сборы с поверхности
2 (I38)	Оскольское Ш, многослойное поселение, I984	320x40--I60	Дюна в пойме левого берега. Выс. 2 м, распахивается	-"-

(продолжение)

№№ п/п и на карте (рис.1)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (в метрах)	Топография, степень сохранности	Форма исследования
3 (209)	Поселение № 3 у 685 км, многослойное, 1986	90x30	Дюна в пойме левого берега. Выс. 1 м, задернована	Шурфовка
4 (188)	Стенки Изгорья, многослойное поселение, 1986	260x120	Мыс первой террасы левого берега. Выс. 3 м, распахан	Сборы с поверхности
5 (119)	У фермы колхоза "Путь Ленина", многослойное поселение (разведки Н.В.Макаренко)	580x70-80	Терраса левого берега. Выс. 7-8 м	Раскопки
6 (125)	Кузнецовка II, многослойное поселение, 1981	400x300	Дюна в пойме левого берега, распахивается	Сборы с поверхности

На поселениях выявлен керамический материал, подразделяющийся на две группы.

Первая группа - лепные кухонные округлобокие и ребристые горшки без лощения. Шероховатые поверхности серого, черного или коричневого цвета. Есть фрагменты и с бугристой поверхностью. Тесто рыхлое. Венчики слабо и плавно отогнуты, заострены или "срезаны" (у сосудов с высокой шейкой) (рис.4, 20-23). Иногда переход шейки в тулово выражен на внутренней стороне ребром (рис.4, 22). Днища с закраинами или без них.

Вторая группа - хорошо вылепленные лощеные сосуды светло-серого, серого, черного и бурого цвета. Тесто плотное, иногда с примесью песка. Лощение преобразуется в стекловидную корку. Встречаются сосуды с ребристыми поверхностями, а также с кольцевым поддоном (рис.4, 24).

Данная керамика, по имеющимся аналогиям, принадлежит зарубинецкой культуре (позднему ее периоду), датируемой I-IIвв. н.э.

Отметим, что такой керамический материал в значительном количестве встречен только на трех поселениях (по карте: №№ 19, 188, 209).

2. Памятники черняховской культуры

Выявлено девять пунктов. Их данные приведены в таблице 2.

Таблица 2

Памятники черняховской культуры

№ п/п и на карте (рис. I)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (м)	Топография, степень сохранности	Форма исследования
I (I0)	Дачное П, многослойное поселение, I982	360x65--85	Коренная терраса правого берега. Выс. I5 м, распахивается, дачное строительство	Сборы с поверхности
2 (20)	Ивановка I, однослойное поселение, I982	I55xII0	Пойма левого берега, распахивается	-"-
3 (I5)	Казачек I, однослойное поселение, I982	I00x75	Мыс первой террасы левого берега. Выс. 5 м, огороды	-"-
4 (22)	Окуни I, однослойное поселение, I98I	95x85	Первая терраса левого берега, огороды	-"-
5 (23)	Окуни П, многослойное поселение, I982	300x60--I75	Мыс первой террасы левого берега. Выс. 4 м, карьер	-"-
6 (I38)	Оскольское Ш	(см. таблицу I)		
7 (I47)	Оскольское УI, многослойное поселение, I984	220x50--II0	Первая терраса левого берега. Выс. 6 м. Усадьбы	-"-
8 (I83)	Подольхи УI, однослойное поселение, I985	260x70	Дюна в пойме левого берега. Выс. 2 м. Задернована	-"-
9 (I3I)	Симоновка I, многослойное поселение, I983	380xI80	Дюна в пойме левого берега. Выс. I м. Распахивается	-"-

На всех указанных памятниках обнаружена керамика черняховской культуры. Но лишь два из поселений - Казачок I и Дачное П имеют типичную для этой культуры топографию, остальные занимают более низкие пойменные и надпойменные участки. Возможно это объясняется их более поздним возрастом (Ув. н.э.) и выбор топографии был связан со взаимоотношениями носителей черняховской

культуры с населением культуры пеньковской. Обильный материал собран на поселении Дачное II, на остальных памятниках он собран в меньшем количестве.

Керамика подразделяется на две группы: круговую и лепную. Круговая керамика светло-серого, серого, черного, желтого и оранжевого цвета, с лощением (иногда двусторонним) или без него. На ряде фрагментов имеются царапины-риски (рис.4, II,I2), сохранившиеся от формовки. Иногда поверхности шершавые, некоторые из них - светло-серого цвета - мажутся. Есть фрагменты от сосудов реберчатых (рис.4, 4-6), с кольцевым или плиточным поддоном (рис.4, I4-I6), с закраинами или без них (рис.4, I8), с выделенной придонной частью (рис.4, I7).

Венчики сильно профилированы (рис.4, I,2,3,7), орнаментированы врезной волной или ломаной линией (рис.4, I,2). Есть фрагменты со сплошным линейным орнаментом (рис.4, 3). Несколько венчиков с поселения Дачное II - от горшков баночной формы с треугольными или квадратными наплывами по краю (рис.4, 8,9). К этой же группе принадлежат фрагменты от мисок с острым (рис.4, 4,I2) или закругленным (рис.4, II) ребром. Обломки таких же мисок, черных, с двусторонним лощением, найдены на поселении Окуни I (рис.4, I2).

Редкими находками являются фрагменты сковородок (рис.4, I3). Круговой керамике принадлежат фрагменты красных с рифленой поверхностью амфор.

Лепные сосуды черного или коричневого цвета, с вертикальными или отогнутыми шейками. Донные части с закраинами или без них. На поселении Дачное II найдены фрагменты от широкогорлых сосудов с рифленой поверхностью (рис.4, I0). Здесь же - фрагмент биконического пряслица (рис.4, I9).

Рассмотренная керамика аналогична материалам черняховской культуры и датируется III-IVвв. н.э.

3. Памятники киевской культуры

Наиболее показательным является поселение Дачное I (8). Оно занимает пойменную дюну правого берега Оскола. Площадь поселения I35x95 м. Памятник многослойный, открыт в I982 году. Керамика отсюда в основном лепная, коричневого или бурого цвета с бугристой поверхностью, неорнаментированная. Тесто рыхлое и грубое. По форме - это округлобокие горшки со слабо отогнутыми венчиками (рис.5, 6,7,8), срезанными наружу, либо с закругленными краями (рис.5, 7,8) и реже - с наплывами (рис.5,6).

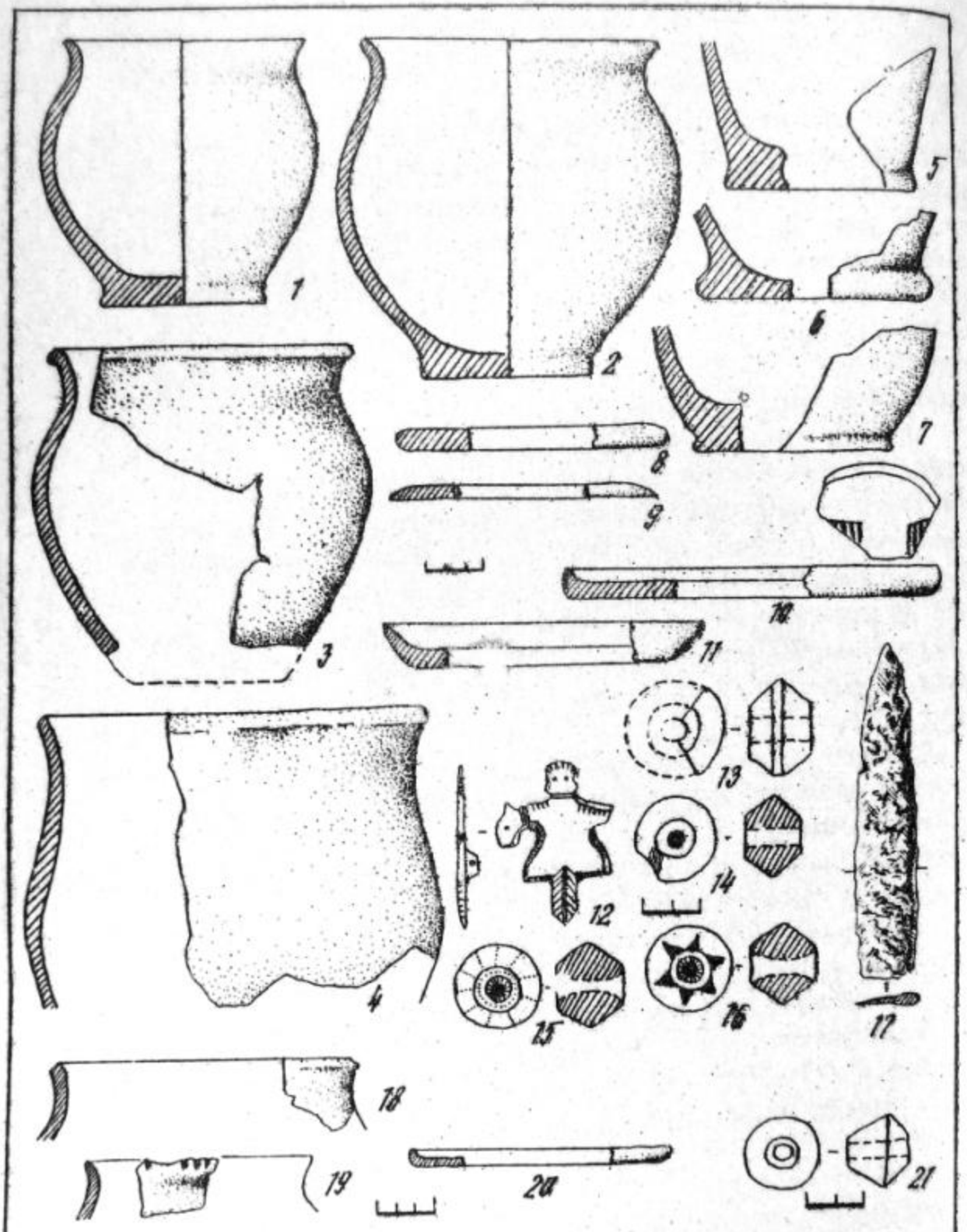


Рис. 3

Материалы лесостепного Приосколья

1-17 - Оскольско-пеньковская культура; 18-21 - оскольская культура (1,2,10,13 - Таволжанское; 3 - Волоконовка I; 4,9 - Волоконовка III; 11 - Подольхи VIII; 5,6,12 - Пузинское; 7 - Окуни II; 8,16 - Колосково II; 14 - Подольхи IV; 17 - Нижнее Чуфичево; 18 - Голубкино III; 19,20 - Голубино II; 21 - пос. у Новооскольской лесной школы).

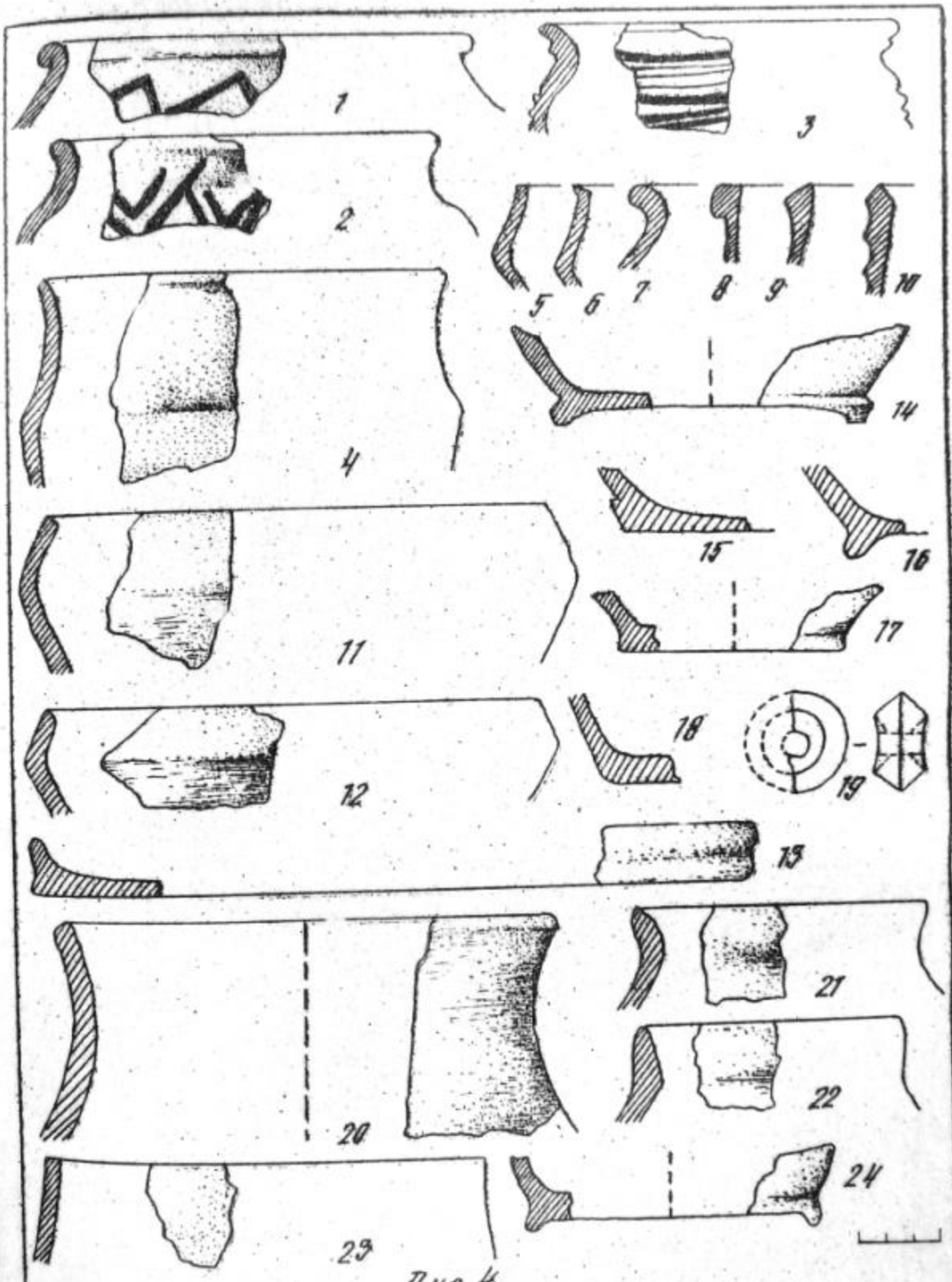


Рис. 4

Материалы лесостепного Приосколья

1 - Силановка; 2,5,6,8-10,13-19 - Дачное; 3,7 - Оскольское III; 4,11 - Окуни II; 12 - Окуни I; 20-24 - Приоскольское поселение.

Встречено небольшое количество фрагментов от сковородок (рис.5, 9) и от красных амфор. Здесь же встречаются обломки от дисков (рис.5, I0). Днища горшков с закраинами (рис.5, II).

Интересны также находки двух пряслиц, одно из которых имеет точечный орнамент (рис.5, I2).

Аналогичная рассмотренной лепная керамика в значительном количестве зафиксирована также на соседнем поселении Дачное П (I0), в единичных экземплярах - на Холковском городище (3I), а также на поселениях Пятницкое Центральное (99) и Пятницкое IУ (97).

Прямые параллели таким материалам мы встречаем на памятниках киевского типа, что дает возможность предполагать их одно-культурность и датировать Ш-Увв. н.э.

Таким образом, рассмотренные памятники убедительно подтверждают, что Приоскольская лесостепь в первой половине I тыс. до н.э. была освоена группами населения зарубинецкой, черняховской и киевской археологических культур.

В этой связи данный регион можно рассматривать восточной границей названных культур. Единичность же встречаемости здесь черняховской и киевской керамики позволяет предполагать, что потомки носителей этих культур вошли составной частью в новые этнокультурные образования третьей четверти I тыс. н.э.

4. Памятники оскольской культуры

Таблица 3

Памятники оскольской культуры

№№ п/п и на карте (рис.I)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (м)	Топография, степень сохранности	Формы исследования
I (I78)	Поселение № 3 у Старооскольских очистных сооружений, однослойное, I985	25x20	Дюна в пойме левого берега. Выс. I м. Распахивается	сборы с поверхности
2 (I73)	Сорокино П, однослойное поселение, I985	50x30	Дюна в пойме правого берега. Выс. I,5м. Распахивается	-"-
3 (I89)	Нижнее Атаманское I, однослойное поселение, I986	II0x70	Дюна в пойме правого берега. Выс. I,5 м. Распахивается	-"-

продолжение

№№ п/п и на карте (рис.I)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (м)	Топография, степень сохранности	Форма исследования
4 (I90)	Аксеи зка I, однослойное поселение, I986	I40x90	Дюна в пойме правого берега. Выс. I,5 м. Распахивается	сборы с поверхности
5 (I9I)	Аксеновка П, однослойное поселение, I986	50x30	Участок правобережной поймы. Распахивается	-"-
6 (I37)	Елецкое Ш, однослойное поселение, I984	60x50	Ровный участок левобережной поймы. Распахивается	-"-
7 (I38)	Сокольское Ш, многослойное поселение, I984	55x40	Ровный участок левобережной поймы. Распахивается	-"-
8 (I57)	Голубино П, многослойное поселение, I985	I00x60	Дюна в пойме левого берега. Выс. I м. Распахивается	-"-
9 (I58)	Голубино Ш, однослойное поселение, I985	65x20	-"-	-"-
I0 (I59)	Голубино IУ, однослойное поселение, I985	50x50	-"-	-"-
II (36)	Поселение у Новооскольской лесной школы, однослойное, I980	I20x75	Ровный участок левобережной поймы. Распахивается	-"-
I2 (I7I)	Песчанка IУ, многослойное поселение, I985	60x25	Дюна в пойме левого берега. Выс. I м. Распахивается	-"-
I3 (I23)	Колосково Ш, многослойное поселение, I982	450x100 и 500x100	Ровные участки левобережной поймы. Распахиваются	-"-

На основании приведенной таблицы можно отметить ряд специфических признаков. Во-первых, поселения размещены равномерно по всей зоне оскольской лесостепи (рис.I). Во-вторых, площадь поселений относительно невелика. В-третьих, поселения расположены среди озер, болот и проток, т.е. характеризуются островным типом. В-четвертых, местоположение поселений - на низких

ровных участках или на низких донах. Наконец, в-пятых, слои поселений бедны культурными остатками. Подъемный материал представлен керамикой и расколотыми костями домашних животных. Керамика в подавляющем большинстве лепная, коричневого или серого цвета, поверхности обычно приглажены, мягкие и "пачкающие". Тесто рыхлое, легко рассыпающееся. Многие фрагменты принадлежат неорнаментированным тонкостенным округлобоким горшкам со слабо отогнутыми (рис.3, I8,I9), срезанными наружу (рис.3, I8) венчиками. В единичных случаях венчики орнаментированы боковыми насечками (рис.3, I9) или ямками. Путем магнитной сепарации удалось выявить в тесте этих черепков примесь бурого железняка в порошкообразном состоянии. Среди керамики иногда встречаются фрагменты сковородок (рис.3, 20), а на одном из поселений обнаружено биконическое пряслице (рис.3, 2I).

На некоторых поселениях (Голубино П, IУ, Колосково Ш) среди керамики оскольской культуры встречаются фрагменты круговой посуды (в том числе и амфор). Самостоятельного комплекса они не образуют, но имеют черняховский облик. Вместе с тем, на этих, в большинстве случаев однослойных памятниках, нет ни пеньковской, ни салтово-маяцкой керамики. Такая ситуация предоставляет нам возможность датировать поселения оскольской культуры У-УIвв. н.э.

5. Памятники оскольско-пеньковской культуры

Известно, что часть зоны Приокольской лесостепи является классическим районом распространения алано-болгарских археологических памятников салтово-маяцкой культуры. Но перед приходом аланов и древних болгар долина Оскола была заселена значительным контингентом местного, коренного населения. Здесь были не только потомки населения, создавшего позднезарубинецкую, черняховскую, киевскую и оскольскую культуры. В долине Оскола успешно развивало производительные силы население культуры пеньковского облика. Пеньковский облик его определяется тем материалом, суммарную характеристику которому мы дадим ниже. Культурная принадлежность материала определяет и хронологию поселений пятой группы - УI-УIIвв. н.э. Но в нашем случае для некоторых поселений пеньковского облика эта хронология раздвигает свои рамки до X века н.э.

Дело в том, что в Оскольской долине нам удалось определить (с относительной точностью) северную границу распространения памятников салтово-маяцкой культуры, а вместе с тем и

алано-болгарского расселения. Она проходит по линии Холковское городище (правый берег) - поселения у с.Скуни (левый берег) (рис.I). Поэтому, если поселения пеньковского облика расположены в зоне алано-болгарского расселения и имеют в культурном слое салтово-маяцкую керамику, то такие поселения мы датируем двумя периодами: УI - начало УШвв. н.э. и УШ-Хвв. н.э. Два хронологических этапа поселений оскольско-пеньковского облика не означают каких-то коренных этнических изменений или культурно-хронологического разрыва в их жизни. Второй этап выражает сохранение и дальнейшее развитие этнического состава, преемственность в развитии культуры при контакте с переселившимися аланами и древними болгарами.

Если же поселения пеньковского облика, расположенные в зоне алано-болгарского расселения, не содержат салтово-маяцкой керамики, то эти поселения мы датируем УI-началом УШвв. н.э. Прекращение жизни на них в конце УП-начале УШвв. н.э., вероятно, результат внутрирегиональных передвижений.

Но в Оскольской долине есть и другая зона с памятниками пеньковского облика. Она находится к северу от границы распространения салтово-маяцкой культуры (рис.I). Здесь на пеньковских памятниках нет ни салтово-маяцкой керамики (за исключением единичных находок), ни какой-либо другой более поздней. При такой ситуации мы не можем предполагать перерыв в жизни на этих поселениях УШв. н.э. (общепринятой верхней датой пеньковской культуры) и датируем их более широко УI-Хвв. н.э.

Приведем таблицу памятников оскольско-пеньковского облика:

Таблица IУ

Оскольско-пеньковские памятники

№ п/п и на карте (рис.I)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (м)	Топография, степень сохранности	Датировка (вв. н.э.)	Форма исследования
I (6)	Нижнее Чуфичево поселение, I982	95x95	Терраса правого берега	УI-Х	Сборы с поверхности
2 (I0)	См. табл.2				
3 (20)	Ивановка I поселение, I982	I55xII0	Пойма левого берега	-"-	-"-

продолжение

№№ п/п и на карте (рис.I)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (м)	Топография, степень сохранности	Датировка (вв. н.э.)	Форма исследования
4 (I8)	Ивановка П, поселение, I982	2I0xI20	Терраса левого берега	УI-X	сборы с поверхности
5 (I6)	Поселение между сс.Ивановкой и Казачек, I982	I75x90	-"-	-"-	-"-
6 (I2)	Казачек П, поселение, I982	I25x60	Пойма правого берега	-"-	-"-
7 (II)	Голофеевское поселение, I982	I55xI00	Терраса левого берега	-"-	-"-
8 (I72)	Сорокино I, поселение, I985	33x24	Пойма левого берега	-"-	-"-
9 (2I)	Волоконовское-Чернянское I поселение, I98I	450x450	-"-	-"-	-"-
I0 (I39)	Завалишенское поселение, I984	I70xI30	Правый коренной берег	-"-	-"-
II (I40)	Антонов хутор I, поселение, I984	I00xI00	Пойма правого берега	-"-	-"-
I2 (I4I)	Антонов хутор П, поселение, I984	50x45	-"-	-"-	-"-
I3 (I60)	Волоконовка-Чернянское П, поселение, I985	200x70	Терраса левого берега	-"-	-"-
I4 (206)	Завалишено П, поселение, I986	90x85	Пойма левого берега	-"-	-"-
I5 (207)	Завалишено Ш, поселение, I986	I90x30--80	-"-	-"-	-"-
I6 (208)	Завалишено IУ, поселение, I986	I70x70-	-"-	-"-	-"-
I7 (I63)	Красный Остров, поселение, I985	60x40	-"-	-"-	-"-
I8 (I68)	Новиково П, поселение, I985	2I0x20--60	Терраса левого берега	-"-	-"-
I9 (I62)	Морквино П, поселение, I985	40x30	Пойма левого берега	-"-	-"-

продолжение

№ п/п и на карте (рис.1)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (м)	Топография, степень сохранности	Датировка (вв. н.э.)	Форма исследования
20 (31)	Холки, городище, известное ранее	95x85	Правый коренной берег	УI-УШ--X	раскопки
21 (22)	См. табл.2			-"-	сборы с поверхности
22 (23)	См. табл.2			-"-	-"-
23 (136)	Блецкое II, поселение, 1984	670x300	Пойма левого берега	УI-УШ	-"-
24 (33)	Оскольское II, поселение, 1983	500x80--160	-"-	-"-	-"-
25 (138)	См. табл.I			-"-	-"-
26 (147)	Оскольское УI, поселение, 1984	220x50--110	Терраса левого берега	-"-	-"-
27 (148)	Новооскольское I, поселение, 1984	108x80	Пойма левого берега	-"-	-"-
28 (151)	Новооскольское IУ, поселение, 1984	270x70	Терраса левого берега	УI-УШ--X	-"-
29 (155)	Подольхи Ш, поселение, 1985	120x70	-"-	-"-	-"-
30 (156)	Подольхи IУ, поселение, 1985	620x200--300	-"-	-"-	-"-
31 (183)	См. табл.2			УI-УШ	-"-
32 (184)	Подольхи УП, поселение, 1985	260x50	Пойма левого берега	-"-	-"-
33 (49)	Таволжанка, поселение, ранее известное	675x250--300	-"-	УI-УШ--X	-"-
34 (165)	Таволжанка П, поселение, 1985	160x70	Терраса левого берега	УI-УШ	-"-
35 (166)	Таволжанка Ш, поселение, 1985	140x70	-"-	УI-УШ--X	-"-
36 (167)	Таволжанка IУ, поселение, 1985	120x60	-"-	УI-УШ	-"-
37 (164)	Слоновка Ш, поселение, 1985	230x65	Терраса левого берега	-"-	-"-

продолжение

№№ п/п и на карте (рис.I)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (м)	Топография, степень сохранности	Датировка (вв. н.э.)	Форма исследования
38 (56)	Новоивановка П, поселение, 1983	100x60	Терраса левого берега	УI-УШ--Х	сборы с поверхн.
39 (63)	Коровино Ш, поселение, 1983	150x50	-"-	-"-	
40 (69)	Рождественское, поселение, 1981	370x25-	-"-	-"-	-"-
41 (89)	Волоконовка I, поселение, 1982	200x60	-"-	-"-	-"-
42 (86)	Волоконовка Ш, поселение, 1983	560x60	Пойма левого берега	-"-	-"-
43 (99)	Пятницкое Центр., поселение, 1983	380x90	Терраса левого берега	-"-	-"-
44 (103)	Осколище I, поселение, 1983	215x50--65	Пойма прав. берега	УI-УШ	-"-
45 (110)	Троицкое, поселение, 1983	127x25--37	Терраса правого берега	-"-	-"-
46 (109)	Ветчининовское, поселение, 1981	355x40	Терраса левого берега	УI-УШ--Х	-"-
47 (119)	См. табл.I			УI-УШ	-"-
48 (120)	Колосково I, поселение, 1981	265x60--80	-"-	УI-УШ--Х	-"-
49 (121)	Колосково П, поселение, 1982	160x105	-"-	-"-	-"-
50 (199)	Овчинниково У, поселение, 1986	160x55	Пойма лев. берега	-"-	-"-
51 (204)	Овчинниково УI, поселение, 1986	125x95	-"-	-"-	-"-
52 (112)	Пузинское, поселение, 1981	750x370	-"-	-"-	-"-
53 (114)	Поминово, поселение, 1982	70x40	Пойма прав. берега	-"-	-"-
54 (116)	Хохлово I, поселение, 1981	380x70	Терраса лев.берега	-"-	-"-
55 (115)	Хохлово П, поселение, 1982	460x80	Пойма лев. берега	-"-	-"-
56 (126)	Кузнецовка I, поселение, 1981	540x70--180	-"-	-"-	-"-
57 (125)	Кузнецовка П, поселение, 1981	400x300	-"-	-"-	-"-
58 (130)	Симоновка II, поселение, 1983	180x100	-"-	УI-УШ	-"-

Пеньковская лепная керамика коричневого или серого цвета, тонкостенная. Поверхность бугристая или шероховатая. Днища небольшого диаметра и нередко массивные (рис.3, 5,6,7). Почти вся керамика не орнаментирована, венчики слабо отогнуты (рис.3, I,2,3) или срезаны (рис.3, 4). Тесто рыхлое, в примеси шамот, бурый железняк (железная руда) или металлургический шлак. Придонные части выделены (рис.3, I,2,6,7), иногда с выемкой. Среди форм преобладают округлобокие горшки (рис.3, I-3). Есть фрагменты от горшков тюльпановидной (рис.3, 4) и ребристой форм. Встречаются фрагменты от горшков с вертикальным венчиком. Реже попадаются обломки дисков (рис.3, 8,9) и сковородок (рис.3, I0, II). Такой керамике сопутствуют обломки круговых красноглиняных амфор с шероховатыми поверхностями и с примесью в тесте бурого железняка.

Встречены также сыродутные горны втановского типа (рис.5, 2,3,4), колбообразные тигли в развалах или целых формах (Оскольское П), выбросы чернометаллургического шлака, биконические пряслица (рис.3, I3-I6), фрагменты железных ножей с "горбатой" спинкой (рис.3, I7), фрагмент антропозооморфной фибулы (рис.3, I2) и разбитые кости домашних животных.

Из перечисленных признаков для классических пеньковских древностей неизвестны примесь в тесте железной руды и наличие сыродутных горнов втановского типа, в связи с чем мы называем эти древности оскольско-пеньковскими.

Четырнадцать поселений данного облика, расположенные в центре лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры, были основаны и функционировали в УI-УШвв. н.э., т.е. до переселения в Донской регион аланo-болгарского населения.

У местного, оскольско-пеньковского населения в этот период успешно развивается черная металлургия. Сыродутные горны втановского типа, в основе которых был колбообразный тигель, появились в Оскольской лесостепи именно в УI-УШвв. н.э. и создателями их было местное, пеньковское население.

В связи с широким развитием черной металлургии в гончарном ремесле оскольско-пеньковского населения появилась технологическая особенность - подмешивать в глиняное тесто мелкодробленый бурый железняк (железную руду) или чернометаллургический шлак. Этот факт - один из примеров безотходного производства в эпоху раннего средневековья.

Надо отметить, что 24 поселения содержат салтово-маяцкую

керамику. Из них на 14 обнаружен шлак и развалы колбообразных тиглей, на пяти поселениях в пеньковской керамике зафиксирована примесь железной руды. Эта же примесь металлургического характера зафиксирована в салтово-маяцкой керамике на большинстве этих поселений.

При таком положении вполне очевидно, что и в более позднее время (УШ-Хвв. н.э.) эти поселения продолжали функционировать, в них развивалась черная металлургия и сохранялась традиция подмешивать в глиняное тесто (уже при круговом производстве) шлак или железную руду. Этнический состав поселений в основном оставался тем же. Вполне понятно, что непосредственная близость алано-болгарской группы приводила к метисации оскольского населения и формированию нового этнического объединения. Но одним из составляющих компонентов его было коренное, оскольско-пеньковское население, никуда не сдвигавшееся, но активно воспринявшее в условиях алано-болгарского расселения все новое и передовое для дальнейшего развития производительных сил. Несомненно, такой процесс был двухсторонним. Культура той и другой группы, взаимообогащаясь, приобрела новые черты и признаки. Обе они, трансформируясь, привели к созданию лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

6. Памятники салтово-маяцкой культуры

Мы ограничимся лишь сводной таблицей оскольских салтово-маяцких памятников, на которых не обнаружена оскольско-пеньковская керамика.

Таблица У

Памятники салтово-маяцкой культуры

№№ п/п и на карте (рис.I)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (м)	Топография, сохранность
I (24)	Морквино, поселение, 1981	-	надпойма левого берега
2 (32)	Елецкое, поселение, разведки С.А.Плетневой	750x250	-"-
3 (29)	Ездочное, поселение, 1980	170x100	пойма левого берега
4 (27)	Чернянское, поселение, 1980	1750x100--250	надпойма левого берега
5 (35)	Оскольское, поселение, 1980	1350x110--200	-"-

продолжение

№№ п/п и на карте (рис.1)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (м)	Топография, сохранность
6 (135)	Голубинский кирпичный завод, поселение, 1980	1200x200	правый коренной берег
7 (38)	Свистовка, поселение, 1980	128x200	надпойма левого берега
8 (149)	Новооскольское II, поселение, 1984	130x50	пойма левого берега
9 (150)	Новооскольское III, поселение, 1984	120x25	-"-
10 (39)	Песчанка, укрепление, разведки С.А.Плетневой	-	-
11 (42)	Песчаное, селище, разведки С.А.Плетневой	1000x100	пойма левого берега
12 (171)	Песчанка IУ, поселение, 1985	60x25	-"-
13 (179)	Таволжанка У, поселение, 1985	80x70	надпойма левого берега
14 (192)	№ 1 у 685 км, поселение, 1986	36x15	левый коренной берег
15 (50)	Слоновское, селище, разведки С.А.Плетневой, 1958	-	-
16 (193)	№ 2 у 685 км, поселение, 1986	165x70	левый коренной берег
17 (51)	Слоновка, селище, 1979	350x270	правый коренной берег
18 (53)	Жилино Северное, поселение, 1980	300x250	надпойма правого берега
19 (54)	Жилино Южное, поселение, 1980	550x400	пойма правого берега
20 (55)	Новоивановка I, поселение, 1983	125x55	надпойма левого берега
21 (57)	Новоивановка III, поселение	195x105	-"-
22 (65)	Коровино У, поселение, 1983	190x95	пойма левого берега
23 (67)	Коровино I, поселение, 1983	220x130	-"-
24 (60)	Афоньевское, городище, разведки С.А.Плетневой	170x30-45	правый коренной берег
25 (61)	Афоньевское, селище, 1972	800x550	-"-

продолжение

№№ п/п и на карте (рис.1)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (м)	Топография, сохранность
26 (153)	Афоньевский катакомбный могильник, 1984	400x325	правый коренной берег
27 (185)	Афоньевское III, поселение, 1985	180x70	пойма правого берега
28 (68)	Староивановское, поселение, 1983	170x30	надпойма левого берега
29 (71)	Столбище I, селище, 1972	620x200	правый коренной берег
30 (72)	Столбище II, селище, 1973	450x420	правый коренной берег
31 (73)	Столбищенский катакомбный могильник, 1973	-	-"-
32 (74)	Заломенское, селище, 1973	450x300	пойма правого берега
33 (75)	Заломное Южное, поселение, 1980	260x60	надпойма левого берега
34 (81)	Ютановское, городище, разведки С.А.Плетневой	170x100	правый коренной берег
35 (80)	Ютановское, укрепление, 1973	70x40	мыс правого коренного берега
36 (83)	Ютановка I, поселение, разведки С.А.Плетневой	400x400--500	-"-
37 (79)	Ютановка II, поселение, 1973	1300x350--300	пойма и надпойма правого берега
38 (78)	Ютановский катакомбный могильник, 1973	-	правый коренной берег
39 (87)	Волоконовский ямный могильник, 1973	40x20	левый коренной берег
40 (88)	Два ямных погребения в Волоконовке, 1977	-	надпойма левого берега
41 (91)	Одиночное ямное погребение у южной окраины Волоконовки, 1976	-	-"-
42 (85)	Нижне-Лубянское, поселение, разведки С.А.Плетневой	250x220	правый коренной берег
43 (84)	Нижне-Лубянский катакомбный могильник	200x150	-"-
44 (93)	Средне-Лубянское, поселение, 1973	650x70--170	надпойма правого берега

продолжение

№ п/п и на карте (рис.1)	Название, характер и год открытия памятника	Размеры (м)	Топография, сохранность
45 (92)	Средне-Лубянское I, поселение, 1974	550x200--300	пойма правого берега
46 (94)	Вадокимовское, селище, 1974	180x100	надпойма левого берега
47 (96)	Пятницкое Северное, поселение, 1980	750x170--480	-"-
48 (95)	Пятницкий питомник, поселение, 1983	150x130	-"-
49 (100)	Пятницкое, поселение, разведки С.А.Плетневой	-	-"-
50 (102)	Козловка I, поселение, 1983	160x60	надпойма левого берега
51 (105)	Верхне-Яблоновское, поселение, 1974	180x60	пойма правого берега
52 (104)	Верхне-Яблоново II, поселение, 1983	180x90	-"-
53 (118)	Гладково II, поселение, 1983	340x200	-"-
54 (131)	См. табл.2		

7. Памятники раннесредневековой черной металлургии

В ходе наших разведок обнаружен ранее неизвестный вид археологических памятников в лесостепном Приосколье - пункты древней металлургии (ПДМ). Все они по времени относятся ко второй половине I-го тыс. н.э. и представлены двумя типами: на поселениях (тип I) и вне связи с ними (тип II). Пункты древней металлургии определяются по развалам колбообразных тиглей втановского типа или чёрнометаллургическим шлаковым выбросам. На ПДМ первого типа тиглям и шлакам сопутствует в значительном количестве керамика оскольско-пеньковской или салтово-маяцкой культуры. На ПДМ второго типа керамика этих культур либо отсутствует, либо встречена единично. ПДМ второго типа имеют незначительную площадь, располагаются обычно на пойменных всхолмлениях или надпойменной террасе (реже - на коренном берегу) и всегда вблизи водоемов (рис.5, I).

Всего обнаружено 55 пунктов древней металлургии первого типа и 15 второго. Следовательно, Приосколькая лесостепь во

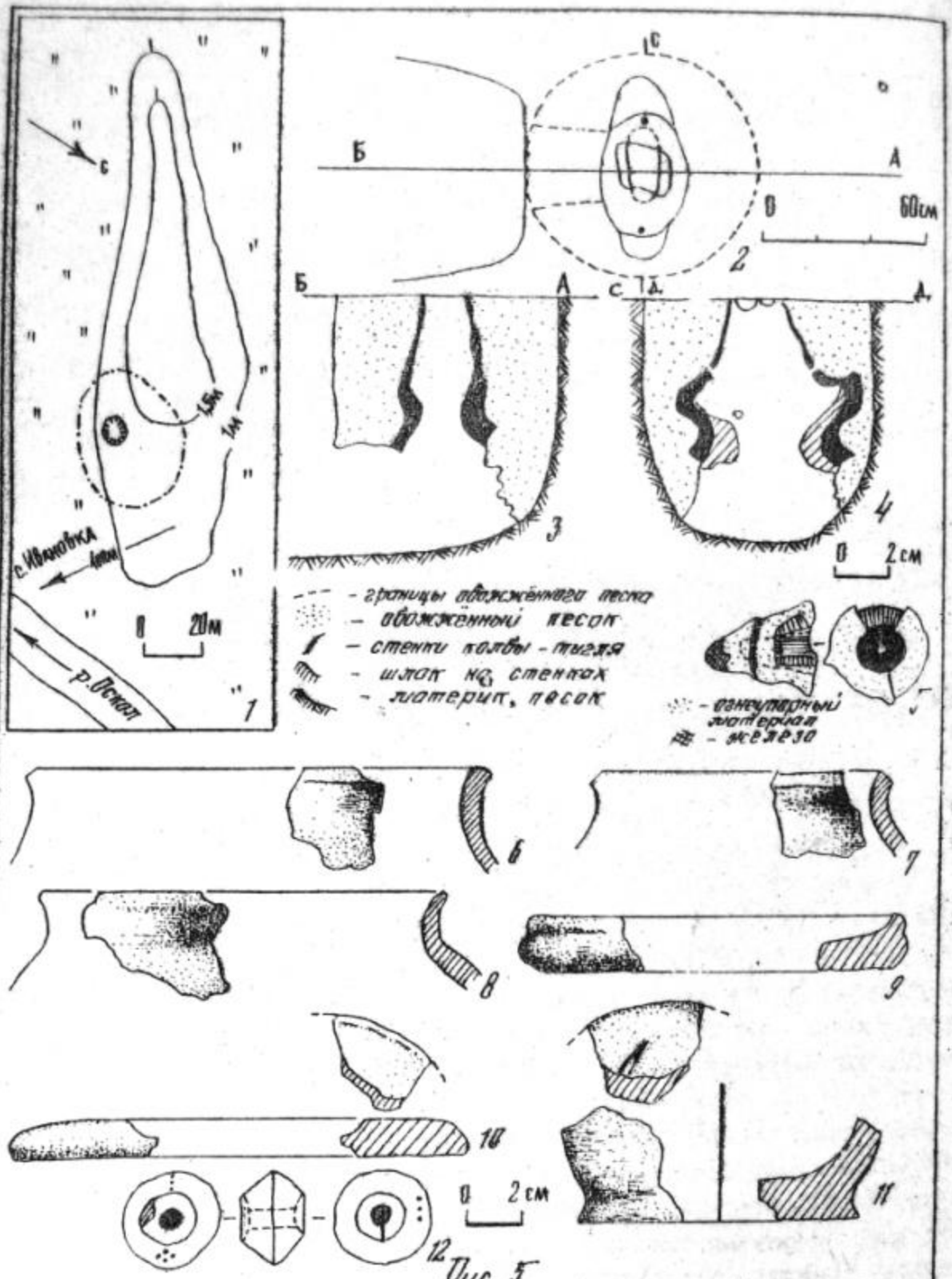


Рис. 5

1- пункт древней металлургии "Ивановка III"; 2-4- сыродутный горн юнатовского типа VII-VIII вв. н.э: Поселение Оскольское II; 5- устройство для подачи воздуха в сыродутный горн юнатовского типа. Пос. Завалишено III (VI-XIв).

6-12- находки киевской культуры. Дачное - I.

второй половине I тыс. н.э. являлась крупным центром черной металлургии Юго-Восточной Европы.

На двадцати ПДМ первого типа и четырнадцати второго типа зафиксированы развалы или целые формы (Ютановка П, Ездочное, Оскольское П) колбообразных тиглей от сыродутных горнов ютановского типа (рис.5, 2,3,4). Уникальность конструкции данного типа сыродутного горна не вызывает сомнений. Очевидно, что конструкция - следствие специфической технологии производства железа в Оскольской лесостепи (ныне один из районов Курской магнитной аномалии). Изучение древней технологии - дело будущего, но уже и сейчас проступает ее своеобразие.

Ждет своего объяснения процесс подачи воздуха в камеру тигля. Несмотря на то, что в Оскольском Поднепровье уже исследованы три хорошо сохранившихся горна ютановского типа, до сих пор не обнаружено ни одного сопла, традиционно применявшихся в сыродутных горнах других конструкций. Колбообразность формы тигля тоже требует своего объяснения.

В 1986 году на Завалишенском пункте древней металлургии (рис.I № 207) нами обнаружен весьма интересный фрагмент, явно предназначенный для подачи воздуха (рис.5, 5). Он имеет конусообразную форму, его вершина состоит из железа, остальная часть из того же огнеупорного материала, что и тигли. Через конус проходит несквозное отверстие диаметром I,5 см. В боковой стенке конуса есть прямоугольное отверстие, которое предназначалось для выхода продуваемого воздуха. Вероятно, такое устройство, не имеющее пока аналогий, могло применяться только внутри колбообразного тигля. Возможно, что оно находилось в области плечиков тигля. Интересно, что диаметр несквозного отверстия в этом устройстве равен диаметру отверстий в стенках колбообразных тиглей.

Заканчивая наш обзор, еще раз можно констатировать, что Приоскольская лесостепь на протяжении всего I тыс. н.э. без ощутимых перерывов была занята оседлым населением различных археологических культур.

Литература:

I. Отчеты Археологической комиссии. 1895 год // СПб. - 1897.

2. Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905г. // Известия

императорской археологической комиссии. - С.Петербург, 1906. - Вып.19.

3. Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936гг.: Краткие отчеты и сведения // В.В.Гольмстен (отв.ред.). - М.-Л., 1941.

4. Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. - 1967. - № 142.

5. Галимская К.К. География Белгородской области. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976. - 215 с.

М.В.Цыбин
(Воронежский университет)

ГОРОДИЩЕ ИВНИЦЫ

Городище Ивницы находится в 0,2 км к юго-востоку от с.Ивницы Рамонского района Воронежской области. Оно занимает мыс правого берега р.Воронеж, высотой 36 м (рис.I, А). Городище имеет округлую форму диаметром 45-47 м. Со стороны плато и с пологой южной стороны оно защищено рвом шириной 5-12 м, глубиной до 3,6 м (от дна рва до площадки городища). С северной стороны прослеживается эскарпирование склона.

Памятник был открыт разведкой А.П.Медведева в 1979 году [I, с.31, рис.103] и исследовался отрядом археологической экспедиции ВГУ в 1981 и 1983 гг. [2, с.50].

На площади городища заложен раскоп (180 кв.м) и два разведочных шурфа (рис.I, Б). Вскрытие напластования имеет мощность 0,2-0,8 м. Кроме материалов позднего средневековья, публикации которых посвящена данная статья, раскоп содержал материалы эпохи бронзы и ранего железного века.

Следует отметить хорошую насыщенность культурного слоя русской керамикой. На 180 кв.м вскрытой раскопом площади обнаружено 4150 фрагментов. Керамика позднего средневековья залегала в первых двух пластах культурного слоя: в первом пласте (0,2 м) - 74,5%, во втором - 25%.

По функциональному назначению русская керамика делится на следующие категории: горшки с крышками от них; миски; кувшины. Последние две категории представлены лишь единичными фрагментами.

По технологии обжига русскую керамику можно разделить на

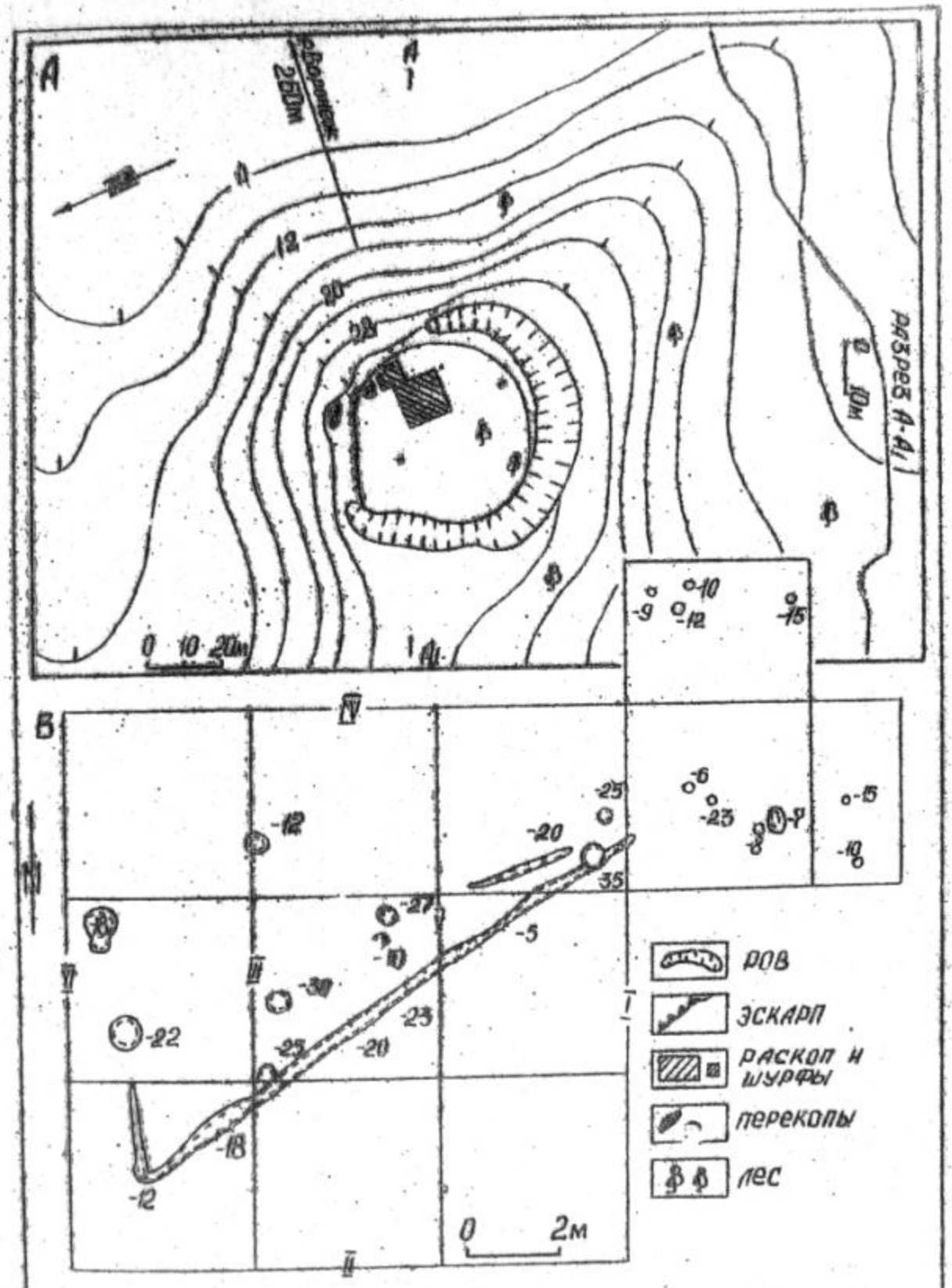


Рис. 1. А - план городища Швицы; Б - план раскопс.

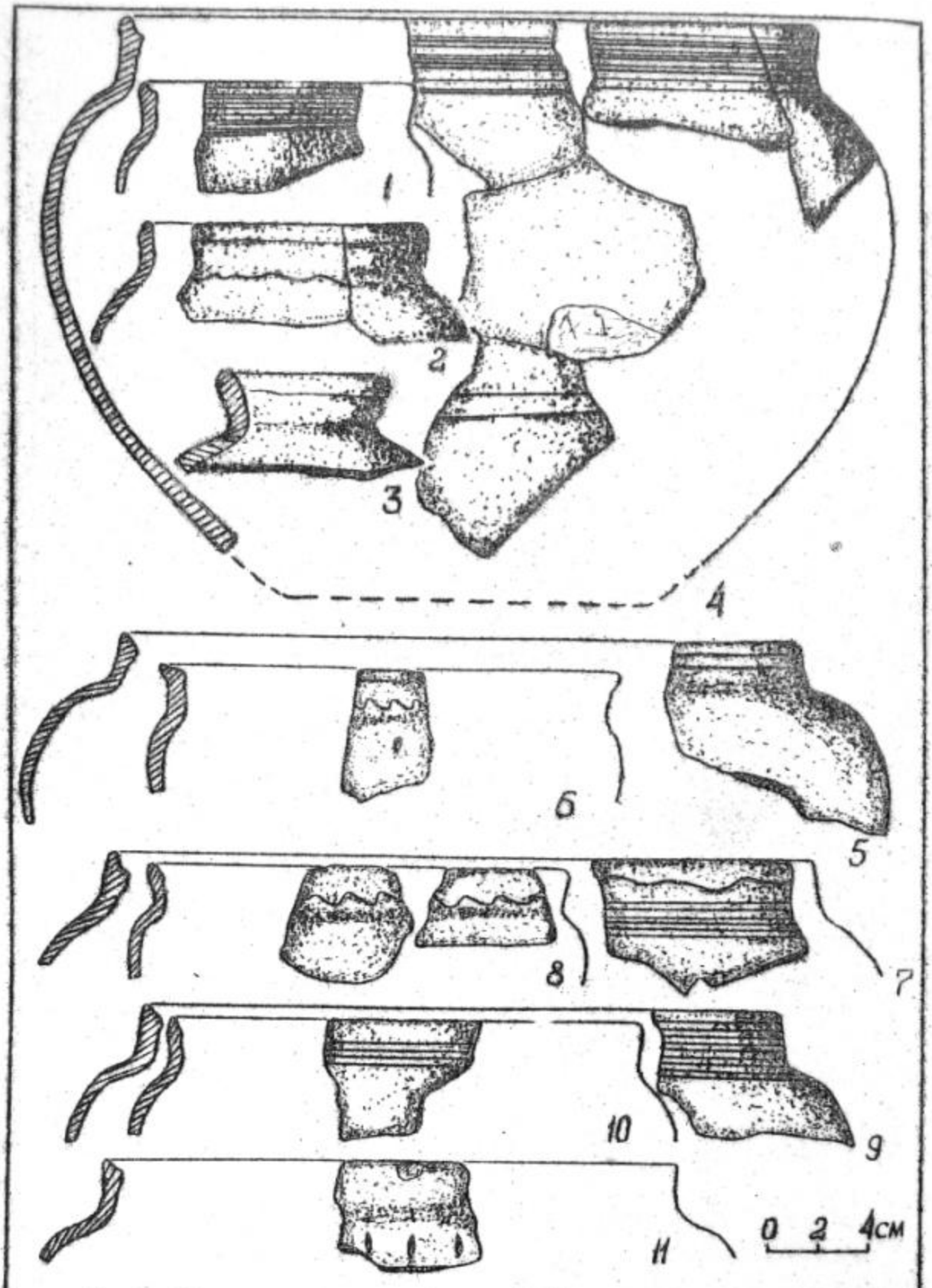


Рис. 2. Русская керамика первой группы из культурного слоя городища Ивницы.

две группы: первая - керамика, полностью обожженная в окислительной среде; вторая - керамика, обожженная на заключительном этапе в восстановительной среде.

Керамика первой группы составляет 96%. Сосуды имеют желтые или серые внешние и внутренние поверхности со следами нагара; тесто плотное, примесь - редкий мелкий песок, обжиг равномерный.

Горшки имеют прямую или слегка отогнутую шейку и загнутый внутрь край венчика, образующий утолщения различной формы (рис.2, 3). Диаметры горшков по верху от 6,5 до 32 см. Отметим лишь два горшка, отличающихся по оформлению венчика (рис.2, 2,3).

Орнаментировано более 99 горшков. Орнаментация в основном представлена прочерченными горизонтальными линиями по шейке (рис.2, 1,4,5,9,10; 3, 2); единичны фрагменты, орнаментированные волнистой линией (рис.2, 2,8; 3, 8) или сочетанием волнистой и прочерченных горизонтальных линий (рис.2, 7), вдавлениями (рис.2, 11) или сочетанием вдавлений и волнистой линии (рис.2, 6).

Днища горшков имеют диаметр 8-12 см. У некоторых из них есть бортик по краю и заметны следы подсыпки, применявшейся при формовке сосудов. Встречено несколько днищ, срезанных с гончарного круга. С внутренней стороны одного из днищ обнаружен кусок железа - свидетельство использования горшка для науглероживания железа [3, с.94; 4, с.53].

Найдено 57 фрагментов крышек от горшков, одна из которых имеет диаметр 30 см (рис.3, 11). Некоторые крышки орнаментированы прочерченными линиями. В центре они имели ручки, прикреплявшиеся с помощью глиняного "зуба". С внутренней стороны крышки "зуб" ручки расплющивался, а место скрепления в некоторых случаях зачерчивалось в виде решетки.

Единичными фрагментами представлены и миски (рис.4, 10,11). Кувшин имел небольшую ручку (возможно, и две) (рис.4, 12).

Найден зооморфный слив от сосуда (рукомойника)? (рис.5,4).

Керамика второй группы составляет 4% от всего позднесредневекового керамического комплекса. Сосуды этой группы подвергались чернению ("синению") [5, с.216,217,238-240; 6, с.68-73; 7, с.29,30].

Тесто сосудов плотное, белого или серого цвета по всей толщине черепка, что характерно для сосудов, подвергавшихся чернению в условиях восстановительной атмосферы [5, с.217].

К этой группе керамики относятся крышка от сосуда (рис.4,

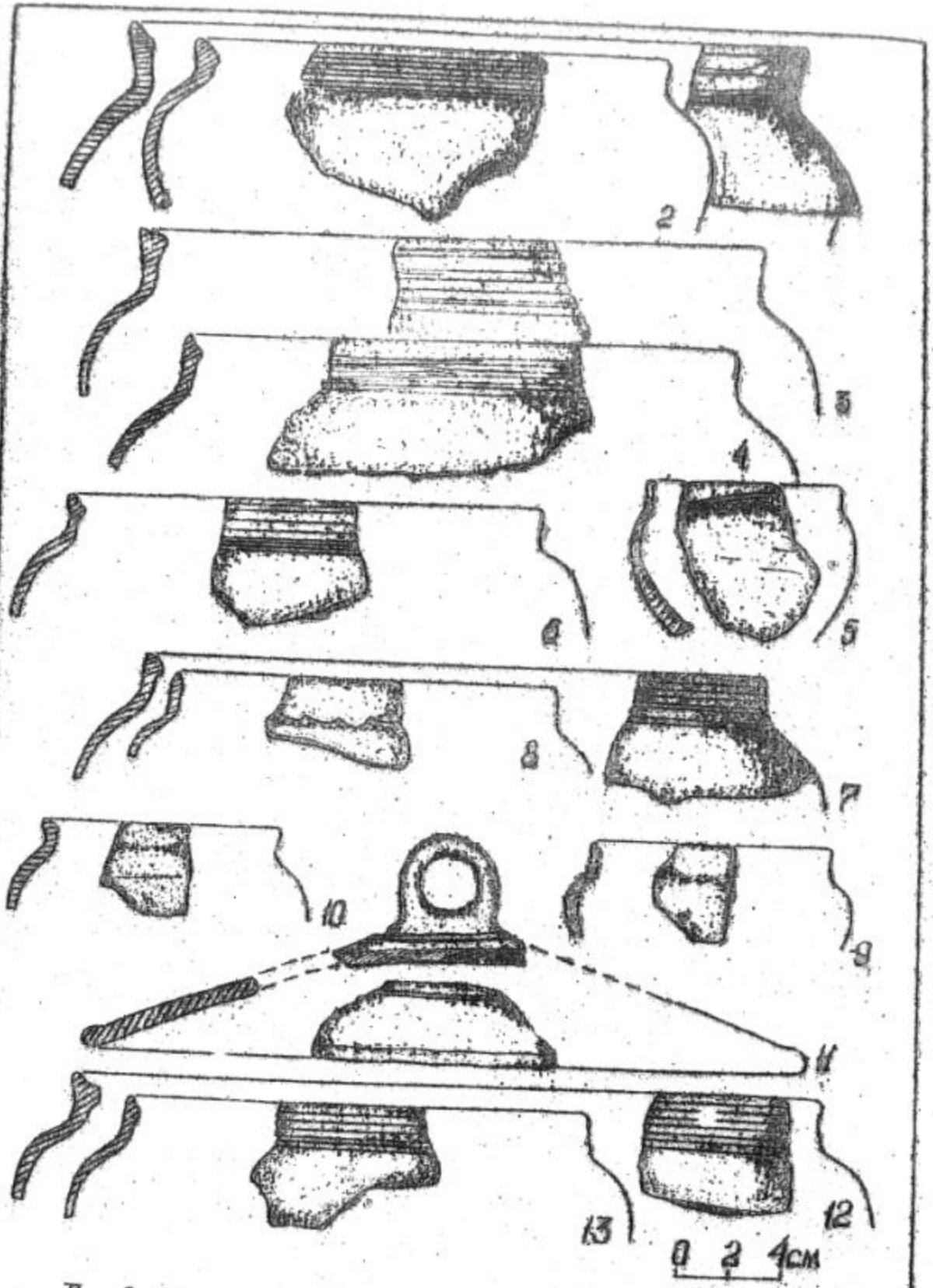


Рис. 3. Русская керамика первой группы из культурного слоя городища Овницы.

1), ручка, около двадцати фрагментов от кувшинов - черноморенных (рис.4, 7) и с лощением в виде отдельных полосок (рис.4, 2,3).

К позднему средневековью принадлежит и большинство индивидуальных находок. Среди них - орудия труда: два ножа, один из которых имеет на пластинчатом черенке три отверстия, в которых сохранились железные штифтики (рис.5, I,2); одна из створок литейной формочки для отливки шариков (рис.5, 5); сверло (бурав) (рис.5, 3); обломок скобеля (рис.5, I4); пробойник (?) (рис.5, 8); три гвоздя (рис.5, 6); четыре пряслица желтого и белого цвета (рис.5, I0, II,I2); три каменных оселка. Найдены также три подковки от обуви (рис.5, I5-I7); пряжка (рис.5, I3), часть внутреннего врезного замка (рис.5, I8), крючок (рис.5, 7) и наконечник стрелы (рис.5, 9).

Раскопом вскрыты остатки строительной конструкции в виде канавы в материке шириной I2-40 см, глубиной 5-23 см, где зафиксированы остатки древесного тлена и фрагменты русской керамики первой группы. С канавой связаны столбовые ямы диаметром 0,3-0,7 м, глубиной 0,I2-0,35 м (рис.I, Б). С рассматриваемой конструкцией связаны прослойки обожженной глины, древесного тлена и угля.

Важное значение для датировки памятника имеет керамика. М.Г.Рабинович, выделяя горшки, аналогичные по форме верхней части сосудам первой группы городища Ивницы, в 9-й тип московской керамики (грубая толстостенная керамика), отмечал, что данных для их точной датировки нет [6, с.64, рис.I, 7] . Р.Л.Розенфельдт считает, что горшки с такой профилировкой появляются в Москве в самом конце XУв. и получают широкое распространение в XУIв. [7, с.45, табл.I5, 6] . Аналогичные формы встречаются и среди московской красноглиняной керамики XIУ-XУвв. [7, с.I4, табл.2, 2] .

По мнению С.З.Чернова, керамика первой группы городища Ивницы по форме венчика и орнаменту аналогична московской белоглиняной керамике, датирующейся второй половиной XУI-XУIIвв. [8, с.II] .

Один из горшков первой группы (рис.2, 2) близок по форме ранним московским белоглиняным горшкам XУв. [7, табл.I5, 5,7, I0] . В XУI-XУIIвв. были распространены и крышки от горшков, аналогичные найденным на городище [7, табл.I5, II] .

Важно отметить, что горшки, близкие по форме сосудам первой

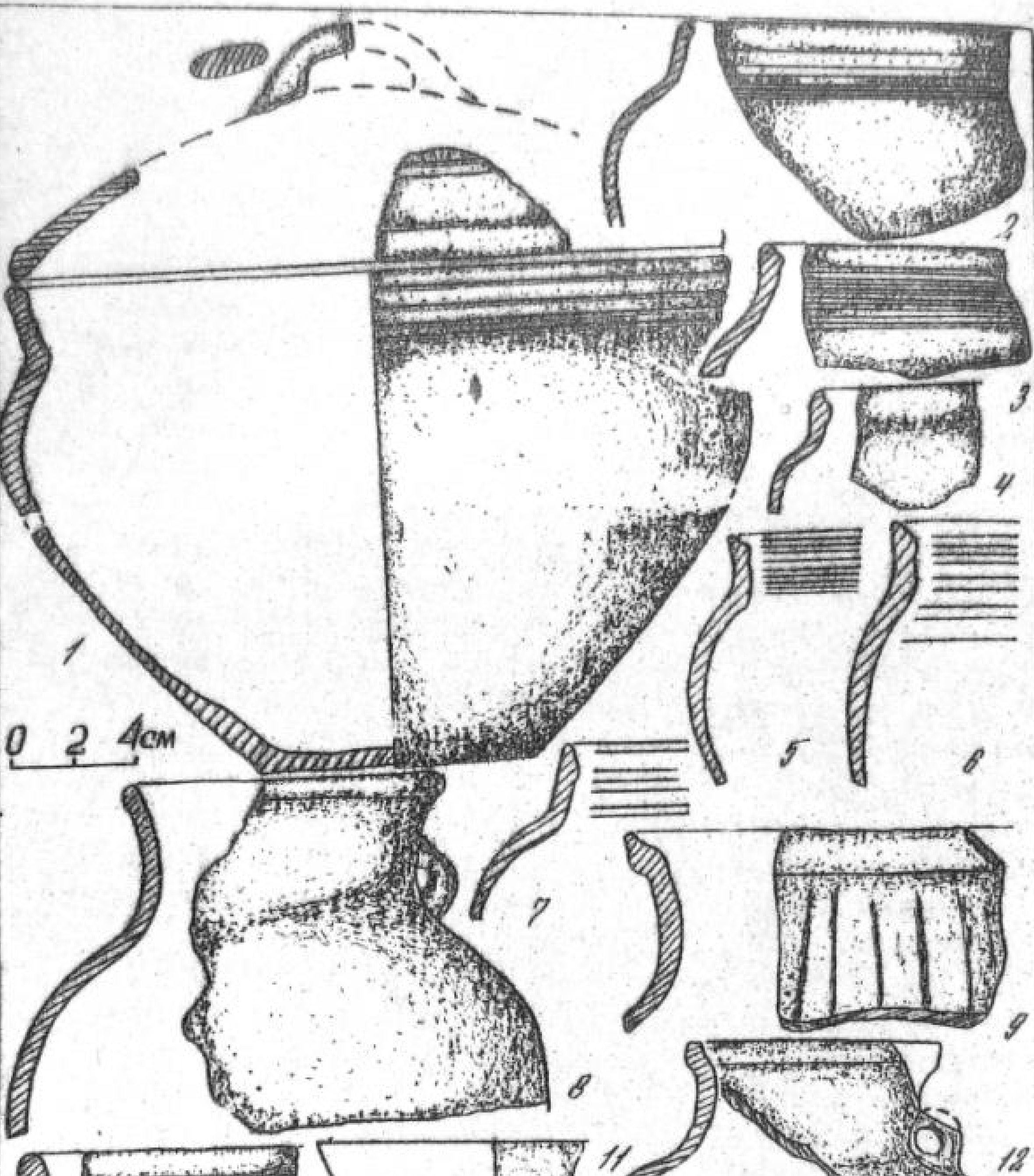


Рис. 4.

1-3 - русская керамика первой группы городища Ивницы,
4-6 - русская керамика второй группы. Позднесредневековая
керамика 7-11 - Воргольское гор., 12,13 - Казанский кр., 14 - Новг. Северский

группы керамики городища Ивницы, появляются в тех районах, куда распространяется территория Московского государства в XУIв. Так, например, такие горшки встречены в третьем слое стратиграфии Казанского кремля (рис.4,I2,I3), датирующемся второй половиной XУI-XУIIвв. [9, с.II9, рис.II,б]. И.Ф.Калинин отмечал, что эта керамика, изготовленная из белой глины, являлась в Казани привозной из центральных русских областей [9, с.I24].

Аналогичный горшок найден при раскопках в Астраханском кремле, сооружавшемся во второй половине XУIв.

Рассматриваемая керамика встречена и при исследовании детинца Новгород-Северского (рис.4,I4), вошедшего вместе с другими городами Подесенья в состав Великого княжества Московского в I503г.

Приведенные наблюдения, конечно же, не свидетельствуют о том, что такая керамика появляется во всех районах, вошедших в XУ-XУIвв. в Московское государство [I0; II; 30]. Тем не менее, вне его территории этого периода рассматриваемая форма горшков нам не известна [I3, рис.I].

В Подонье наиболее близкими керамике первой группы городища Ивницы являются материалы Воргольского городища в Елецком районе Липецкой области (рис 4, 7,II)[I4, с.I0, рис.II]. Елец и прилегавший к нему район уже в конце XУв., видимо, принадлежал Великому княжеству Московскому. Об этом могут свидетельствовать договорные грамоты I483 года Ивана III с рязанским князем Иваном Васильевичем [I5; 76а, 76б; I3, с.I44, карта].

Наиболее вероятное время появления таких сосудов в лесостепном Подонье можно в целом определить XУIв. (скорее всего, второй половиной XУIв.), в течение которого отмечалось движение русского населения из центра на юго-восточные окраины [I6, с.22]. Кроме того, в начале 20-х годов XУIв. Рязанское княжество, южными окраинами землями которого являлись низовья р.Воронеж, было присоединено к Московскому государству.

Обратимся к хронологии керамики второй группы. Как известно, чернолощеная керамика бытовала во многих городах Русского государства в XУI-XУIIвв. На сосудах XУII-XУIII вв. лощение менее тщательное [7, с.29]. Именно такой облик имеют фрагменты с городища. Мореная керамика получает распространение также в XУI-XУIII вв. [I7, с.I9; 7, с.28]. На городище был найден фрагмент днища от белоглиняного горшка, орнаментированного вертикальными линиями, нанесенными красной краской. Такой тип

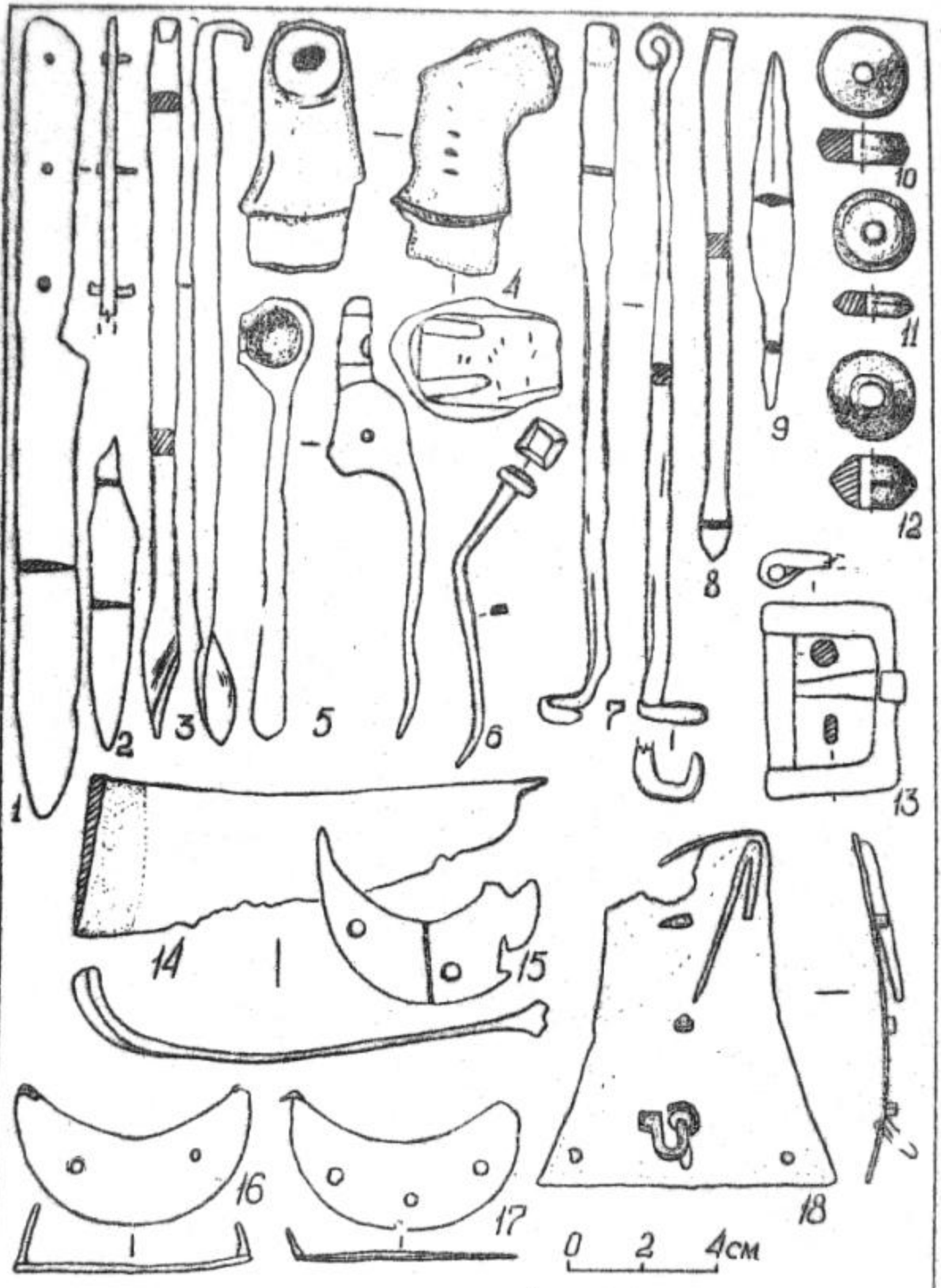


Рис. 5. Позднесредневековые вещи из культурного слоя городища Ивницы.

орнаментации, наряду со штампованной, был характерен для керамики казачьих городков XУП-XУШ вв. в Нижнем Подонье [18, рис.IУ, У, УI, УП, с.IO; I9, рис.5] .

Таким образом, керамику первой группы городища Ивницы предварительно можно датировать XУI в. (вероятнее, второй половиной XУIв.). К этому же времени принадлежат и остатки строительной конструкции. Керамика второй группы относится к XУП-XУШвв.

Индивидуальные находки малопоказательны в хронологическом отношении. Можно лишь отметить, что ножи с пластинчатым черенком, в котором есть отверстия со штифтиками, характерны для памятников XIУ-XУПвв. [3, рис.16, 7,8, с.58; 2I, рис.I, 7] . В этот же период использовались и сверла, аналогичные найденному на городище [22, табл.I7, I7; 3, рис.I7, 2] .

В период XУIв. городище Ивницы могло быть связано с процессом колонизации юго-восточной окраины Русского государства, но в Среднем Подонье сейчас известно около тридцати древнерусских памятников предшествующего, так называемого монгольского периода. Они расположены по рекам Дон, Воронеж, Битюг, Савала, Ворона, Хопер и др. Среди них назовем Шиловское поселение в низовьях р.Воронеж (исследовалось в I967-I97I, I973 годах под руководством А.Д.Пряхина), поселение Дрониха на Битюге (исследовалось в I974, I975 и I980 годах под руководством А.Т.Синюка), поселение Верхнекарабутское I на р.Дон (исследовалось в I983-I984 гг. под руководством В.И.Погорелова), городище у с.Николаевка на р.Хопер (раскопки А.А.Хрекова в I978-I980 гг.). На этих памятниках встречены наземные и полуземляночные постройки, изделия из железа, камня, кости, керамические комплексы, особенностью которых является наличие в них керамики, изготовленной в золотоордынских центрах.

Существование древнерусских поселений в Среднем Подонье в монгольский период подтверждается и данными письменных источников (грамоты митрополитов Феогноста и Алексея [23, № 3I2, 3I3]). С другой стороны, становится очевидным, что сведения "Хождения" Пимена в I389 года о запустении Верхнего и Среднего Подонья [24, с.95, 96] следует рассматривать применительно только к концу XIУв.

Можно предполагать, что на юго-восточной окраине Русского государства в XУIв., куда в это время направляется приток населения из центральных областей [I0, с.22,25] , оставалось русское население, попавшее сюда в предшествующий период.

Городище Ивницы имеет сходство с казачьими городками, которые строились на крутых берегах рек или на островах. Все городки были небольшими по размерам и малопригодными для жилья, но достаточно хорошо укрепленными для отражения нападения татар. Обычно они огораживались тыном, плетнем или земляными валами [26, с.8; 27, с.54,55].

Городище Ивницы могло входить и в систему сторожевой и станичной службы на окраинах Московского государства. В начале 70-х годов XУIв. в районе расположения городища заканчивался один из маршрутов разъездов Донских сторож [28, с.10, карта]. По топографическому положению оно аналогично оборонительным сооружениям первого типа (по А.В.Никитину), входившим в Засечную черту [29, с.201].

Материалы XУП-XУШвв. с памятника, видимо, уже связаны с деревней Ивницы, упоминаемой в "Дозорной книге 1615" и в "Писцовой книге 1629 года" [30, с.78,79,91,94,135,200].

Литература:

1. Медведев А.П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского университета по исследованию памятников раннего железного века за 1979 год. - Архив ИА АН СССР.

2. Винников А.З. Раскопки городища Ивницы // АО 1981. - М.: Наука, 1983. - С.50.

3. Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XШ-XIУвв. - Киев: Наукова Думка, 1982. - 117 с.

4. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. - 1953. - № 32. - 260 с.

5. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. - М.: Наука, 1978. - 272 с.

6. Рабинович М.Г. Московская керамика // МИА. - 1949. - № 12. - С.57-105.

7. Розенфельдт Р.Л. Мооковокое керамическое производство XП-XУШвв. // САИ. - 1968. - Вып.Е1-39. - 214 с.

8. Чернов С.З. Происхождение вотчин XIУ-XУвв. в районе Троице-Сергиева монастыря (историческая география землевладения). - Автореф. дис. канд.ист.н. - М.: Изд-во МГУ, 1983. - 17 с.

9. Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском кремле в 1953 году // Изв.Казанского филиала АН СССР. - 1955. - Вып.1. - Сер.гуманит. наук. - С.117-138.

10. Оборин В.А. Орел-городок - русский опорный пункт в Прикамье (XУI-XУПвв.) // Уч.зап. Пермского гос.ун-та. - 1957.- Т.10. - Вып.3. - С.145-164.

11. Оборин В.А., Балашенко Л.А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // Уч.зап. Пермского гос.ун-та. - 1968. - № 191. - С.28-48.

12. Юркина Т.В. О раскопках в Вязьме на Смоленщине // КСИА.- 1981. - № 164. - С.106-111.

13. Левко О.Н. Методика изучения позднесредневековой керамики Витебска // Древности Белоруссии и Литвы. - Минск: Наука и техника, 1982. - С.129-137.

14. Беседин В.И. Отчет об исследовании Воргольского и Семилукского городищ в 1981 году. - Архив ИА АН СССР.

15. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIУ-XУIвв. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - 545 с.

16. Загоровский В.П. Белгородская черта. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1969. - 304 с.

17. Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля // МИА. - 1971. - №167.- С.9-116.

18. Витков З.А. Археологическая разведка Нижне-Кундрюченского казачьего городка // Уч.зап. Мурманского гос.пед.ин-та. - 1957. - Т.1. - С.3-21.

19. Витков З.А. К вопросу о местоположении нижнедонских казачьих городков и их культуре // Уч.зап. Мурманского гос.пед. ин-та. - 1958. - Т.2. - Серия историко-филологическая. - Вып.2. С.151-178.

20. Юркина Т.В. О чернолощеной керамике Смоленска XIУ-XУПвв. // Проблемы истории СССР. - М.: Изд-во МГУ, 1976. - Вып.У. - С.56-70.

21. Юшко А.А., Хомутова Л.С. Ножи из раскопок Звенигорода Московского // КСИА. - 1981. - № 164. - С.116-119.

22. Белов М.И., Свсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских подярных мореходов и землепроходцев XУI-XУПвв. - М.: Наука, 1981. - 148 с.

23. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIУ - начала XУIв. - М., 1964. - Т.Ш. - 687 с.

24. ПСРЛ. Т.11-12. Никоновская летопись. - М.: Наука, 1965. - 266 с.

25. Загоровский В.П. Некоторые особенности колонизационного процесса южной окраины России в XVII веке и его периодизация // Тр. ВГУ. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1969. - Т.87. - С.83-93.

26. Витков З.А. Археологические раскопки на территории Даниловского бастиона в Старочеркасске // Историко-филологический сборник. - Мурманск: Изд-во Мурманского гос.пед.ин-та, 1959. - С.7-31.

27. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIIв. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос.ун-та, 1961. - 375 с.

28. Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века. Сторожевая и станичная служба и Засечная черта // Тр.ГИМ. - 1948. - Вып.20. - С.3-28.

29. Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI-XVIIвв. // МИА. - 1955. - № 44. - С.116-213.

30. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний // Воронежские писцовые книги. - Воронеж, - 1891. - Т.2. - 296 с.

В.Д.Березуцкий
(Воронежский пединститут)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКАХ ИЗ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ СРЕДНЕГО ДОНА

История кочевников X-XIVвв. территории Среднего Дона одна из малоизученных. Количество исследованных в настоящее время кочевнических погребений этого времени незначительно [1], что определяет необходимость и важность публикации новых материалов.

В 1985-1987 гг. отряд экспедиции Воронежского пединститута исследовал курганы Власовского могильника, расположенного на водораздельном участке рек Ворона и Баклуша (бассейн Хопра), высотой до 20 м, в 2 км севернее с.Власовка Грибановского района Воронежской области [2]. Могильник открыт в 1984 году [3].

Исследовано 17 из 18 курганов, расположенных компактной группой (рис.1, 1). Обнаружены погребени эпохи бронзы, раннего железного века и кочевников средневековья. Настоящая публикация посвящена материалам кочевнических погребений.

Погребение 1 кургана 3. В юго-восточном секторе кургана сразу под слоем дерна обнаружен костяк женщины, лежавшей вытянуто

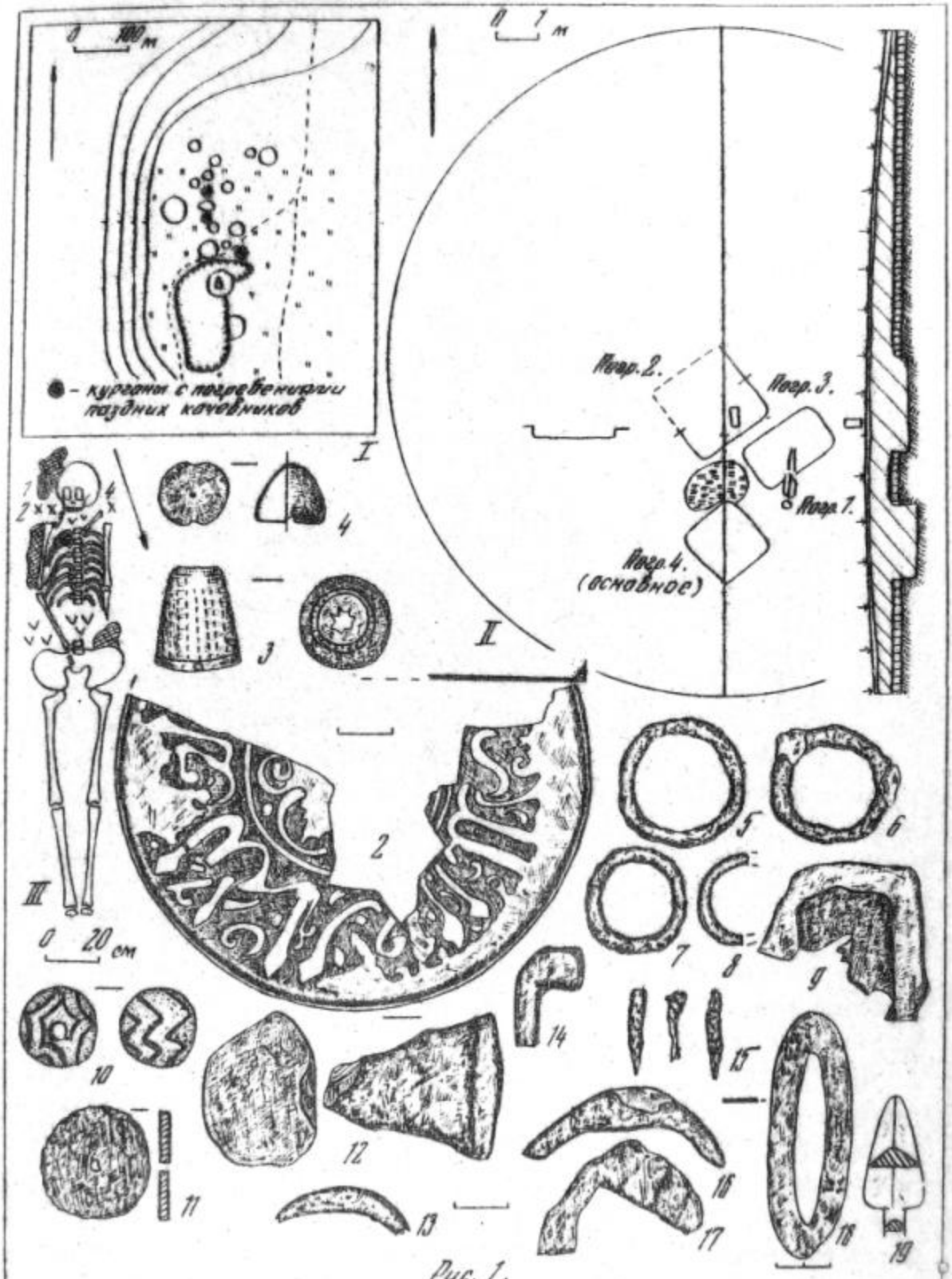


Рис. 1.

Власовский могильник.

I - план могильника. II - курган №3, план и профиль. III - план погр. 1. 1-4 - погр. 1: 1 - дерева; 2 - зеркала; 3 - налерстак (?); 4 - бубенчик; 5-10 - погр. 2: 5-6 - колоца; 9, 11-17 - фрагменты изделий, 10 - бусина, 18 - кресало; 19 - наконечник стрелы. (2-4 - бронза; 3-8, 9, 11-19 - железо; 10 - паста).

на спине головой на ЮЮЗ. Правая рука согнута в локте, кисть покоилась на тазовых костях, левая рука вытянута вдоль костяка (рис.I, Ш). Форма могильной ямы не выявлена.

Справа у черепа находились остатки сгнившего дерева (рис.I, Ш-I)*. Рядом обнаружены фрагменты бронзового зеркала диаметром 8,0 см с высокой закраиной (рис.I, Ш-2). С внутренней стороны, вокруг центральной орнаментальной розетки - арабская надпись почерком "насхи". Рядом с зеркалом лежал небольшой бронзовый колпачек в виде наперстка с вертикально восходящими насечками по внешней поверхности с отверстием у основания (рис.I, Ш-3). Слева от черепа найден бронзовый бубенчик (рис.I, Ш-4). Под костяком местами сохранились остатки органики от одежды или подстилки.

В области груди и позвоночника обнаружены древесные угли. В этих местах кости обожжены в результате действия огня.

Погребение 2. Обнаружено в центре кургана. Яма прямоугольной формы (2,0х2,I5-2,5 м) с вертикальными стенками и ровным полом была ориентирована длинными сторонами по линии СЗ-ЮВ и углублена в материк до 0,3 м. Могила ограблена. Фрагменты костяка взрослого человека в беспорядке были разбросаны у юго-восточной стенки. Здесь же найдены: овальное железное кресало с внутренней овальной прорезью (рис.I, I8); железные кольца (рис.I, 5-8); фрагменты железных предметов с остатками кожи и ткани (рис.I, 9,II-I4,I6,I7); небольшие железные гвозди (рис.I, I5), черешковый железный наконечник стрелы пирамидальной формы с трехгранным сечением, с головкой длиной 20 мм (рис.I, I9); круглая шарообразная пастовая бусина бледно-желтого цвета с перистым орнаментом, нанесенным голубой нитью (рис.I, I0). Здесь же, у юго-восточной стенки ямы, обнаружены угольки.

Погребение 2 кургана I0 наложилось на сарматскую яму и большей частью разрушило ее (рис.2, п). Совершено в яме прямоугольно-удлиненной формы размером 2,9 (общая длина, включая сарматскую яму) х I,0 м, ориентированной длинными сторонами по линии СВ-ЮЗ и углубленной в материк до 0,2 м. Пол ямы неровный. В северо-восточной части он углублен в материк на несколько сантиметров больше, чем позднекочевническая яма, в разрезе корытообразной формы, стенки пологие.

---

* Номера вещей на планах погребений и под рисунками вещей соответствуют.

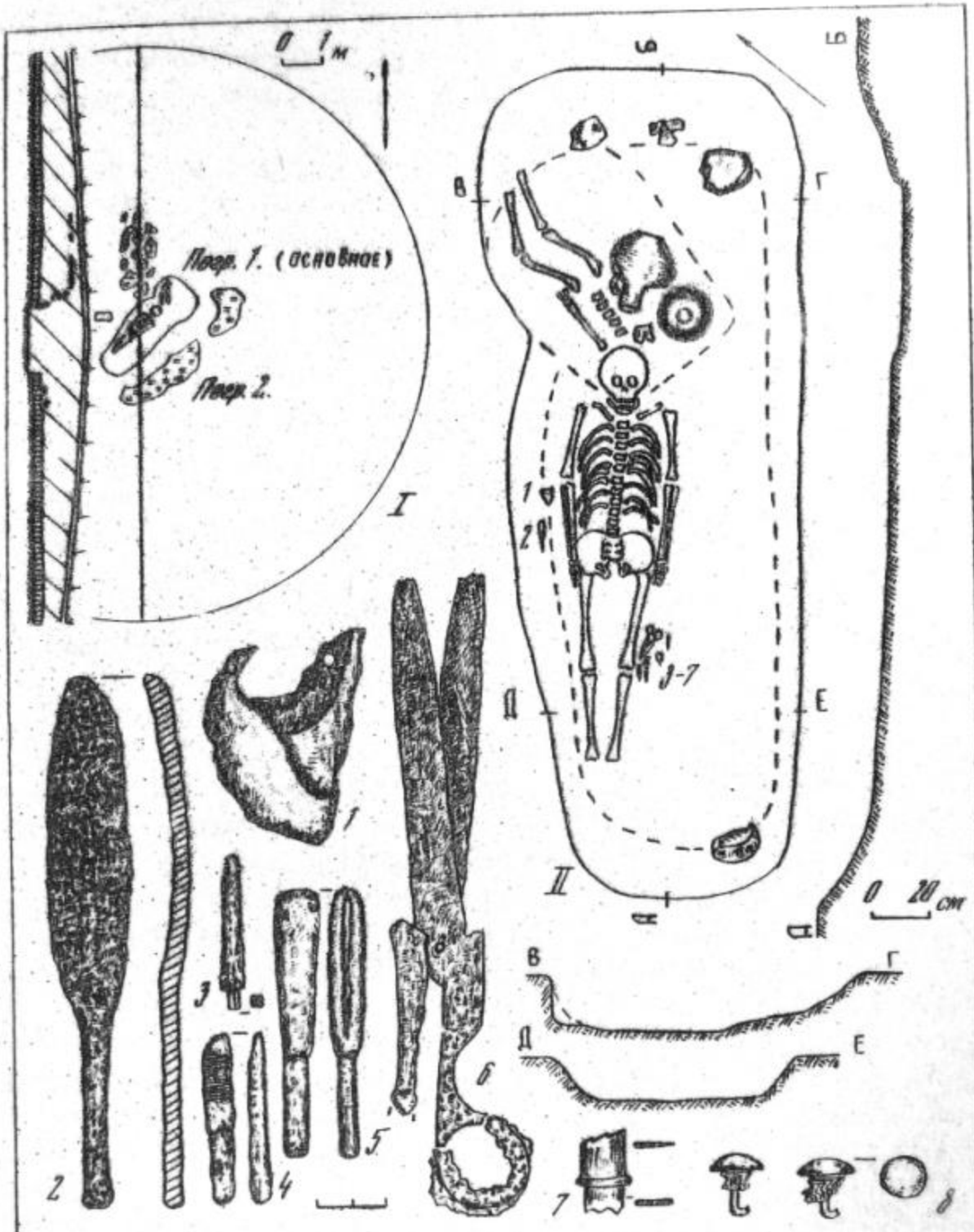


Рис. 2.

Власовский могильник. Курган № 10.

I - план и профиль кургана, II - план и профиль погр. №№ 1 и 2. 1-8 - вещи из погр. № 2: 1 - чашка; 2 - предмет неопределенного назначения; 3 - шило; 4-5 - пинцеты (?); 6 - ножницы; 7 - фрагмент ножа, 8 - звездн; (1 - бронза, 2-8 - железо).

Костяк женщины находился ближе к северо-западной стенке в положении вытянуто на спине, головой на северо-восток, руки вытянуты вдоль костяка (рис.2, П).

В юго-восточном и северо-восточном углах ямы лежало два камня из песчаника. Один плоский (в юго-восточном углу), другой пирамидальной формы, оба без каких-либо следов обработки. У правой руки погребенной обнаружена бронзовая чашка из листовой бронзы с двумя отверстиями для подвешивания (рис.2, I). Рядом найдены остатки сильно окислившегося железного предмета, похожего на ручку, приваренную сбоку к чашке (не сохранился), а также железный предмет непонятного назначения (рис.2, 2).

У левой ноги находился набор галантерейных предметов: железное шило в кожаном чехле (рис.2, II-3); два железных предмета, схожих с пинцетами (рис.2, II-4,5), на одном из них (рис.2, II-4) сохранились следы ткани с золотой нитью; шарнирные ножницы с кольцами (очевидно, находились в деревянном чехле, от которого сохранился древесный тлен); фрагмент одностороннего рогового гребня (не сохранился); остатки железного ножа (рис.2, II,7). Над погребенной в различных местах найдено более 20 железных гвоздей с полусферической шляпкой (рис.2, II,8). На гвоздях сохранилось дерево, очевидно от дощатого перекрытия. Судя по длине сохранившихся гвоздей, толщина досок не превышала 2 см.

Так как один из камней находился вне пределов сарматской ямы, а другой в пределах позднекочевнического погребения, следует, видимо, считать камни принадлежностью позднекочевнического погребения. Из этого предположения следует, что создатели погребения 2 по непонятной причине при сооружении погребения оставили в яме сарматский кувшин и миску, не заметить которые они не могли, т.к. последние находились на уровне позднекочевнической ямы. Костяк же сарматского погребения (ребенок) лежал ниже уровня пола позднекочевнической ямы примерно на 5 см. Череп, правую руку создатели погребения 2 выбросили, т.к. они были замечены, но остальная часть сарматского костяка, благодаря более низкому положению осталась нетронутой, как остались нетронутыми сарматские бусы лежавшие под черепом позднекочевнического погребения.

Принадлежность погребения 2 к позднекочевническому миру доказывает присутствие при погребенной бронзовой чашки (они известны у кочевников средневековья [5, с.87, рис.15], известны и на Среднем Дону в материалах XIII-XIVвв. [16, с.127, рис.3]), а также

шарнирных ножниц современного типа, известных в позднекочевнических погребениях [5, с.87, рис.15; 5, с.84]. Ни бронзовые чашки из листовой бронзы, ни шарнирные ножницы не характерны для сарматов лесостепного Дона и других территорий [6; 7].

Погребение 3 кургана 15. Совершено в центре кургана в яме прямоугольно-удлиненной формы с закругленными углами размером 1,6х0,85 м, ориентированной длинными сторонами по линии С-Ю с небольшим отклонением в восточный сектор. Стенки ямы отвесные, пол ровный, глубина в материке - 0,7 м (рис.3, П)

В заполнении (глина с примесью чернозема) найдены на различной глубине: мелкие фрагменты дерева; в юго-восточной части ямы - три плоских в сечении железных черешковых наконечника стрел (рис.3, 3-5); костяной колпачек (рис.3, 1). В северо-западном углу ямы обнаружен плоский черешковый наконечник стрелы (рис.3, 6), плоская круглая с отверстием по центру костяная поделка (рис.3, 2), кость ноги и лопатка овцы.

Погребенный (юноша ростом 1,45 м) лежал вытянуто на спине, головой на север с незначительным отклонением на ССВ (рис.3, П) Руки вытянуты вдоль костяка.

При погребенном находился сравнительно богатый набор вещей. У головы обнаружены: парные железные стремена с широкой подножкой арочным контуром (рис.3, 12); двусоставные кольчатые удила (рис.3, 11); железная подпружная сегментовидная пряжка (рис.3, 10). На стременах, удилах, пряжке сохранились остатки ткани.

У северной стенки найдены узкие костяные пластины (рис.3, 8). С внутренней стороны на них сохранились остатки дерева. Место, где были обнаружены пластины, устлано древесным тленом. Обкладки крепились к деревянной основе при помощи сохранившихся костяных и железных гвоздей (рис.3, 12), забитых поочередно или рядом друг с другом. В восточной части древесного тлена и костяных пластин лежали коррозированные фрагменты железа (рис.3, 7) с остатками дерева и ткани. Здесь же найдена костяная плоская трапециевидной формы поделка с овальным отверстием по центру (рис.3, 13). С внутренней стороны поделки сохранились остатки дерева. На внешней стороне тонким резцом нанесены рисунки рыбы и бегущего ушастого зверя с коротким хвостом (заяц?).

Рядом находилась плоская костяная фигурка с изображением животного кошачьей породы (лев или рысь) (рис.3, 14). С противоположной стороны скопления древесного тлена обнаружена

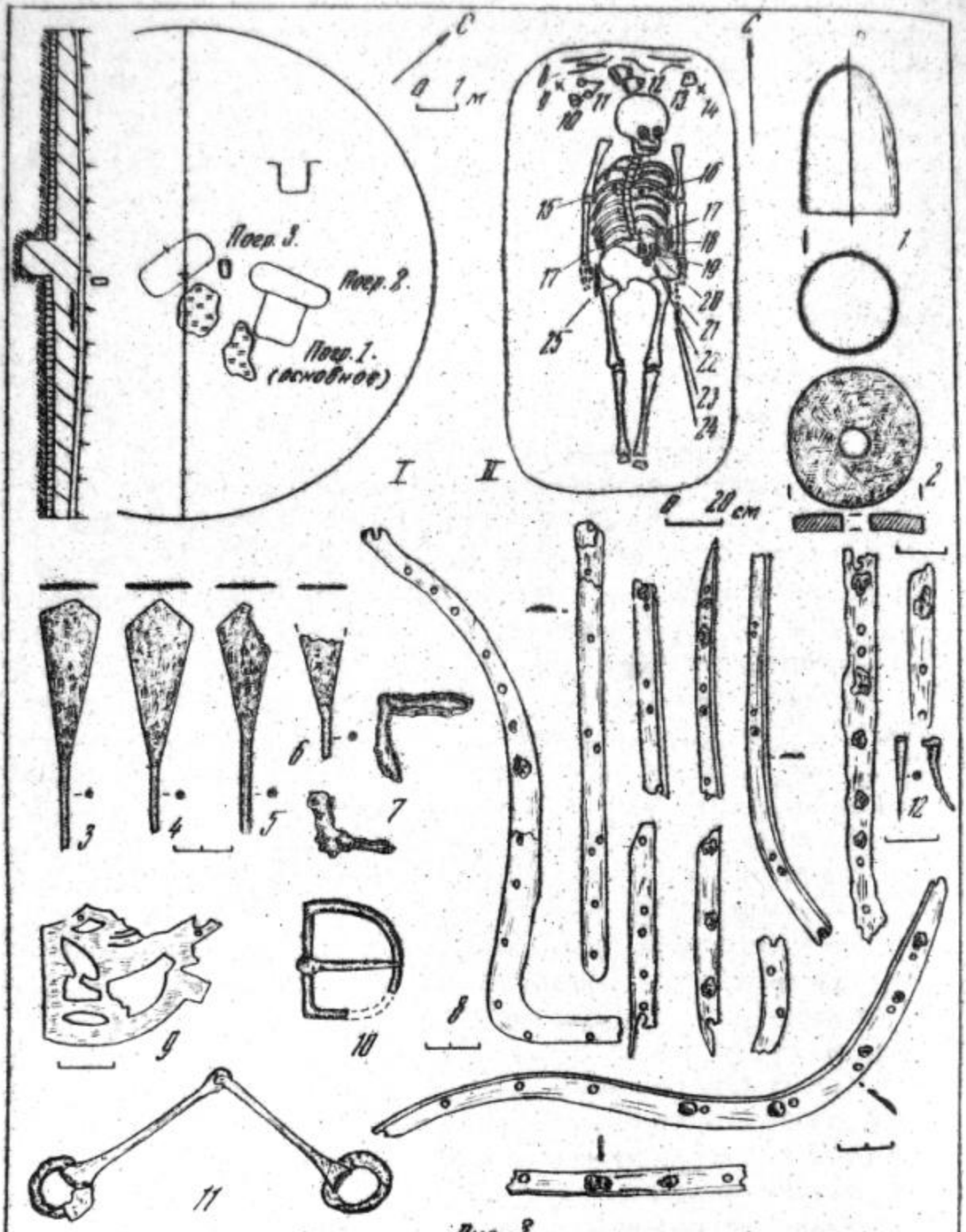


Рис. 3.

Власовский могильник. Курган № 15.

I - план и профиль кургана; II - план погр. 3; 1-12 - вещи из погр. 3: 1 - колпачек; 2 - подилка; 3-6 - наконечники стрел; 7,8 - фрагменты предметов от седла; 9 - изображение оленя; 10 - пряжка; 11 - удила (1,2,8,9 - кость; 3-7, 10, 11 - железо).

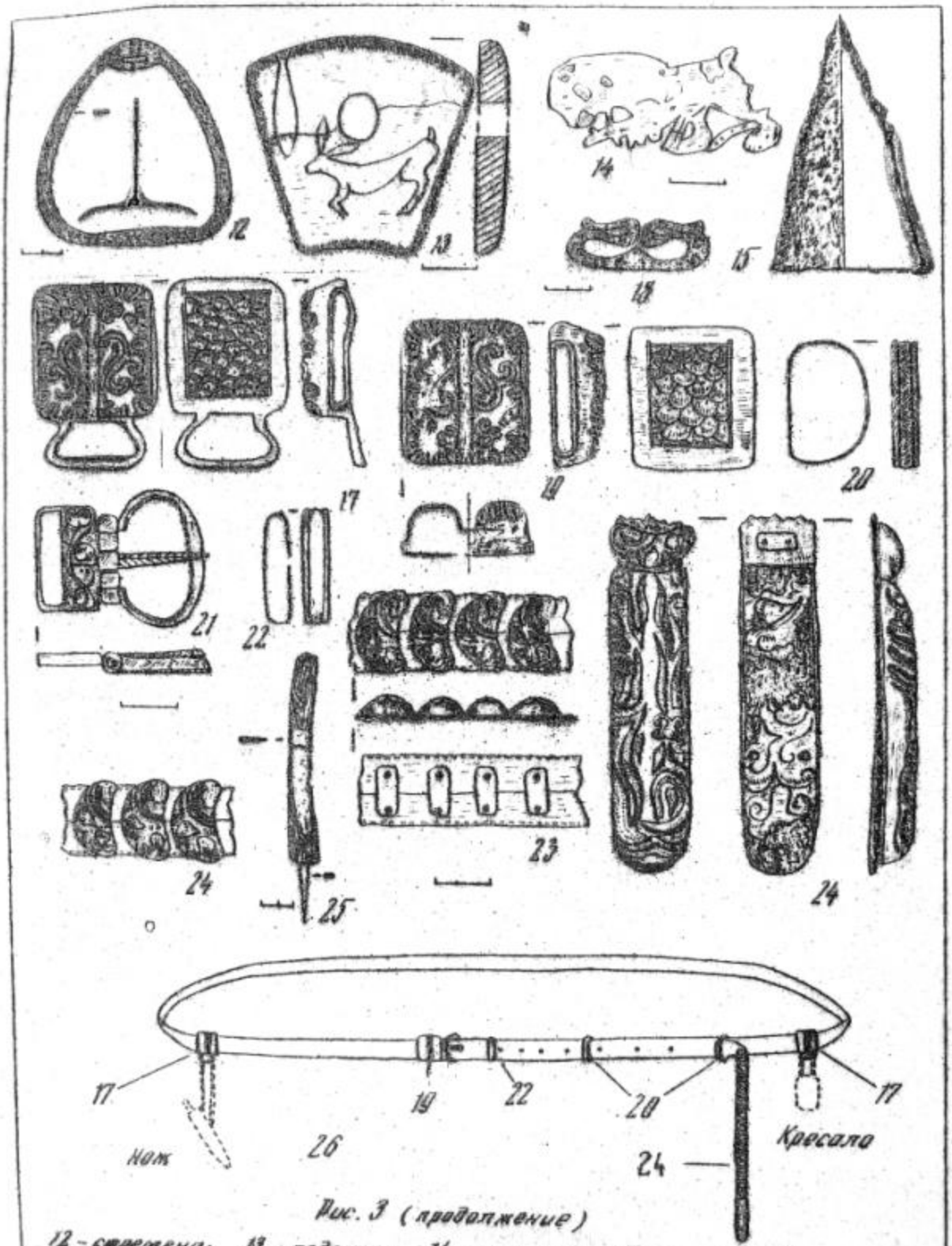


Рис. 3 (продолжение)

12 - стремена; 13 - поделка; 14 - фигурка; 15 - шишак (?); 17 - пряжка; 18 - кресало; 19 - пряжка; 20 - кольцо; 21 - пряжка; 22 - кольцо; 23, 24 - фрагменты парадного ремня; 25 - нож; 26 - реконструкция парадного ремня (12, 15, 18, 25 - железо; 13, 14 - кость; 17, 19-24 - серебро).

такая же пластина с изображением скачущего оленя (рис.3, 9).

Сначала узкие костяные пластины и древесный тлен были приняты за остатки колчана с деревянной основой и костяными обкладками. Однако наличие узких фигурных костяных пластин нехарактерных для колчанов [5, с.30, рис.4, с.31; 8], обильный древесный тлен и находки нескольких кусков дерева, расположение костяных пластин и древесного тлена у изголовья (обычно колчаны располагаются сбоку, справа или слева от погребенного), наконец, положенные рядом предметы конной сбруи (удила, подпружная пряжка, стремена) свидетельствуют о том, что в погребении обнаружены остатки седла. Седла встречаются в кочевнических погребениях и часто их обивали узкими костяными пластинами [5, с.21; 9, с.244, рис.72, 42]. Фигурки животных и костяная поделка с изображением рыбы и животного, очевидно, также являются принадлежностями седла.

Справа, на линии локтевого сустава погребенного, у ребер лежал железный конусовидный полый предмет, свернутый из листового железа высотой 4,5 см и диаметром около 3 см с остатками ткани (рис.3, 15). Почти рядом находился бесформенный кусок окислившегося железа (рис.3, 16).

Конусовидный предмет представлял собой, по всей вероятности, верх головного убора - шишак. Такого типа предметы известны в кочевнических погребениях [4, с.95, рис.2, с.97, рис.4, 9].

В области таза найдены две серебряные пряжки с дужкой (рис.3, 17). На дужках сохранились остатки нитей и ткани, а в прорезях для ремня - фрагменты кожи. Внешняя сторона пряжек орнаментирована рельефным растительным орнаментом, внутренняя - "чешуйчатым".

Третья, такая же пряжка, но без дужки, найдена посередине таза (рис.3, 19). У кисти левой руки лежало железное калачевидное кресало с внутренним треугольным выступом и остатками ткани (рис.3, 18).

В области таза погребенного, а также у кисти левой руки находились остатки серебряного поясного набора: серебряная пряжка с овальной дужкой растительным орнаментом и орнаментом в виде насечек (рис.3, 21); три серебряных ременных кольца (два полусферической и одно овальной формы) (рис.3, 20,22). У кисти левой руки располагались остатки пояса с ременной основой, на которую при помощи штифтов крепились фольгированные серебряные декоративные бляшки полулунной формы с рельефным растительным

орнаментом по поверхности (рис.3, 23). Основа, на которую крепилась 21 бляшка - кость.

Окончание ремня удлиненной формы, на серебряной фольге - рельефный растительный орнамент (рис.3, 23, 24). Костяная основа, на которую крепилась фольга, крепилась штифтами к плоской бронзовой основе, которая также орнаментирована растительным орнаментом, нанесенным тонким резцом.

У правой руки погребенного лежал черешковый железный нож с остатками деревянных ножен (рис.3, 25). Длина лезвия 12 см, черешка - 3,5 см, наибольшая ширина сегментовидного в сечении лезвия - 2 см*.

В области груди погребенного найдены фрагменты ткани.

Четко датирующим типом вещей из погребения I кургана 3 является зеркало. Зеркала с арабской надписью почерком "насхи" известны из Нового Сарая [5, с.83], Болгара [10, с.35]. Г.А.Федоров-Давыдов датирует их золотоордынской эпохой - второй половиной XIII-XIVвв. [5, с.116]. Не противоречит этому времени и меридиональная ориентировка костяка, хотя для золотоордынской эпохи более характерна не южная, а северная ориентировка [5, с.163-165]. Аналоги бронзовому бубенчику и колпачку (наперстку?) имеются в материалах кочевнических древностей Поросья [11, с.85, табл.37, 7; 12, с.169, рис.9, 1].

Наконечник стрелы из погребения 2 кургана 3 ближе всего к

---

* При реконструкции ремня учитывалось: во-первых, положение принадлежностей ремня в погребении; во-вторых, результаты поисков аналогий; в-третьих, возможные варианты присоединения деталей ремня.

Выяснилось, в частности, что положение пряжки без дужки в центре и справа от сегментовидной пряжки наиболее вероятно, т.к. в случае ее размещени. слева возникает необходимость через нее пропускать окончание ремня, что практически сделать невозможно. По всей вероятности дужка этой пряжки была сломана и использовалась пряжка уже как украшение.

Назначение двух других пряжек вполне определенное - на их дужках крепились чехлы от ножа (справа) и кресала (слев). Изображение подвешенных к ремню ножей и кресал видно на каменных половецких "бабах" 5, с.169, рис.25; 6; рис.26, 7; рис.28, 1; рис.25, 2,5 .

наконечникам из группы граненых бронебойных черешковых (тип 76 вариант 3 по А.Ф.Медведеву). Такого типа наконечники были распространены на территории Восточной Европы со второй половины XI по XIУвв. включительно до применения огнестрельного оружия [13, с.79].

Овальные двулезвийные кресала с овальной прорезью имеются в Новгороде, в слоях XШ-XУвв. [5, с.84, рис.12, с.66; 14,с.101-103]. Таким образом, погребение датируется XШ-XIУвв.

Погребение 2 кургана 10 представляется возможным датировать XIУв. Ножницы шарнирные современного типа с кольцами известны в Новгороде с XIУв. Они представлены также в материалах Саркела - Белой Вежи [5, с.84]. Погребения с северо-восточной ориентировкой, очевидно, являются отклонением от северной. Погребения с северо-восточной ориентировкой известны в позднекочевнических древностях [15, с.220, рис.10, с.229].

Погребение 3 кургана 15 - первое и пока единственное богатое кочевническое погребение на Среднем Дону. Его датируют стремена (отдел Е, тип I по Г.А.Федорову-Давыдову), классификация и хронология которых хорошо разработана. Такого типа стремена часто встречаются в материалах XIУв. [5, с.16].

Удила, найденные в погребении (отдел Г, тип IУ по Г.А.Федорову-Давыдову), относятся ко времени второй половины XШ-XIУвв. [5, с.18].

Наконечники стрел двух типов по классификации А.Ф.Медведева - тип 70 (рис.3, 4) и тип 67 (рис.3, 3,5), или тип BXI по Г.А.Федорову-Давыдову. Такого типа наконечники распространяются в Восточной Европе только с приходом орд Батыя в XШ-XIУвв. [13, с.75,77; 5, с.28].

Серебряный поясной набор аналогичный найденному известен в погребении богатого кочевника XIУ-XУвв. из Поднепровья у с.Ново-Подкряжск [4, с.91]. Различаются рельефные рисунки на лунницах, материал фольгированной обкладки (на поясе из Ново-Подкряжска лунницы позолочены), оформление окончания ремня. Незначительны отличия серебряных поясных пряжек, которые касаются только мотива орнамента и сегмента (ново-подкряжская пряжка имеет более высокий сегмент) [4, с.94, рис.6].

Калачевидное кресало, сегментовидная пряжка не уточняют дату погребения и не противоречат предлагаемой дате - XIУв. Широкий хронологический диапазон распространения имеет железный нож.

Таким образом, обнаруженные в курганах Власовского могильника

погребения кочевников относятся к золотоордынскому времени - второй половине XШ-XIУвв.

Не характерна для позднекочевнических погребений широкая прямоугольная яма (курган 3 погребение 2). Однако такая яма уже известна на Среднем Дону [17, с.147, рис.I]. Погребенный лежал у западной короткой стенки головой на север. Яма ориентирована длинными сторонами по линии З-В. Погребение датируется монетой XIУв.

Судя по расположению костей и инвентаря Власовского ограбленного погребения, погребенный тоже лежал у короткой стенки ямы и имел либо юго-западную, либо, скорее всего, северо-восточную ориентировку. Два погребения имеют четко выраженную меридиональную ориентировку (курган 3 погребение I, курган I5 погребение 3). Изменение ориентировки в золотоордынский период на меридиональную, а также отсутствие одновременного захоронения коня или его частей в погребениях кочевников связывается исследователями с приходом в степи Восточной Европы монголов, а также других восточных племен, втянутых монголами в их движение на Запад [5, с.I59].

В двух погребениях встречены следы действия огня (курган 3 погребения I, 2). По наблюдениям Г.А.Федорова-Давыдова, остатки огненного ритуала в погребениях локализуются главным образом в Волжских степях, но известны в погребениях кочевников и других территорий в XП-XIУвв. [5, с.I23].

Решить однозначно вопрос об этнической принадлежности обнаруженных погребений в настоящее время сложно. До прихода в донские земли монголов здесь кочевали половцы. Наличие половецких кочевий в бассейне рек Ворона и Хопер подтверждают письменные источники [I8, с.I84].

С приходом в степи Восточной Европы монголов происходит передвижение и смешение групп племен [5, с.I60]. Основным населением по-прежнему оставались половецкие племена [9, с.23I]. Обряды, вещи половцев XП-нач.XШвв. продолжали бытовать и в золотоордынский период. Самих монголов было незначительное количество [5, с.I57-I58], обряд погребения их коренным образом отличался от обряда обнаруженных погребений [I9, с.86; 20 с.32-33]. Вместе с монголами из районов Сибири, Казахстана пришла волна восточных племен. С восточным этносом связывается, в частности, северная ориентировка погребенных [5, с.I59; 9, с.23].

Вполне возможно, что погребение 3 кургана 15 с северной ориентировкой и вещами, появившимися только в золотоордынское время и принадлежит представителю того этноса, который появился на Среднем Дону из районов Сибири и Казахстана вместе приходом в южнорусские степи монголов.

Литература:

I. Цыбин М.В. Погребения средневековых кочевников X-XIУвв. в Среднем Подонье // СА. - 1986. - № 3. - С.257-266.

2. Березуцкий В.Д. Отчет о раскопках курганов Власовского могильника в Грибановском районе Воронежской области в 1985г. // Архив ИА АН СССР; Березуцкий В.Д. Раскопки курганов в Левобережье Среднего Дона // АО-1985. - М.: Наука, 1986. - С.53-54; Синюк А.Т. Отчет о работах археологической экспедиции Воронежского педагогического института в 1986г. // Архив ИА АН СССР; Синюк А.Т. Отче. о работах археологической экспедиции Воронежского пединститута в 1987г. // Архив ИА АН СССР.

3. Березуцкий В.Д. Отчет о работе в бассейне р.Ворона в Воронежской и Тамбовской областях в 1984г. // Архив ИА АН СССР. Р1. - № 10647.

4. Шалобудов В.Н., Кудрявцева Н.В. Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы степного Поднепровья. - Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1980. - С.90-97.

5. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. - М.: Наука, 1966. - 274 с.

6. Медведев А.П. Лесостепное Подонье в сарматское время // Диссертация на соискание ученой степени канд.ист.наук. - Воронеж. - 1983. - 276 с. (рукопись).

7. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. - 150 с.

8. Малиновская Н.В. Колчаны XШ-XIУвв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. - М.: Наука, 1974. - С.132-175.

9. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР.- М.: Наука, 1981. - 300 с.

10. ИСАИЗ. - 1894. - Вып.ХШ.

11. Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков // САИ. - 1973. - Вып.Е1-19. - 95 с.

12. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА. - 1958. - № 62. - С.157-226.

13. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел УШ-XIУвв. - М.: Наука, 1966. - 183 с.

14. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. - 1959. - № 65. - С.7-121.

15. Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Научные труды. - Куйбышев: Изд-во Куйбышевского пед.ин-та, 1979. - Т.230. - С.202-240.

16. Матвеев Ю.П., Медведев А.П. Курганы у с.Караяшник на территории Воронежской области // Археология Восточно-Европейской лесостепи. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. - С.124-144.

17. Синюк А.Т., Погорелов В.И. Исследование курганов в Левобережье Среднего Дона // СА. - 1986. - № 1. - С.146-151.

18. Никоновская летопись // ПСРЛ. - 1965. - Т.IX.

19. Зяблин Л.П. О "татарских" курганах // СА. - 1955. - № XXП. - С.83-99.

20. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. - М.: Наука, 1957. - 196 с.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

АО	- Археологические открытия
АСГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАУ	- Вопросы археологии Урала
ИА АН СССР	- Институт археологии АН СССР
ИОАИЭ	- Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	- Ленинградское отделение Института археологии
МГУ	- Московский государственный университет
МИА	- Материалы и исследования по археологии
ПСРЛ	- Полное собрание русских летописей
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
Тр.НИИЯЛИЭ	- Труды научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Саранск

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Бессудное А.Н. Колосково IУ - мезолитический памятник Посожолья 3-I2

2. Синюк А.Т. О понятии "энеолит" для лесостепи Днепро-Доно-Волжского междуречья. I3-23

3. Смирнов А.С. Лесное Подесенье в эпоху раннего металла 23-39

4. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. Полтавкинские могильники у с.Красносамарское в лесостепном Заволжье. 39-59

5. Погорелов В.И. Погребения катакомбного типа 2-го Павловского могильника. 59-74

6. Аринчина Т.Ю. Культовая посуда средне-донской катакомбной культуры. 74-88

7. Бойков А.А. Разведки в Правобережье Хопра 88-97

8. Килейников В.В. Ремесло и домашние производства у населения донской лесостепной срубной культуры. 97-II0

9. Медведев А.П. Городище Чертовицкое 2 . . . . III-II7

I0. Николаенко А.Г. Лесостепное Приосколье в I тыс. н.э. (материалы к археологической карте) II7-I40

II. Цыбин М.В. Городище Ивницы. I40-I52

I2. Березуцкий В.Д. Новые данные о поздних кочевниках из левобережья Среднего Дона I52-I65

Исследование памятников археологии Восточной Европы

Межвузовский сборник научных трудов

Темплан 1988, поз.57

Редактор Н.М.Дронова

Подписано к печати 28.10.88
ЛЕ 03285
Формат 60x84 1/16
Усл.п.л. 10,0 Уч.-изд.л. 10,0
Тираж 500 экз. Заказ 4255 ф
Цена 1 руб.

Воронежский ордена "Знак Почета" государственный педагогический институт.
394611, Воронеж,
ул.Ленина, 86

Ротапринт типографии "Транспорт" Управления издательств, полиграфии и книжной торговли
394018 г.Воронеж,
пр.Революции", 18